

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ПО ЗДОРОВЬЮ, ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ И ДУХОВНОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕКА

ФОРУМ

"Здоровый образ жизни"

Разговоры на общие темы, Вопросы по библиотеке, Обсуждение прочитанных книг и статей,
Консультации специалистов: Рэйки;
Космоэнергетика; Учение доктора Залманова;
Йога; Практическая Философия и Психология;
Развитие Личности; В гостях у астролога;
Осознанное существование; Фэн-Шуй, Обмен опытом и т.д.

Лао-Цзы. (перевод - Лисевич И.С.) - Книга Пути и Благодати

СОДЕРЖАНИЕ

[Слово о переводчике](#)

[От редактора](#)

[КНИГА Пути](#)

[Прежде, чем прочесть Лао-цзы](#)

[Стих 1. Воплощение пути](#)

[Стих 2. Самовоспитание](#)

[Стих 3. Успокоение народа](#)

[Стих 4. Без истока](#)

[Стих 5. Польза пустоты :](#)

[Стих 6. Возникновение образов](#)

[Стих 7. Луч, вложенный в ножны](#)

[Стих 8. Изменить свою природу](#)

[Стих 9. Движение к гибели](#)

[Стих 10. Способность свершать](#)

[Стих 11. Польза несуществующего](#)

[Стих 12. Смирять желания](#)

[Стих 13. Довольствоваться позором](#)

[Стих 14. Хвала сокровенному](#)

[Стих 15. Явленная благодать](#)

[Стих 16. Возвращение к корню](#)

[Стих 17. Веяния верности](#)

[Стих 18. Мирское истончение](#)

[Стих 19. Возвращение к верному](#)

[Стих 20. Странный нрав](#)

[Стих 21. Опустошение сердца](#)

[Стих 22. Польза смирения](#)

[Стих 23. Пустота и небытие](#)

[Стих 24. Муки - и милосердие](#)

[Стих 25. Образ изначального](#)

[Стих 26. Благодатность тяжелого](#)

[Стих 27. Умело использовать](#)

[Стих 28. Назад к безыскусности](#)

[Стих 29. Недеяние](#)

[Стих 30. Меньше воинственности](#)

[Стих 31. Удержи оружие](#)

[Стих 32. Благодать мудрого](#)

[Стих 33. Осознание благодати](#)

[Стих 34. Когда исполнено](#)

[Стих 35. Благодать милосердия](#)

[Стих 36. Понимание сокровенного](#)

[Стих 37. Как управлять](#)

[Комментарий](#)

[Комментарий \(продолжение\)](#)

[Л. Толстой. О сущности учения Лао-Тзе](#)

[ЛАО-СИ ТАО-ТЕ-КИНГ, ИЛИ ПИСАНИЕ О НРАВСТВЕННОСТИ](#)

[Первая книга](#)

[Вторая книга](#)

[Комментарий](#)

[Примечания](#)

[О жизни Лао-Си](#)

[Понятие Тао у Лао-Си](#)

[Примечания к отдельным главам](#)

[ДАЛЕЕ](#)

Наш сайт является помещением библиотеки. На основании [Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" \(в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ\)](#) копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных на данной библиотеке категорически запрещен. Все материалы представлены исключительно в ознакомительных целях.

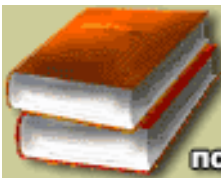
Методические пособия для индивидуального обучения на Видео кассетах VHS и DVD - Мирзакарим Норбеков, Александр Свияш, Ошо, Виктор Востоков, Майя Гоголан, Сатья Саи Баба, Дипак Чопра, Валерий Синельников, Мантэк Чиа, Наталья Правдина, Дмитрий Верицагин, Сергей Коновалов **и др.**

Музыка для релаксации, медитации, восстановления здоровья, для занятий Йогой, при проведении сеанса лечебного массажа, Фэн Шуй, специально для детей и т.п. **на CD в форматах mp3 и cda**

Книги по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

 КОСМОС ТВ 8898540 +7178	 Участник Rambler's TOP 100	 ONLINE БИБЛИОТЕКА	 РЕЙТИНГ 45378576 23377 6023	 Библиотеки ALLBEST.ru	 Белые Облака	 36 371 6 125 6 013
---	--	--	---	---	--	--

Copyright © 2000 - 2006 г. UniversalInternetLibrary.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ПО ЗДОРОВЬЮ, ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ И ДУХОВНОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕКА

ФОРУМ

"Здоровый образ жизни"

Разговоры на общие темы, Вопросы по библиотеке, Обсуждение прочитанных книг и статей,
Консультации специалистов: Рэйки;
Космоэнергетика; Учение доктора Залманова;
Йога; Практическая Философия и Психология;
Развитие Личности; В гостях у астролога;
Осознанное существование; Фэн-Шуй, Обмен опытом и т.д.

Лао-Цзы. (перевод - Лисевич И.С.) - Книга Пути и Благодати

СЛОВО О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Переиздание важнейшего памятника китайской философской прозы, провозгласившей учение, просуществовавшее тысячелетия, продиктовано временем и активным читательским интересом. Автор перевода И.С. Лисевич оставил яркий свет в отечественной синологии. Главной областью его научных интересов было литературоведение. Прежде всего - эстетическая мысль и поэтика Древнего Китая, древнекитайская литературная поэзия, философская проза. Обладая замечательным литературным даром, он переводил древнекитайские тексты, подчеркивая мелодичность и выразительность китайской поэзии и прозы. Ему удалось передать аромат эпохи, стирая барьер непонимания чужой ментальности, открыть мир, словно повернутый к нам какой-то неведомой, но значительной своей стороной. Его переводы китайской пейзажной лирики, стихотворений Ли Бо, Ду Фу и других не раз переиздавались, пользуясь заслуженной популярностью среди широкого круга писателей. Расплетая причудливую вязь иероглифов, он сумел выразить мысли и чувства авторов, являя читателю мир лирического героя во всей его полноте. Блестящий мастер перевода, он смог единственно точными словами выразить вечное, приобщить читателя к сокровенному.

Замечательный текстолог, И.С. Лисевич выступал не только как переводчик, но и как профессиональный составитель известных антологий древнекитайской литературы, снабжал их исследовательскими предисловиями, введениями, комментариями ("Из

книг мудрецов", 1987, "Бамбуковые страницы", 1994, "Китайская пейзажная лирика", 1999, "Павильон наслаждений", 2000).

И.С. Лисевич - автор более полутора сотен статей, переводов, трех монографий, составитель многих антологий. Одна из его книг - монография "Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков" (М., 1979) посвящена глубокому исследованию становления и развития эстетической системы Древнего Китая от древнейших памятников до раннего средневековья включительно. На обширном историко-культурном материале И.С. Лисевич дал обстоятельный всесторонний анализ важнейших эстетических категорий.

Изучая философскую мысль Древнего Китая, И.С. Лисевич подкреплял и иллюстрировал свои фундаментальные научные исследования многочисленными собственными переводами из древнекитайских памятников "Лицзи", "Мэнцзы", "Ханьфэй-цзы", трудов Ван Чуна, Ян Сюна, Лю Се, Цао Пи и др. Особо следует отметить его перевод одного из величайших философских памятников - "Дао дэ цзин", выполненный в лучших академических традициях, но, к сожалению, оставшийся незавершенным (первая его часть была опубликована в 1994 г.).

Вслушиваясь в строки старых китайских мастеров, сознавая быстротечность времени и бренность всего земного, И.С. Лисевич был и созерцателем, и творцом, которому удалось проникнуть в глубины китайской мудрости.

Я. Лисевич

ОТ РЕДАКТОРА

В 1894 году в журнале "Вопросы философии и психологии" была опубликована в переводе Д. Конисси написанная в VI веке до нашей эры знаменитая книга Лао-цзы "Дао дэ цзин" (Книга пути и благодати).

Сто лет спустя, в 1994 году, книга Лао-цзы обретает новую жизнь. Впервые публикуемый здесь перевод осуществил видный ученый, историк и исследователь древней китайской цивилизации, доктор филологических наук академик Игорь Лисевич. Ему принадлежит и помещенный здесь в виде вступительной статьи и комментария научно-художественный и философский труд, подробно анализирующий "Книгу пути и благодати" и вехи жизни самого автора - легендарного Лао-цзы.

Вечно летящим драконом Поднебесной империи назвал Лао-цзы протоиерей Александр Мень. И это определение вовсе не случайно. В свое время Лев Николаевич Толстой проявил живейший интерес к Лао-цзы и его книге. Он предложил японскому ученому Д. Конисси свою помощь в редактировании рукописи.

Естественно, переводчик с благодарностью принял это предложение. В 1913 году этот перевод под редакцией Л. Толстого вышел в свет отдельным изданием.

В связи с тем что И. Лисевич не успел перевести книгу полностью, его работу прервала в 2000 году смерть, в этом издании помещен полный перевод Д. Конисси и предисловие к нему Л. Н. Толстого. Таким образом, выдающийся труд Лао-цзы - жемчужина культуры одной из древнейших цивилизаций мирового значения - становится достоянием современного читателя.

"Старый ребенок" - так звучит в переводе имя великого мудреца Лао-цзы. Основоположник даосской религии написал книгу, у которой долгое, как вечность, эхо. "Книга пути и благодати" представляется мне великим озарением поэта и мыслителя, которое сохраняет на себе росистый след первобытной детской чистоты.

Григорий Анисимов

1 Книга пути ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ПРОЧЕСТЬ ЛАО-ЦЗЫ...

Большинству читателей, видимо, лишнее объяснять, кто такой Лао-цзы, - они взяли книгу именно потому, что знают это имя. Для остальных же скажу, что Лао-цзы (VI в. до н.э.) считается основоположником философско-религиозного учения даосизма, оказавшего колоссальное влияние на всю традиционную культуру Китая, да и других стран Дальнего Востока - Вьетнама, Кореи, Японии. Своеобразным сплавом учения даосов с пришедшим из Индии буддизмом стала школа чань, более известная в Европе уже под своим японским именем цзэн. Идеи даосизма лежат в основе дальневосточных воинских искусств, в т. ч. кунфу, тайцзицюань и других, учения о достижении долголетия, в основе китайской традиционной медицины вообще. Им вдохновлялись создатели тайных китайских обществ и величайшие поэты Китая, оно определяло духовный мир творцов знаменитых пейзажей и было тесно связано со многими тайными науками: астрологией, алхимией, физиогномикой,

магией... Что же касается самого "Дао дэ цзина", то в учении даосов он занимает то же место, что Новый Завет в христианстве или Коран в исламе, а в нашем столетии стал одной из самых переводимых в мире книг...

ОБ АВТОРЕ "ДАО ДЭ ЦЗИНА"

Личность автора книги всегда интересует и читателя, и исследователя, поскольку эта личность накладывает свой субъективный отпечаток на произведение, а обстоятельства жизни автора могут немало добавить к тому, что им уже сказано. К сожалению, сведения о Лао-цзы и его жизни скудны, недостоверны, противоречивы, а порой - просто фантастичны.

Мы располагаем тремя древними жизнеописаниями Лао-цзы, и все они, особенно первые два, достаточно немногословны. Самое раннее принадлежит кисти отца китайской историографии, Сыма Цяня (145-86 гг. до н. э.) и включено в его "Исторические записки" ("Ши цзи"). Здесь жизнеописание Лао-цзы объединено с биографиями его последователей (или тех, кого историк таковыми считал).

Следующее жизнеописание Лао-цзы появилось только через пятьсот лет, в ряду "Жизнеописаний мужей возвышенных" ("Гао ши чжуань"), принадлежащих кисти историка Хуанфу Ми (215-282 гг.). Однако наиболее исчерпывающим является все же жизнеописание патриарха даосизма, созданное младшим современником Хуанфу Ми, известным даосским философом и "практиком" даосизма Гэ Хуном (250-330 гг.).

Включенное в его "Жизнеописания святых и бессмертных" ("Шэньсянь чжуань"), оно известно ныне по компилятивному собранию старых текстов "Обширные записи годов Великого благоденствия" ("Тайпин гуанц-зи"), отпечатанному по императорскому повелению в 981 г. Жизнеописание Гэ Хуна ценно тем, что в нем во всей полноте отразилась собственно даосская традиция, в значительной степени игнорируемая предшественниками, и даны сведения из ряда не сохранившихся ныне даосских книг. Здесь отмечены точки зрения разных даосских школ, приводится немало легенд и преданий, описывается внешность Лао-цзы.

Русский перевод второй части жизнеописаний Гэ Хуна опубликован автором этих строк в 1980 г. ("Пурпурная яшма", стр. 87-92).

Надо сказать, что уже первую биографию Лао-цзы, составленную Сыма Цянем, отделяло от жизни ее героя без малого триста лет: историку

время Лао-цзы виделось приблизительно с такого же расстояния, как нашему современнику время царствования Петра. Учитывая то обстоятельство, что придворная должность мыслителя (если он ее действительно имел) была весьма незначительна, отыскать достоверные сведения о его жизни оказалось уже тогда нелегко. Сыма Цянь, со свойственной ему добросовестностью, отмечает сомнительность некоторых фактов, дает альтернативные точки зрения. ("Некоторые говорят: "Дань и есть Лао-цзы", другие же говорят: "Нет!" В наше время уже никто не знает, так это или не так".) Утверждать что-либо определенное трудно еще и потому, что "Лао-цзы был благородным мужем, скрывшимся (от мира)", он сознательно старался вершить свой жизненный путь, "не оставляя следов," и, как утверждает даосская традиция, неоднократно менял имена.

О том, насколько отрицательно относились вообще даосы к любому выходу из безвестности, говорит нам притча о двух отшельниках, которую мы находим в древней книге "Чжуан-цзы" и у того же Хуанфу Ми. Как-то раз отшельник Чао-фу, живший в легендарные времена совершенно-мудрого государя Яо (предположительно: XXIII - XXII вв. до н.э.) и довольствовавшийся вместо жилища чем-то вроде гнезда или насеста в кроне большого дерева, привел к ручью на водопой своего теленка. У ручья он застал другого отшельника, Суй Ю, яростно отмывавшего свои уши. Чао-фу поинтересовался, в чем дело, и друг поведал ему, что государь Яо, прослышав о его добродетелях, пригласил его ко двору, желая вручить всю полноту власти. Ему же, Суй Ю, ненавистны даже речи о мирской власти, и потому он хочет отзвук их выполоскать из своих ушей. "Если бы ты жил среди высоких скал и глубоких ущелий вдали от людских путей, - отвечал на это Чао-фу, - кто бы о тебе узнал? Но ты легкомысленно порхал с места на место, желая, чтобы о тебе слышали, и домогался известности. Мой теленок и то побрезгует теперь здесь пить!" И увел теленка вверх по течению.

Иными словами, человек должен жить естественной жизнью, не стараясь быть лучше других, не домогаясь богатства и славы, не пытаясь оставить свой след в истории, - так считали даосы и, по-видимому, сам Лао-цзы. Именно это подчеркнутое стремление выйти из сферы общественных взаимоотношений делает столь трудным исследование жизненного пути большинства даосских авторов, ибо, как говорил Лао-цзы, "умеющий ходить не оставляет следов". Но остаться совершенно незамеченными столь яркая личность и столь мощный ум, к счастью, не могли.

Как почти каждому великому человеку китайской (и не только

китайской!) древности, легенды приписывают Лао-цзы чудесное рождение. Его мать зачала без мужа, "при виде гигантской летучей звезды" - в таком обличье дух Лао-цзы сошел на землю. Родился он также не обычным, "нечистым образом", а подобно Будде, вышел у роженицы из левой подмышки. До того ей пришлось носить плод целых семьдесят два года (сакральное число!), и когда младенец явился на свет, он был уже седым старцем - явная легенда, пытающаяся доступно истолковать необычное имя Лао-цзы (буквально - "Старый ребенок").

Считалось, что Лао-цзы родился в южном, тогда еще полуварварском царстве Чу, где пышным цветом расцветал шаманизм. Долгое время затем он занимал должность Великого астролога при дворе номинальных правителей Китая - чжоусских царей и распоряжался самым древним в Китае архивом, возраст которого насчитывал половину тысячелетия. Лао-цзы был прославлен своею мудростью, и вскоре эта слава дошла до его младшего современника, Конфуция. О том, как произошла встреча двух великих учителей, рассказывает Гэ Хун, естественно, показывающий основоположника своего учения в более выигрышном свете. Привыкший мыслить сугубо земными категориями, Конфуций якобы был пристыжен и растерян, встретившись с мышлением высшего порядка.

- Я понял, что мысль его подобна птице, парящей в вышине, - признался Конфуций одному из учеников. - Из красноречья своего я сделал самострел, чтоб поразить ее стрелой, но не достал ту птицу и этим лишь умножил его славу. Мысль его, словно изюбрь, словно олень в чащобе. Красноречие мое послало гончих псов, которые преследовали изюбря и оленя по пятам, но не догнали, а только охромели. Мысль его, как рыба в омуте глубоком. Из красноречья своего я сделал леску и крючок, чтоб эту рыбу выудить, но даже не поддел, запутал только леску. Мне не угнаться за Драконом, парящим в заоблачном эфире и странствующим по Великой чистоте. Я понял - Лао-цзы подобен этому дракону! От изумления уста мои раскрылись и не могли сомкнуться, язык вдруг вывалился, дух мой был смущен, не ведая, где пребывает... (Перевод И. Лисевича).

Итак, Дракон - мифический китайский царь животного мира, Старейшина и Патриарх - вот на какую роль претендует Лао-цзы в сонме китайских мудрецов, и, надо сказать, не без оснований. Впрочем, встреча Лао-цзы с Конфуцием, вероятно, в достаточной степени мифологизирована. Наиболее достоверным эпизодом из всей биографии Лао-цзы выглядит его уход - с ним легенда связывает создание (или точнее - запись) канона. Ощущая все усугубляющийся

упадок государственной власти и крушение моральных устоев, учитель решает покинуть нравственно гибнущую страну, где нет места для мудрого. Направляясь на Запад (а Западом в то время для Китая была и Индия, и Парфия, и Персия, и просто Центральная Азия), он задержался на пограничной заставе, начальником которой был человек мыслящий и просвещенный (в китайской литературе известный как "Гуань Инь-цзы" - "Учитель Инь с погранзаставы"). Начальник умолил Лао-цзы оставить покинутому им Китаю хотя бы частицу своей мудрости - и тот написал труд, впоследствии названный "Дао дэ цзином" - "Каноном Дао и Дэ", "Книгой Пути и Благодати".

"Умеющий ходить не оставляет следов", - записал Лао-цзы в своей книге. Значит ли это, что сам он оказался недостаточно искусным и осторожным странником? Не он ли предостерегал от опасности слов и призывал к "бессловесному наставлению", передаче мысли "от сердца к сердцу", но в конце концов сдался на уговоры и написал книгу "в пять тысяч слов"?!

"Кто говорит - ничего не знает, знающий - тот молчит".

Но если так, и почтенный Лао именно тот, кто знал - как получилось, что он оставил книгу в пять тысяч слов? - (Перевод Л. Эйдлина)

с улыбкой упрекнул его через четырнадцать столетий великий поэт Во Цзюй-и (772-846 гг.), вспомнив собственные слова мудреца...

Вообще говоря, рассматривать фигуру Лао-цзы удобнее всего "в отраженном свете", на фоне другого человеческого величия, которое позволяет лучше видеть ее необычность. В качестве антитезы Лао-цзы, как это сделал в его жизнеописании историк Сыма Цянь, обычно берут Конфуция, и более контрастную пару поистине подобрать трудно.

Будучи сам личностью совершенно необыкновенной, Конфуций, однако же, напрягает все силы, чтобы удержать свое поучение в сфере посюстороннего, чтобы не выйти за рамки коллективного опыта и здравого смысла. Я говорю "удержать" потому, что его понятие "милосердия", превышающее всякую практическую целесообразность, видится уже где-то на грани трансцендентного. Однако в целом его мысль сугубо нормативна, в том смысле, что отвергает все отходящее от эталона, от нормы. "Учитель не говорил о духе, о силе, о смуте и о чудесном", ибо все это не укладывается в рамки обычного и должного.

Конфуция интересовал прежде всего человек коллективный в общении с себе подобными, и, когда он отказывался говорить о смерти, ибо "мы не знаем даже, что такое жизнь", это была еще не вся правда; даже смерть "на миру" для каждого своя, это последний интимный опыт, открывающий врата в мир потустороннего, куда Конфуций не углублялся намеренно (в отличие, например, от даоса Чжуан-цзы, видевшего в жизни - сон души, в смерти же - великое пробуждение). Ритуал и долг, верность высшему и сыновнее почтение, государство и семья - вот на что направлен пафос учения Конфуция, в то время как Лао-цзы либо иронизирует над скопищем этих "священных коров", либо видит их (государство, милосердие) совершенно в ином свете.

Дух для Лао-цзы - основа основ, ибо он для него - Праматерь сущего. Странствуя в запредельных сферах, Лао-цзы всем своим существом устремлен именно в необычное, а смерть видит в постоянной паре с жизнью, причем небытие ставит превыше всяческого бытия. Постоянные парадоксы Лао-цзы как бы призваны опрокинуть привычный здравый смысл, расшатать стереотипы обыденного мышления, чтобы вывести наконец человеческую мысль за его пределы и открыть ей космические дали. Земная юдоль и сияющие просторы духа - вот две области, где мысли Конфуция и Лао-цзы могли странствовать, практически не пересекаясь. Потому-то так сравнительно мирно сосуществовали на протяжении почти всей китайской истории конфуцианство и даосизм, в бытовой сфере прекрасно дополнявшие друг друга.

Впрочем, наши рассуждения порой бессильны показать различия людей столь ярко, как это делает художественный образ. В "Вёснах и осенях господина Люя" ("Люй ши чуньцю"), своеобразной эссенции древнекитайского знания, есть коротенький рассказ-притча, образно рисующий ту степень абстракции, до которой способно подняться бытовое мышление, и реакция на нее Конфуция и Лао-цзы.

"Некий житель царства Цзин потерял свой лук, но не стал его искать, объясняя это так: "Человек из Цзин потерял, человек из Цзин нашел - какая разница?!"

Прослышав об этом, Конфуций сказал: "Надо только опустить слова "из Цзин" - вот тогда будет правильно!" Когда же услышал об этом Лао Дань, то сказал: "Надо опустить и слово "человек" - тогда будет верно!" "Конфуций всегда остается на уровне человеческого, для него это наивысшая возможная ступень, где даже самое отвлеченное и возвышенное из понятий жэнь изображается иероглифом с ключевым знаком - человек". И только Лао-цзы поднимается до чистой идеи, до

уровня сверхчеловеческого, космического, где практически все относительно, и обретение становится тождественно своей потере.

"О горе! На тебе покоится счастье. О счастье! Ты стоишь на горе" - эти слова, может быть, и не принадлежат самому Лао-цзы, как утверждает древний автор "Сада речений" Лю Сян (I в. до н. э.), но тем не менее рисуют его ощущение всеобщности точно и конкретно.

Конечно же, когда Конфуций, выйдя от Лао-цзы, говорит своему ученику, что он, Конфуций, "...в познании пути подобен червяку в жбане с уксусом - не поднял бы учитель крышку, и я не узнал бы о великой целостности Неба и земли", то в таком самоуничижении скорее повинен даосский автор цитации, Чжуан-цзы. И тем не менее в сознании любого жителя Поднебесной империи эти две фигуры, пусть без такого ущерба для величия Конфуция, различались очень четко. И всегда на всех картинках мы видим Лао-цзы старшим, убеленным сединами, а Конфуция - более молодым, пришедшим к восседающему на возвышении патриарху. Символика старшего и младшего, хозяина и гостя значили в старой китайской культуре чрезвычайно много. Но здесь они были призваны подчеркнуть скорее иерархию философских ценностей, чем иерархию личностей - действительно, мысль Лао-цзы уходила за такие пределы, перед которыми останавливался даже великий Конфуций.

Еще же Лао-цзы отличает от Конфуция нечто из области чисел, тех чисел, что говорят нам совершенно о иных качествах. У Конфуция, как и у Христа, было семьдесят два ближайших ученика, тех же, кто пользовался так или иначе его наставлениями, насчитывалось около трех тысяч. Это свидетельство того, что учение Конфуция было прежде всего экстравертным, устремленным во внешний мир, предполагавшим саморасширение, обращение как можно большего числа людей. Разумеется, и оно было в какой-то степени элитарным, поскольку адресовалось только "мужам благородным" - ведь "установления" не опускались до "подлых". Но учение Лао-цзы было совершенно другого рода. Не случайно у него мы знаем всего трех учеников - Инь Си, Кан Цан-цзы и Сюй Цзя, да и то последний оказался недостойным своего учителя, Лао-цзы, подобно всем прочим даосам, чуждался проповеди, обязательным условием получения наставления была предварительная инициация, испытание.

Его не выдержал Сюй Цзя, убоявшийся трудностей пути, поддавшийся алчности и похоти - его уделом, если верить легендам, остался лишь низший слой знания даосизма, магическая власть над силами природы. Напротив, Инь Си был допущен Учителем в палаты высшего знания,

ибо еще до встречи с Лао-цзы трудами собственного духа достиг немалых степеней совершенства, прозрел приход наставника и выполнил смиренный обряд поклонения перед бедным и немощным путником. И наконец, Кан Цан-цзы, о котором мы читаем в книге "Ле-цзы", получил от Учителя "естественное", т.е. сверхчувственное, знание, когда человек способен видеть и слышать все на свете, "без глаз и ушей", "погружаясь духом в ничто", считывая информацию непосредственно с поля Дао. Учение Лао-цзы было рассчитано не просто на избранных - оно адресовалось людям, способным воспринять Благодать и обрести прозрение; достичь мудрости не мирской, но вечной.

Мысль Лао-цзы почти всегда многопланова, и не случаен его упрек Конфуцию, пытающемуся судить о башмаке, когда перед глазами только его след. Чем-то этот образ напоминает притчу Сократа о человеке, сидящем в темной пещере и видящем на стене в свете костра одни только тени проходящих людей. Мир Конфуция недвусмыслен и двухмерен, как недвусмысленна и двухмерна земля, символизируемая в китайской традиции фигурой квадрата, как недвусмыслен и двухмерен след башмака на поверхности этой земли. Однако же существуют иные измерения, и уже в третьем из них башмак вовсе не походит на свой след. У автора этих строк и в мыслях нет в чем-то недооценить величие Конфуция - он чрезвычайно велик по привычным человеческим меркам, но некоторая разница между ним и Лао-цзы все же есть - древние авторы ее прекрасно ощущали.

Было, однако, и что-то другое, трудно поддающееся исследованию, какие-то аналогии с письменными памятниками иных культур, неожиданные параллели с индийскими, с античными текстами, настойчивые напоминания о "путешествии на Запад". И конечно же, тот неуловимый "дух эпохи", о влиянии которого на творчество так убежденно говорит Лю Се, теоретик китайской изящной словесности V-VI вв. Эпоха Лао-цзы была поистине удивительным временем для всего цивилизованного мира, когда служившее достоянием лишь немногих избранных потаенное знание внезапно выплеснулось наружу, рождая новые учения и новые религии, когда словно великое озарение коснулось лучших умов человечества и, сделавшись Учителями, они повели за собой других.

Пифагор в греческих полисах Италии, Будда и Махавира в Индии, Лао-цзы и Конфуций в Китае - все они провозгласили тогда учения, просуществовавшие тысячелетия и во многом определившие будущую историю человечества. Именно VI столетие до н.э., когда творил Лао-цзы, явилось временем общего для всего человечества духовного

взлета. Если же мы несколько выйдем за рамки одного века, то увидим, что чуть раньше, именно там, где сходились пути китайской, индийской и средиземноморской субойкумен, творил великий иранец Зарату-стра, проповедовали ветхозаветные пророки, пестовали тайное знание халдейские мудрецы... Позднее на историческом небосклоне загораются еще две ярчайшие звезды - Сократа на западе и Мо-цзы с его проповедью всеобщей любви - на востоке. Поистине, это время заслуживает того, чтобы, пользуясь выражением Карла Ясперса, назвать его "осевым временем" человечества.

О КНИГЕ

История книги Лао-цзы не так темна, как его собственная биография, однако и в ней немало неясных мест. Они, естественно, относятся в большинстве к самым ранним векам существования книги и возникают всякий раз, когда ее история оказывается тесно связанной с именами отдельных даосских учителей.

От средних веков до нас дошло немало изданий "Дао дэ цзина", отпечатанных с резных досок (ксилографы). Только в "Сокровищницу Пути" - знаменитое собрание священных даосских книг - вошло более сорока толкований вместе с самим текстом - впрочем, текстологические различия здесь незначительны. Сохранились и каменные стелы с выбитым на них текстом "Дао дэ цзина" - наиболее ранние относятся к 710 г. и к 738 г.;

стела III в. хотя и погибла, но сохранились ее эстампы. В начале нашего столетия в замурованных пещерных книгохранилищах близ г. Дуньхуан вместе с обширной буддийской литературой были обнаружены пятнадцать рукописных фрагментов книги, в т. ч. относящихся к эпохе шести династий (III-VI вв.). Наконец, в 70-х гг. во время раскопок древнего захоронения в Мавандуе были найдены две рукописи "Дао дэ цзина", датируемые самое позднее II в. до н. э. Еще в III в. до н. э. подобный же текст комментировал философ Хань Фэй-цзы, а различные упоминания и реминисценции в источниках еще более древних позволяют предполагать, что книга действительно была создана где-то в VI-V вв. до н. э. и является вполне аутентичным литературным памятником.

Композиционно трактат Лао-цзы делится на две почти равные части: "Книгу Пути" ("Дао цзин"), повествующую о Дао, и "Книгу Благодати" ("Дэ цзин"), повествующую о Дэ. Во всех современных изданиях текст "Книги Пути" идет первым, и так было уже в версии "Старца с берегов Реки" - Хэшан-гуна (II в. до н. э.), однако

мавандуйские рукописи, несколько более ранние, открываются "Книгой Благодати". Главы "Книги Пути и Благодати", подобно произведениям, входящим в китайский поэтический канон, в "Книгу Песен", принято именовать "чжан" - "стих", и это совпадение не случайно, поскольку все они, за исключением всего лишь трех, рифмованные и ритмизованные. Рифма памятника достаточно свободна, о конкретных звуковых соответствиях можно спорить, поскольку восстановить древнее звучание иероглифов не так легко, однако поэтичность текста несомненна. Когда-то известный советский востоковед академик Н. И. Конрад назвал труд Лао-цзы "философской поэмой", и, вероятно, будет вполне правомерно именовать ее главы "стихами", как именуются отдельные части других древних сакральных текстов такого рода: в китайской "Книге Песен" ("Ши цзин"), в Библии или в Коране. Правда, пытаться дать их поэтический перевод было бы чрезмерной самонадеянностью - слишком велико различие древнекитайского и русского стиха, слишком дорог каждый оттенок смысла. Так что автор этих строк ограничится лишь смысловым переводом, ритмизовав его по мере своего умения.

Стилистически книга Лао-цзы довольно своеобразна; она отличается от более поздних даосских памятников, немало место занимают сюжетные вкрапления типа притч. "Дао дэ цзин" афористичен, однако это не просто набор афоризмов, каждый из которых довлеет сам в себе; афористична его мысль, которая движется свободно и не скованно от одного высказывания к другому, но движется, не прерываясь. Нужно немало знать, чтобы следить за этим движением мысли философа, ибо многое не высказано, а только намечено, многое же вообще остается за строкой. В построении нет строгой логики, да книга и не рассчитана на логическое восприятие - как и другие подобные каноны, ее надо не раз читать и перечитывать, чтобы собственные мысли читателя устремились теми же путями, соединились с мыслью автора и вошли в его мир. В известном смысле она рассчитана на медитативное постижение и сама может служить средством медитации. По-видимому, медитировал и Лао-цзы - на это, в частности, указывает стих десятый, где говорится о сосредоточении на Едином, умении особым образом заставить двигаться свою жизненную энергию ци, умении очистить свой "мистический взор" (сюань лань) и прозреть истину, отказавшись от привнесенного брэнного знания. Впрочем, это, пожалуй, единственный отрывок подобного рода - все же остальное при желании вполне может быть отнесено к области философии и включает в себя самые различные стороны осмысления действительности, которая рассматривается автором как великий и единый космос, где все взаимосвязано и взаимоподобно. Вселенная, государство, человеческое тело, наконец, устроены сходным образом и как бы повторяются, словно игрушечные фигурки, вложенные одна в

другую - потому-то мудрый должен поступать всегда одинаково, ибо законы космоса непреложны в любой его точке.

Если принять точку зрения Н.И. Конрада на "Дао дэ цзин" как на философскую поэму, то можно сказать, что у этой поэмы есть вполне определенный герой - даосский мудрец, человек, достигший просветления; и написана она о нем в помощь другим, взыскующим Пути.

Даосский мудрец равен Земле и Небу, ибо он естествен; он не отделен от космоса личной волей или иллюзорным знанием; напротив, он весь слиян с ним и потому так же велик. Нет ничего, что он был бы неспособен совершить. Он могуч, ибо победил самого сильного врага - себя и свои вожелания. Ведь именно желания человеческие мешают человеку отстраниться от суеты и увидеть нечто, скрывающееся за "вещной" оболочкой, познать сокровенное таинство мира. Мудрец познает мир "не выходя со двора", ибо его внутренний взор не затенен разноцветьем окружающего, а внутренний слух не оглушен разноголосицей звуков. Именно потому, что мудрец несравненно велик, для него не существует тех ценностей, которые столь дороги сердцу каждого. Не только труднодобываемые товары или радость забав не прельщают его, но и громкие слова для него - всего лишь "звук пустой".

Идеалы Лао-цзы вообще отличались от всего того, что было принято в нормально развивающихся человеческих сообществах и на чем эти сообщества зиждились. Он хотел бы, чтобы эти сообщества не развивались - и быть может, нашел бы сейчас немало единомышленников; он хотел поделить гигантский людской конгломерат на мельчайшие составляющие, не использующие никаких технических ухищрений и не общающихся между собой. Именно они, по мысли Лао-цзы, должны бы прийти на смену большим городам, дабы сделать человека снова счастливым в его наслаждении простой безыскусной жизнью в гармонии с природой. Лишь тогда пища его станет снова сладка, жизнь - умиротворенна, одежда - по-настоящему прекрасна, а нравы и обычаи, очищенные от накопившихся взаимной злобы и ожесточения, - радостны, как во времена "высокой древности". "Малые царства с редкими жителями", где оружие существует лишь для того, чтобы устранить соблазн его применения, и где пение петухов и лай собак в соседних селениях не вызывает желаний их посетить, ибо везде одна и та же культура - на уровне завязывания узелков для памяти.

Прекратить общение, порвать паутину общественных связей и тем

уничтожить современное общество как таковое - вот, по мнению Лао-цзы, единственный способ возвращения к естественному существованию. Замкнутые сообщества не эволюционируют - история подтверждает это, - а Лао-цзы, как и другие даосы, против движения вперед, против прогресса. Развитие вырывает человека из рая неведения и бросает его в мучительную круговерть времени, лишаящую его истинного счастья. Человеку не нужны дальние странствия, ибо в них, по выражению другого мудреца, он "познает лишь самого себя". Человеку не нужно оружие, несущее смерть и страдания, не нужны механизмы, ибо они в конце концов делают бездушным механизм самое сердце человеческое. А коль скоро время движется по кругу, то приносимые им достижения иллюзорны - нынешнее движение вперед впоследствии сменится движением вспять, уничтожая все приобретенное ранее. Так не лучше ли остановить часы общественного времени и насладиться теми ценностями, которые сулит человеку отказ от погони за иллюзиями? - Во всяком случае, к этому призывает Лао-цзы в предпоследнем, восьмидесятом стихе.

Вообще, вся стратегия поведения человека в этом мире должна быть совершенно иной, чем та, к которой он привык. Воинствующим не должно быть даже Добро; "добро с кулаками" - уже нонсенс; стараясь утвердить себя пусть только словом, оно переходит в свою противоположность. "Ради сокровищ земли срывают ее горы, ради жемчужин морских замутняют водоемы, - пишет комментатор "Дао дэ цзина" "Старец с берегов Реки", - а ради спора и многоглаголания губят свое тело". Единственный путь осуществления добра в этом мире - недеяние или же "деяние без борьбы", без стремления насильственно переломить ход событий и что-то навязать другому. Вообще, "я" и "другой" связаны между собой странной связью, они вовсе не противостоят друг другу, как мнится многим, и потому никому нет нужды бороться со всем светом за свою часть. Ведь небесное Дао Лао-цзы неисчерпаемо, его хватит на всех; и оно готово одарить каждого (стих 81), не делая между людьми различия (стих 79). Потому-то "мудрец не стяжает: чем больше делает для других, тем больше имеет; чем больше отдает другим, тем больше ему добавится" (стих 81), ибо сам он как бы уподобляется Солнцу и Луне, свет которых не оскудевает, сколько бы ни расточали его эти светила (Старец...). Как не вспомнить тут слова о том, что "рука дающего не оскудевает", сказанные уже в другом месте и в другое время?

О ДАО

Книга Лао-цзы, как явствует из ее названия, посвящена двум основополагающим элементам традиционной китайской модели мира и

соответственно категориям китайской философии - Дао и Дэ. Европейская наука в свое время с некоторым недоумением ознакомилась с этими понятиями и довольно долго искала соответствие им в своем арсенале. Великий Гегель, довольно неблагосклонно относившийся к китайской философии вообще за ее несхожесть с избранным им идеалом, почему-то выбрал из всех возможных аналогов Дао понятие "разума", хотя, быть может, его концепция "мировой идеи" подошла бы здесь больше. "Высочайшим источником всех вещей является для китайцев ничто, пустое, совершенно неопределенное, абстрактно-всеобщее, и это называется также дао, разумом", - говорит он в своих лекциях по истории философии. Написание Дао с маленькой буквы здесь как нельзя лучше передает его отношение к "странным" китайским понятиям. Впрочем, Гегель, по-видимому, просто использовал старинный латинский перевод книги Лао-цзы, где китайское слово "Дао" как раз и было передано с помощью латинского "Ratio".

Согласно традиционному мнению, "Извечное Дао" не может быть выражено словами, и книга Лао-цзы - единственное сочинение, где о Дао говорится достаточно подробно. Не хотелось бы начинать с цитирования Лао-цзы, поскольку с этим текстом читателю еще предстоит знакомиться. Однако помочь нам составить общее представление о Дао могут и другие древние памятники.

Итак, Дао есть то Единое и Всеобщее, о чем знают и говорят все, хотя понимают его различно и называют его разными именами. "Лао-цзы именуется его Дао - Путем, Конфуций именуется его Юань - Первоначалом, Ян Сюн именуется его Сюань - Тайной", - пишет древний историк Ху-ань Тань в своих "Рассуждениях о новом" ("Синь лунь"). У Дао "нет пары" (Хань Фэй-цзы) во всей необозримой Вселенной, оно не только Единое, но и Единственно в своем роде, и, объединяя оба эти качества одним иероглифом, древние обозначали его Единицей. Подобно тому как единицей открывается числовой ряд, с Дао, по представлению древних китайцев, начинается "развертка" мира - его эволюция во времени и пространстве. "Устанавливается Единое - и рождается тьма вещей", - читаем мы в книге "Учителей из Южного Заречья реки Хуай".

...В самом начале Дао породило пределы в пустоте. Пределы пустоты породили Время и Пространство.

Время и Пространство породили Изначальный Эфир - Юань ци, который затем разделился на два мировых начала Инь и Ян, в свою очередь породивших Небо, Землю и Человека, а уже эта Триада породила все сущее, всю тьму вещей, существ и явлений. Как пишет

сам Лао-цзы в стихе сорок втором: "Одно родило два, два родили три, три родили десять тысяч вещей". Древний даосизм не знает ничего, что было бы по времени прежде Дао, ибо только оно "одухотворило духов и верховного Владыку Неба" (Чжуан-цзы) и, согласно самому Лао-цзы, "предшествовало Всевышнему владыке" (стих 4), оно - то, что "вечно живет, но (само) не имеет причины" (Ле-цзы).

Итак, существование Дао лежит у самого начала времен, точнее - в той фантастической дали, когда не было ни времени, ни пространства, одна лишь пустота без форм, которую китайская традиция обозначает пустым белым кружком и именует "уцзи" - беспредельностью. Пустота (суй), небытие (у) - постоянные синонимы и определения Дао, ибо само Дао стоит как бы над формами, пребывая в пустоте от начала мира.

Пустота уже несет в себе всю программу раскрытия Вселенной, ибо Дао таит в себе незримые образы (стих 21), и в нем скрыта вся сумма еще не рожденных вещей, существ и явлений. Изначальное Дао - это беспредельная пустота, наделенная столь же беспредельной информацией, что подчеркивается наличием в слове Дао не только значения "путь" (проходимый Вселенной за время ее развертки), но и значения "говорить", "сообщать". Если прибегнуть к понятиям современной науки, Дао есть нечто наподобие гигантского информационного поля, пронизывающего беспредельную пустоту космоса и творящее все сущее из небытия. "Субстанциональное поле континуального сознания", по выражению В.В. Налимова, который, однако же, как и древние китайцы, предпочитает не развивать эту мысль дальше и оставляет поле в роли первопричины Бытия, хотя идея Мирового сознания невольно подводит к идее Мыслителя.

Отказываясь идти в глубины трансцендентного, мы тем не менее сохраняем для себя возможность исследовать ступени Бытия и здесь находим в китайской даосской традиции целый ряд этапов восхождения от первоначальной чистой небытийности Дао к росту мира форм, заложенного в информационную программу изначальной "пустоты".

Здесь даосские мыслители различают пять этапов, и, не останавливаясь на них подробно, скажем лишь, что первым, наверное наиболее важным, явился момент первоимпульса, "Великого изменения" (Тай-и)", момент запуска программы, лежащий как бы "на грани небытия и форм". За этим моментом лежит уже этап "Великого начала" ("Тай-чу"), возникновение еще нераздельного, вполне однородного облака мирового эфира, или, если угодно использовать

сходную индийскую терминологию, облако праны ци. "Великое начало - это когда Изначальное ци только еще прорастает", - говорится в "Записях о поколениях Владык и государей". Иначе говоря, хаос пока занимает место космоса, а в возникшем, "еще не разделенном хаосе мириады вещей и существ, слитые воедино, движутся вместе с Дао".

Дальнейшие этапы представляют собой процесс космогенеза, в ходе которого вещи и явления, чьи незримые семена уже заложены в информационном поле Дао, постепенно материализуются, вычлняются из Хаоса, обретают свои формы, место и функцию в Космосе. А самое главное - мировой эфир как бы получает различную направленность. Подобно процессам, происходящим во взбаламученном водоеме, где постепенно отстаиваются, разделяются перемешанные в однородную массу ил и вода, процессы космогенеза выносят в верхние сферы Вселенной все светлое, утонченное, чистое, осаждая вниз темное, тяжелое, грубое и грязное. Рождаются Небо и Земля, а с их появлением и весь мировой эфир делится как бы надвое, обретая разный знак: положительный и отрицательный, Свет и Тьму, мужское и женское, мягкое и твердое и т. д., и т. п.

Не следует думать, что это чисто умозрительное деление, плод отвлеченных построений, диалектическая символика. Инь и Ян не просто антитеза - светлый и темный эфир струился по каналам человеческого тела; смешанный в разных пропорциях, он создавал мужчину и женщину, в разное время года, в разные моменты безостановочного движения Космоса во Вселенной господствовал эфир с различной направленностью. Читая древних китайцев, невольно вспоминаешь современные схемы околосолнечного пространства, где потоки межзвездного газа, периодически меняя направление на противоположное, незримо влияют на все живое. Эти схемы с их космическими вихрями вещества удивительно напоминают древний символ Великого Предела, Тай-цзи, включающего в себя два мировых начала, Инь и Ян, как бы разделенные синусоидой.

Возникновением Великого Предела Вселенной, внутри которого постоянно пульсируют, то расширяясь, то сжимаясь, два рода эфира, Инь и Ян, и закончилось возникновение Космоса, "овеществление" Дао. Отныне Дао есть не просто программа, двигатель Вселенной (цзи) или Мировой Закон (ли), но также некий поток светлой духовности, пронизывающий и питающий все сущее, непрерывно текущий сквозь все и вся. Нет такого места внутри Великого предела Вселенной, где бы не было присутствия Дао - будь то предмет великий и возвышенный или же мелкий и низменный. Однако же составляющие потока столь малы, столь очищены от грубых компонентов эфира, что,

"смотря на него, его не заметишь, прислушиваясь к нему, его не услышишь, касаясь его, не ощутишь", и, купаясь в безбрежном потоке Дао, мир подчас не подозревает о его существовании. "Великий источник Пути течет с Неба (т. е. из Космоса. - И. Л); Небо не меняется и Путь тоже не меняется", - писал Сыма Цянь. Невольно приходят на память слова Блаженного Августина из его "Исповеди", столь схожие со словами китайца: "В другом ли месте течет источник, откуда струится к нам бытие и жизнь? Нет, ты создаешь нас, Господи!"

Образ потока - не более чем метафора, однако уподобление Дао воде имеет глубокий смысл. В книге Лао-цзы мы встретим этот образ неоднократно и убедимся, насколько он емок в смысловом плане. Здесь же заметим только, что вода в представлении многих древних народов мира есть первооснова миротворчества.

Вспомним, что, согласно Библии, в начале времен "Дух Божий носился над водою", а создавая Небо, Бог "отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью". В послании апостола Петра мы читаем, что "...словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою". В индийской традиции тело Брахмы - Вселенная - покоится на водах. Что же касается самих китайцев, то, по их представлениям, незримые волны Дао оставляют свой след в мире вещей - совсем так, как волны прибоя на морском берегу.

Возможно, узоры Земли, ее красоты, горные цепи и извивы рек, столь сильно трогают наше сердце потому, что в них отразилось течение Дао. "Горы и воды в формах своих обнажают Дао, а гуманные радуются им", - писал в V в. н. э. теоретик китайской живописи Цзун Бин. Метафора воды включает в себя идею движения. Собственно говоря, эта идея заложена уже в самом иероглифе "Дао", представляющем собой идеограмму: изображение длинной, извилистой дороги и головы бредущего по ней вола. Метафоризация образа дороги "разнообразна и многоплатно-ва, но основной ее стержень - течение времени" (М. Бахтин). Итак, Путь - движение, но движение во времени, ибо, будучи источником всех перемен, само Дао переменам не подвержено, подобно оси колеса, остающейся неподвижной при любом вращении. Сравнение Дао с осью колеса становится банальным, однако его нелегко опустить, ибо образы круга, колеса, идеи вращения и возвращения столь же тесно связаны с концепцией Дао, как и образ потока, волны.

"Дао есть то, благодаря чему происходит обращение к корню и возвращение к началу", - пишет в первой главе своего трактата о полководческом искусстве У-цзы. "Мудрец всматривается в его

сокровенные пустоты и использует его круговое вращение", - пишет философ Хань Фэй-цзы... Когда Дао вращается вместе с миром, оно создает жизни долгие, поддерживает успехи длительные". Не потому ли дервиши-суфии, в учении которых находят немало общего с учением даосов, изнуряли себя бесконечным танцем - кружением вокруг собственной оси, стараясь уподобиться основе мироздания, включиться в ритм сокровенного?! Как сказано в "Хуайнань-цзы", "круглое дает жизнь" и танец берет свою таинственную силу из глубин космоса, ибо "барабан есть владыка музыки", а округлостью своею "подобен Небу". Для нас вполне естественно предположить, что, наблюдая каждую ночь вращение звездной небесной сферы, древний китаец создал ее мысленный аналог - вращающееся Дао. Однако для него самого места причины и следствия были иными - вращение небесных сфер виделось ему зримым проявлением вращение вселенского Дао - и не иначе. Явленным образом Дао было дневное светило, средоточие света, податель всяческого добра, живое воплощение движения времени. Солнце почиталось как бы неким космическим центром, чувствующим Дао, передающим его импульсы земному миру, где под его влиянием рождались перемены и возникали циклы времен.

Дабы преодолеть разделенность мира, его расколотость надвое - на Свет и на Тьму, на Зло и Добро, Покой и Движение, на Небо и Землю, на Инь и на Ян, - в мире возник человек. Разделенность была нужна ради движения ("то Инь, то Ян..."), человек же явился ради достижения совершенства. Потому-то он обладает чувствилищем невидимого и неслышного, не поддающегося измерению и недоступного осязанию. Как сказано в древней книге "Гуань-цзы": "На небе Дао в Солнце, в человеке оно в сердце".

"Каким образом люди познают Дао?" - вопрошает философ III в. до н. э. Сюнь-цзы и сам же отвечает на свой риторический вопрос: "С помощью сердца!" В идеале, по словам Сюнь-цзы, "сердце не может не знать Дао"; удивительные свойства сердца, всегда поражавшие человеческое воображение, получают в китайской философии специфическую интерпретацию, служат основой для далеко идущих построений.

Сочетание движения и покоя, наполненности ощущением и самоочищение до "пустоты", способность единого "раздваивания" на противоположные начала - все эти свойства, признававшиеся за сердцем в Древнем Китае, сближали его именно с Дао, неизменным, но творящим движение, пребывающим в пустоте, но объемлющим все сущее, единым, но рождающим множественность.

Среди многочисленных легенд о даосских бессмертных есть короткий, но очень знаменательный рассказ об отшельнике Цао Го-цзю - связь сердца и Дао усматривается в нем парадоксально точно. Однажды Цао в его уединении посетили бессмертные маги Хань Чжун-ли и Люй Дунбинь и спросили, что он здесь, в горах, делает?

- Единственная цель моего пребывания здесь - пестовать в себе Дао, - отвечал отшельник-даос.
- Где же находится Дао? - продолжали спрашивать гости.
- Дао - там! - указал на небо Цао Го-цзю.
- А где же небо? - опять спросили бессмертные, и вместо ответа Цао указал на свое сердце.
- Сердце - есть Небо, а Небо - есть Дао. Вы проникли в суть вещей! - улыбнулся ему Чжун-ли.

Понятие Дао постоянно сопрягается с понятием Неба, и даже пространственно они как бы со полагаются.

Но человеческий микрокосм есть безусловное подобие макрокосма, и если ось небес, проходящая через Полярную звезду, служит одновременно осью вращения Дао, то в человеке таким средостением является сердце; оно словно бы лежит на одной оси с Космосом, и переход из одного в другое возможен лишь здесь. Не следует только думать, что приобщение к Дао происходит посредством усилия воли или мысленного постижения - напротив, всякое насилие над естественностью здесь противопоказано, "добиться Дао нельзя", а разум оказывается бессильным в области, принадлежащей внечувственному опыту. Погружение в глубины инобытия происходит в момент освобождения от видения вещного мира, в момент преодоления волнения страстей и сосредоточения на Едином, - того, что китайцы называют "цзин цзо", "пребыванием в покое", а мы именуем медитацией.

Формы ее могут быть различны, но она всегда - путь внутреннего озарения, приобщение к тому тайному и великому, что лежит за пределами возможностей наших органов чувств, за пределами мира вещей. В стихах Лао-цзы мы еще не раз ощутим прикосновенность автора к такой запредельности, перед которой слово бессильно и возможен лишь намек, лишь неясный образ, отмечающий этапы странствия духа.

Приобщение к Дао - не просто освобождение от условностей и пут мира людей, но освобождение от мира вещей и погружение в иные измерения. Вот, например, как рисует даосский патриарх Ле-цзы (V в.

до н. э.) начало и конец своей аскезы:

"С тех пор, как стал я служить учителю и другу, прошло три года, и (я) изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда я удостоился взгляда учителя.

Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устами по-новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился улыбки учителя. Прошло семь лет и, давая волю своему сердцу, (уже) не думал ни об истинном, ни о ложном, давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и, как бы ни принуждал я свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, что ложно, что полезно, и что вредно, уже не ведал, что учитель - мой наставник, а тот человек - мой друг. Перестал отличать внутреннее от внешнего. И тогда мои чувства как бы слились в одно целое: зрение уподобилось слуху, слух - обонянию, обоняние - вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. Я перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, и, следуя за ветром, начал передвигаться на восток и на запад. Подобный листу с дерева или сухой шелухе, я в конце концов перестал сознавать, ветер ли оседлал меня или я - ветер".

"Золотой век" глубокой древности представлялся китайцу тем временем, когда движение Дао ощущалось непосредственно человеческим сердцем, а не заявляло о себе опосредованно, длинной чередой событий, явлений и знамений. Поскольку общение с духовной первоосновой мира благостно и несет в мир благодать, экстатический век прошлого был идеалом Добра, Мудрости и Естественности. Именно в этом смысле следует понимать все высказывания древних о временах, "когда в мире было Дао" или, напротив, "путь пришел в упадок" - Путь, в строгом смысле слова, неуничтожим, неколебим и пребывает повсюду постоянно, однако не всегда ощущаем. Человек все реже омывает в его потоке свое сердце, и соответственно Добра в мире становится все меньше, а нравы ожесточаются.

ОДЭ

Дао есть истина для древнего китайца наиболее сокровенная и непостижимая, о которой Лао-цзы говорит в первой части своей книги, предназначенной только для посвященных. Вторая ее часть,

"профаническая", посвящена категории Дэ, манифестации Дао в видимом мире - так сказать, истечению и проявлению Абсолюта в вещах и явлениях. Дао - первично, оно "хозяин", а Дэ соответственно вторично. Они принадлежат к разным уровням бытия, разным ступеням раскрытия Абсолюта, по аналогии с древнегреческой философией их уподобляют Логосу и Эйдосу. Подобно Дао, Дэ также принадлежит к миру духовности, но духовности уже более проявленной, нисшедшей в мир вещей.

В какой-то степени Дэ есть уже "вещь для нас" - в этом убеждаешься, читая древнекитайских авторов. "Дэ есть обретение, - определяет Дэ комментатор через его омоним (получать, обретать), что в то время казалось весьма убедительным, поскольку одинаковому звучанию, вибрации, конечно же, соответствуют одинаковые сущности. - Постоянно обретается и не оскудевает, на пользу и без вреда - потому и названо "Дэ - обретение". А откуда обретается Дэ? Из Дао". Дэ есть энергия программы, сила развертки Вселенной, "детерминированное движение" мира. Дэ - напряженность мирового информационного поля в данной точке и в данный момент, оно - яркость луча, творящего образы вещей, людей и событий на гигантском экране Вселенной. Дэ не материально, но оно является потенциалом всякой материализации.

Очень много для понимания идеи Дэ дает знакомство с первоначальным, еще не подвергшимся унификации вариантом написания иероглифа "Дэ". Творцы концепции Дэ или те, кто стоял значительно ближе нас к истокам ее возникновения, не случайно изобразили это понятие в виде своеобразной идеограммы, где из глаза вырастает побег, черенок некоего растения! Идея "Произрастания", претворения некой до того скрытой потенции, подкрепляется и самим звучанием слова "Дэ", которое в древности было синонимом китайского слова, значившего "сеять семена", "выращивать". Иначе говоря, перед нами явный символ некоего развития, эволюции, и вместе с тем - перехода из латентного состояния "вещи для себя" к состоянию "вещи для мира", выхода из тьмы в мир видимого. Пользуясь категориями древних индусов, мы могли бы квалифицировать это доступное глазу бытие как мир майи, мир иллюзий.

В одном из древнейших сакральных памятников Индии, книге "Брахман", мир, в котором мы живем, назван "Великим посевом". С идеей посева и жатвы, применительно к нашему миру, мы постоянно сталкиваемся в христианской литературе, в частности в Евангелиях. Нечто сходное можно наблюдать и в литературе древнекитайской, особенно даосской: концепция чистого зерна, еще не облекшегося в

мирские оболочки (цзин - букв.: зерно без оболочек, без шелухи), концепция мирового духовного семени играет в ней очень большую роль. И если духовность Дао - это зерно, то Дэ - есть побег, на котором со временем произрастут новые зерна, есть некий заряд и потенция будущего развития. А "величайшее Дэ Неба и Земли именуется жизнью", читаем мы еще в древней "Книге перемен". И ту же мысль повторяет множество более поздних авторов.

Китайские авторы постоянно говорят о возможности аккумуляции энергии Дэ, которая выводит затем человека на некий качественно иной уровень. Идея же накопления приводит к аналогии с идеей кармы: "хотя плоды Дэ в основном проявляются здесь и сейчас, в то время как карма связана с теорией трансмиграции, и ее результаты обычно видны не в этой жизни, а в последующем перерождении". Согласно шутивому замечанию английского китаевода Артура Вэйли, Дэ означает нечто вроде "размера кредита (или дефицита), которым человек в данный момент располагает в банке фортуны". Впрочем, отметив некоторое сходство двух этих понятий, сам он предпочитает все же переводить Дэ как силу, энергию. Е. Хьюз усматривает соответствие понятию Дэ в полинезийском слове "мана", также обозначающем некую сверхъестественную божественную силу. Но хотя теоретически Дао может манифестировать себя как в силах света, так и в силах тьмы*, которые идут из одного истока - Великого Единого, древние авторы в большинстве своем все же предпочитали отождествлять энергию Дэ с движением светлого эфира Ян ("сила ян - это "дэ", - писал, например, Дун Чжун-шу, - с жизнью, с любовью ко всему живому", (см. там же). Это, в общем, вполне соответствует определению "жизни, как сияния Дэ", которое когда-то дал Чжуан-цзы и еще более ранним идеям самого Лао-цзы о Дао, как источнике блага для всего сущего.

Современные советские исследователи даосизма сходятся между собой в понимании Дэ как блага, и коль скоро это Благо даруется миру Абсолютом, термин, по-видимому, может быть переведен русским словом "благодать". Благодатной духовной энергией Дэ, по представлению древних, в той или иной степени обладали отдельные люди и их кланы, селенья и государства (Хань Фэй-цзы). В человеке наличие Дэ порождало самые разные достоинства, и прежде всего - нравственные, что давало основание старым переводчикам интерпретировать понятие Дэ как "Добродетель", хотя первое не сводится ко второму.

О ПЕРЕВОДЕ

И вот в заключение - о переводе. Тот, кто торопится поскорее перейти к книге Лао-цзы, может пропустить эти страницы с легким сердцем, но более любознательному читателю переводчик хотел бы сказать несколько слов о своих предшественниках на нелегком пути и - вполне доверительно - о собственных трудностях.

Как ни парадоксально, затруднения с переводом "Дао дэ цзина" вызваны не отсутствием достаточных комментариев, как это случается с древними текстами, а, напротив, их чрезмерным обилием. Количество комментариев и переводов (а следовательно, толкований) переходит здесь все мыслимые пределы.

Достаточно сказать, что до эпохи монгольского завоевания в Китае существовало около трех тысяч (!) разного рода толкований и комментариев к "Дао дэ цзину" - без малого по книге на каждые полтора слова текста. Время оказалось безжалостным к большинству этих творений - тем не менее и в наши дни их сохранилось достаточно много. Не говоря уже о том, что сейчас "Дао дэ цзин" остается одним из самых переводимых древних памятников, число переводов уже перевалило за сотню. По сути дела, комментаторами и переводчиками уже опробованы все грамматические и лексически возможные значения текста, и задача состоит в том, чтобы найти свой, предположительно наиболее правильный путь, не утонув при этом в разноголосице мнений и научных амбиций.

Предваряя все последующее, скажу, что с самого начала намерения автора этих строк были достаточно скромны, в мои задачи не входило восстановление некоего архетипа книги Лао-цзы, освобождение древнего оригинала от позднейших искажений или воссоздание его изначальной композиции. Напротив, я был бы вполне доволен, если бы мне удалось с наименьшими потерями донести до русского читателя тот канонический текст, который с не слишком большими изменениями живет в китайской традиции вот уже более двух тысяч лет.

В качестве основы переводчиком взяты наиболее древние и авторитетные комментарии: "Старца с берегов Реки" - Хэшан-гуна (II в. до н. э.), "Небесного наставника Трех Небес" Чжан Дао-лина (I в. н. э.) и философа Ван Би (III в. н. э.). Среди комментаторов "второго ряда" следует упомянуть Янь Цзуня (I в. до н. э.), продолжателя линии учеников Чжуан-цзы, Гу Хуаня (V в.), издавшего "Дао дэ цзин" с двухслойным комментарием "чжу" и "шу" по типу конфуцианского канона, "человека истины" Чунь Яна (Эпоха Мин) - комментатора сравнительно позднего, но весьма интересного, и многих, многих других.

На русский язык книга Лао-цзы полностью переводилась трижды. Первый полный перевод, принадлежавший перу архимандрита Даниила Сивил-лова, который немало лет провел в Русской духовной миссии в Пекине, так и не был целиком опубликован. С середины прошлого века он хранится в архивах Министерства иностранных дел, и, хотя некоторая неразвитость науки того времени определяет ряд его недостатков, мне первый перевод кажется достаточно удачным для своего времени - быть может, от умения проникнуть в духовные сферы древнего памятника.

Впервые русский читатель познакомился с великим Канонем даосизма в 1894 г., когда в журнале "Вопросы философии и психологии" (а затем и отдельной книгой) был опубликован перевод японского ученого Д. П. Конисси, выполненный по специальному заказу редакции. В основу был положен текст, хранившийся в китайском отделе Румянцевского музея, подкрепленный французским переводом Станислава Жюльена и рядом японских изданий. Уже журнальная публикация произвела большое впечатление на читающую публику, и в частности на Л. Н. Толстого, однако сейчас недостатки его обнаруживаются довольно легко.

Дело не только в том, что еще не были найдены средневековые дуньхуанские рукописи, а до открытия самых древних, мавандуйских (до II в. до н. э.) оставалось без малого столетие, за которое синологическая наука достигла очень многого. Важнее то обстоятельство, что перевод выполнялся человеком весьма образованным, но, безусловно, не специалистом, отдавшим часть жизни изучению именно этого памятника. Ну и, разумеется, несомненная "опосредованность" перевода, наличие двухступенной, и даже трех-ступенной, передачи текста: древнекитайский - японский - русский подстрочник - русская литературная обработка. Все это привнесло в текст немало ошибок, а порой и нелепостей, способных развеселить современного читателя. Например, в стихе 35, где говорится о первообразе мира, которым овладевает совершенномудрый, мы узнаем вместо этого, что "святой берет великого слона и идет по всему миру. Ходит, но не делает никакого вреда". Знающий китайский язык может легко догадаться, как произошел ляпсус, ошибка отнюдь не случайна, но подобных мест слишком много.

Следующий полный перевод книги Лао-цзы, сделанный сотрудником Института философии Ян Хин-шуном, появился уже в 1950 г. Нет нужды объяснять, что наука того времени была несколько своеобразной, и уже на первой странице предисловия мы читаем о

великом вкладе товарища Сталина в науку языкознания. Поиск материализма, естественно, становился в таких обстоятельствах безусловным социальным заказом, и тенденциозность подхода не могла не сказаться на переводе. Достаточно указать только стих шестой, "Сотворение образов", где Лао-цзы недвусмысленно называет неуничтожимый мировой Дух прародителем (точнее - прародительницей, род в русском и в тайском не совпадает) всего сущего и таким образом решает "основной вопрос философии" достаточно однозначно. Чтобы придать Лао-цзы необходимую с точки зрения того времени респектабельность, нужно было убрать слово "дух", что переводчик и сделал, исправив только первую строку. Вместо слов: "Дух бессмертен" мы читаем: "Превращения невидимого (дао) бесконечны", что, как понимает читатель, далеко не одно и то же. Дао же трактовалось переводчиком с материалистических позиций, как "естественный ход вещей". Впоследствии этот перевод не раз переиздавался полностью или частями.

По-видимому, неудовлетворенность существующим переводом "Дао дэ цзина" постепенно стала столь общей, что в последнее время, после многолетнего перерыва, появилось сразу несколько новых переводов памятника. Правда, поэтический перевод В. Перелешина был сделан достаточно давно и чувство затянувшейся неудовлетворенности явилось импульсом для редакции журнала "Проблемы Дальнего Востока", решившейся его опубликовать (1990 г.). Нет нужды говорить о том, что стихотворный перевод есть нечто совершенно отличное от научного, и специфика жанра не позволяет нам предъявлять к нему излишние требования. Перевод В. Т. Сухорукова (сборник "Из книг мудрецов") неполон, но написан так хорошо по-русски, что здесь у него можно многому научиться. Однако если оба они имели в виду прежде всего усовершенствовать стиль и форму перевода, то два других переводчика задались целью пересмотреть понимание памятника в целом. Л. Головачева попыталась не столько перевести, сколько заново реконструировать "Дао дэ цзин", достаточно свободно, в соответствии со своей концепцией, переставляя строки не только внутри стиха, но также из стиха в стих. Не связанным китайской традицией оказался и перевод А. П. Саврухина, что нетрудно заметить уже по первому стиху".

Разумеется, автор не думает, что его собственный перевод будет обладать одними достоинствами - увы, это невозможно! - однако три соображения подкрепляют его решимость представить перевод на суд читателя.

Первое - те многолетние размышления над текстом вместе с

собеседниками-комментаторами, которые всегда делают перевод достаточно достоверным. И некоторая субъективность здесь может быть только интересна. Второе - большая по сравнению с предыдущими переводами вовлеченность читателя в общий круг проблем, связанных с текстом, предоставление ему возможности вынести собственное суждение. И третье, вероятно главное, - привлечение трех древнейших рукописей вплоть до II в. до н. э., которые только недавно были опубликованы. Ну, а насколько удалось переводчику использовать эти преимущества - судить уже читателю. Хочу лишь посоветовать ему читать каждый стих вместе с соответствующим комментарием-парафразом. В книге они расположены в разных местах, и это не совсем удобно, но для пытливого ума такое чтение даст гораздо больше, чем простое знакомство со стихами - слишком многое остается за строкой многозначного и, порой, достаточно зашифрованного текста Лао-цзы.

[ДАЛЕЕ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

Наш сайт является помещением библиотеки. На основании [Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" \(в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ\)](#) копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных на данной библиотеке категорически запрещен. Все материалы представлены исключительно в ознакомительных целях.

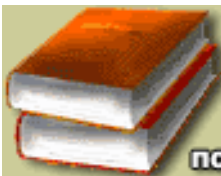
Методические пособия для индивидуального обучения на Видео кассетах VHS и DVD - Мирзакарим Норбеков, Александр Свияш, Ошо, Виктор Востоков, Майя Гоголан, Сатья Саи Баба, Дипак Чопра, Валерий Синельников, Мантэк Чиа, Наталья Правдина, Дмитрий Верицагин, Сергей Коновалов **и др.**

Музыка для релаксации, медитации, восстановления здоровья, для занятий Йогой, при проведении сеанса лечебного массажа, Фэн Шуй, специально для детей и т.п. **на CD в форматах mp3 и cda**

Книги по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

 КОСМОС ТВ 8898542 +7180	 Участник Rambler's TOP 100		 РЕЙТИНГ 45378583 23384 6024			 36 371 6 125 6 013
---	--	---	---	--	---	--

Copyright © 2000 - 2006 г. UniversalInternetLibrary.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ПО ЗДОРОВЬЮ, ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ И ДУХОВНОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕКА

ФОРУМ

"Здоровый образ жизни"

Разговоры на общие темы, Вопросы по библиотеке, Обсуждение прочитанных книг и статей,
Консультации специалистов: Рэйки;
Космоэнергетика; Учение доктора Залманова;
Йога; Практическая Философия и Психология;
Развитие Личности; В гостях у астролога;
Осознанное существование; Фэн-Шуй, Обмен опытом и т.д.

Лао-Цзы. (перевод - Лисевич И.С.) - Книга Пути и Благодати

Стих 1

Воплощение пути

Путь, о котором можно поведать,-
То не Предвечный Путь; Имя,
которое можно восславить, -
То не Предвечное Имя.
Что было без Имени -
Стало началом Небес и Земли,
Обретшее Имя -
Сделалось матерью всех вещей.
Вечно бесстрастный
Зрит недоступное,

Кто же вечно во власти страстей
Зрит лишь предельное.
То и другое имеет один исток,
Но их различает Имя;
Мы же равно наречем их "тайной".
Тайна из тайн -
Вот врата ко всему недоступному!

Стих 2 САМОВОСПИТАНИЕ

Стоит лишь всем в Поднебесной познать,
что прекрасное прекрасно - и оно уже зло!
Стоит познать, что добро есть добро
- и оно уже не добро! Ибо существующее и несуществующее
одно другое порождает, Трудное и легкое
одно другое образует, Длинное с коротким дают друг другу тело,
Высокое с низким друг к другу тянутся, Звук и напев друг с другом
согласуются, "До" и "после" друг за другом следуют... Оттого-то
мудрец, пребывая в недеянии, Творит безмолвное поучение.
Созидает легионы вещей - и их не отвергает.
Рождает, но не владеет,
Творит, но не гордится.
Заслуги растут, но ими он не живет.
А коль скоро ими он не живет,
Они его не покинут...

Стих 3 УСПОКОЕНИЕ НАРОДА

Не возвеличивай мудрых -
И в народе не станет борьбы;
Не дорожи тем, что трудно добыть, -
И в народе не станет воров!

А не будет желанного -
И в сердцах у людей не станет смятения.
Вот целительство мудрого:
Опустошить их сердца,
Внутренности наполнить,
Смягчить устремления,
Сделать крепким костяк,
Чтобы люди всегда оставались без знания
и без желаний,
Чтоб даже знающий действовать не посмел. Твори недеяние - Тогда
любой исцелится!

Стих 4 БЕЗ ИСТОКА

Путь есть вместилище сосуда -
Его никогда не наполнить!
О, бездна,
Она, похоже, Праотец сущего!
Она притупляет твои острия,
Разрешает узы твои,
Делает гармоничным сияние твое,
Собирает пылинки твои...
Глубока - а словно и нет ее!
Я не ведаю, чье она порожденье,
Ибо она - прежде образа и божества!

Стих 5 ПОЛЬЗА ПУСТОТЫ

Небо и Земля не милосердны,
Им вся тьма существ -
Что пёсий идол из соломы,

Не милосерд и совершенномудрый -
Ему, что пёсий идол из соломы,
Все сто родов людских.
Меж Небом и Землей,
Словно кузнечный мех,
Нескудеющая пустота.
Чем сильнее движение -
тем больше она источает...
Бессчетны утраты от многих речей -
Не лучше ли пребывать в середине?!

Стих 6 ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБРАЗОВ

Бессмертен дольний Дух -
Вот почему зовут его Родительницей Сокровенного.
В лоне Родительницы -
Корни Неба и Земли
Тонкие-претонкие, словно едва лишь существуют,
А до конца не размотать!

Стих 7 Луч, вложенный в ножны

Долговечно Небо, стара Земля.
Долговечными стать могли они,
Ибо не для себя живут -
Оттого живут долго.
Так и мудрец -
Держится позади, а выходит вперед,
Покидает тело, а оно существует...
Не бескорыстием ли своим
Блюдет он свою корысть?!

Стих 8 Изменить свою природу

Высшее благо подобно воде -

Приносит пользу мириадам существ,
Ни с кем не соперничая.
Избрав презираемый всеми удел,
Приблизись к Дао.
В добрых селись местах,
(Черпай) сердцем из добрых истоков,
С добрым людом общайся,
Истинное и доброе говори,
Доброе правление осуществляй,
Способности добрые развивай,
Действуй во благовременьи...
Но лишь не соперничая ни с кем,
Избегнешь печали!

Стих 9 Движение к гибели

Чем наполнять и поддерживать -
Не лучше ли бросить?!
Что точат и заостряют -
Не может остаться острым.
Коль золота и нефрита полны палаты,
Можно ли их уберечь?!
Кто чванится знатностью и богатством,
Сам себя ввергает в беду.
Обретают заслуги,
А тело уходит -
Таков Путь Неба!

Стих 10

Способность свершать

Вместивши душу небесную и земную, объявши единое -
Сможешь ли их удержать?!
Перегоняя дух ци до предела смягчения
Сможешь ли оборотиться дитятей?!
Омыв и очистив мистический взор -
Сможешь ли бельма его устранить?
Людей возлюбя, направляя царства -
Сможешь ли пребывать в недеянии?!
Отпирая и запирая Врата Небес -
Сможешь ли женственность соблюсти?!
До белизны прояснив четыре предела -
Сможешь ли неведение сохранить?!
Рождай же и умножай!
Рождать не владея,
Свершать не гордясь,
Растить не начальствуя -
Вот что зовут сокровенною благодатью!
Рождай же и умножай!
Рождать не владея,
Свершать не гордясь,
Растить не начальствуя -
Вот что зовут сокровенною благодатью!

Стих 11 ПОЛЬЗА НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО

Стягивают во втулку тридцать колесных спиц -
А пользуются тем местом, где их нет!
Месят и лепят глину, изготавливая сосуд, -
А пользуются тем местом, где ее нет!
Пробивают окна и двери, строя землянку, -
И пользуются тем местом, где нет ничего,
Ибо от наличия - корысть,

А от отсутствия - польза.

Стих 12 СМИРЯТЬ ЖЕЛАНИЯ

Пять цветов ослепляют глаз,
Пять звуков притупляют слух,
Пять вкусовых ощущений губят вкус,
Бешеная скачка охотников в поле рождает
безумие в сердце,
Товары, которых невозможно достать,
Толкают на непотребное.
Потому-то у мудреца
Действуют не глаза, а нутро.
Он отвергает "то"
И принимает "это"!

Стих 13 ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ ПОЗОРОМ

Почет и милости есть как бы предостережение.
Цени великие печали подобно телу своему.
Что это значит, "почет и милости есть как бы
предостережение"?! Почет есть нечто низкое:
Со страхом обретаешь его, Со страхом и теряешь,
Поэтому и говорят: "почет и милости есть как бы
предостережение": А что же значит: "цени великие печали подобно
телу своему"?! Великие печали я имею,
Поскольку обладаю телом,
Когда же у меня не станет тела,
О чем печалиться?!
Тому, кто ценит мир, как собственное тело,
Пожалуй, можно мир вручить.
Тому, кто любит мир, как собственное тело,
Пожалуй, можно мир доверить!

Стих 14 ХВАЛА сокровенному

Именую незримым,
Ибо смотрю на него - и не вижу,
Именую безмолвным,
Ибо вслушиваюсь - и не слышу,
Именую бесплотным,
Ибо, притронувшись, не ощущаю...
И то, и другое, и третье
Невозможно постичь до конца -
Они же слились в единое...
Не светлы вершины его,
Не темны низины его,
Тянется, тянется -
Ах, имени не подобрать! -
И возвращается вновь к невещественному..
Это, можно сказать, формы без форм,

Образы без вещей,
Можно сказать, нечто мерцающее...
Иду навстречу - и не вижу начала его,
Поспешаю вослед - и не вижу конца его.
Лишь овладев Древним Путем,
Взнуздаешь сегодняшнее бытие
И сможешь познать Начало Начал,
Откуда идет нить Пути!

Стих 15 ЯВЛЕННАЯ БЛАГОДАТЬ

В древности, искусные в постижении Дао-Пути,
Проникали в мельчайшее, в неуловимое,
в сокровенное.
Так глубоко - невозможно постичь!
А коль скоро постичь невозможно,
Опишу их, насколько я в силах:
О, как чутки они - будто зимой переходят вброд
(полноводную) реку!
Как осторожны - словно боятся соседей со всех
четырех сторон,
Как невозмутимы - будто бы (званные) гости,
Как осмотрительны - будто бы на подтаявшем льду,
Как естественны - будто бы Древо девственное,
Как отверсты - будто долина (речная),
Как нераздельны - будто (осевшая) грязь!
Кто способен упокоить себя в (осевшей) грязи и через это очиститься?
Кто способен в успокоении двинуться и через это родиться?
Хранитель Пути не жаждет ничто наполнять,
Ибо только не наполняя
Можно в ветхости (не иметь) нового становления!

Стих 16 Возвращение к корню

Дойдя до пределов пустот,
Сосредоточусь в неподвижности и покое.
Здесь сотворяются купно мириады вещей,
И я наблюдаю за их возвращением.
Вот вещи роятся -
И каждая снова вернется к своим корням.
Возвращение к корню - это успокоение,
В успокоении - обретение новой судьбы,
В обретении новой судьбы (проявляется) вечность,
В познании вечного - просветление.
Не познавшие вечного,
В ослепленьи творят злодеяния,
Познавший же вечное, вмещает его в себя.
Вместивший его - уже не своекорыстен,
Не своекорыстный - это Владыка,
Владыка - есть Небо,
Небо - есть Путь,
А Путь долговечен.
Пусть тело исчезнет - ты не погибнешь!

Стих 17 Веяния верности

Превыше всего,
Когда низший лишь знает,
что (государь) существует, Несколько хуже -
Когда близок ему и его почитает,
Хуже - Когда боится,
И худо совсем,
Когда обманывает (владыку)!
Неверность случается,
Когда доверия недостает...
Пребывавшие в праздности -
О, они дорожили словами!
Заслуги копились,
Следом являлись дела,
А народ все твердил:
"Мы сами стали такими!"

Стих 18 Мирское истончение

Когда Великое Дао пришло в умаление,
Явились "милосердие", "справедливость" и "долг".
Когда вышли наружу мудрость и знания,

Возникла большая ложь,
Когда между родственниками воцарились раздоры,
Возникли "сыновняя почтительность" и
"родительская забота",
Когда в стране начались беспорядок и смута,
Явились "верные подданные"...

Стих 19 ВОЗВРАЩЕНИЕ к верному.

Порви с премудростью, отринь знания -
И народная выгода возрастет во сто крат.
Порви с "милосердием", отринь "справедливость"
и "долг" - И вернуться в народ сыновняя почтительность,
родительская забота. Порви с хитроумием, отринь корысть -
И не станет грабителей и воров.
Эта триада - внешний узор, который без пользы.
Потому пусть пребывает исконное:
Пусть явлен будет некрашенный шелк простоты,
внутри же таится девственное древо, Немногие мысли, единственное
желание...

Стих 20 СТРАННЫЙ ПРАВ

Отринь ученость - и исчезнут печали!
"Да" и "нет"
Далеко ль отстоят друг от друга?!
Добро и зло
Во многом ли различимы?!
Того, чего люди страшатся, -
Нельзя не страшиться,
Но как далеко им, увы,
До просветленья!
Люди веселы и беззаботны,
Словно идут на великий жертвенный пир,
Словно восходят весною на пагоду.
Один лишь я - озеро, что не колышется,
Я, как младенец, еще не ставший дитятей.
О, как истомился - и, кажется,
нет возвращенья... Люди во всем имеют избыток.
И лишь я один словно бы все отринул.
Ведь я же - сердце глупца, В котором Хаос!
Суетным людям все ясно -
Один лишь я темен;
Суетным людям до всего есть дело -
Один лишь я равнодушен.
Безбрежно - широк, словно море,
Как ветер, не знаю преград...
У всех людей есть уменье -
И только лишь я бестолков, как дикарь.
Один лишь я не похож на других,
Ибо кормилицей своей дорожу!

Стих 21 Опустошение сердца

Обличив могучей благодати
Зависит только от Пути,
А Путь, овеществившись,
Едва лишь различим, едва мерцает..
Но в непроглядности, в мерцании
(Уже) есть Образы,
В мерцании, в непроглядности
(Уже) есть вещи,
В кромешном мраке
Сокрыты Семена.
Те Семена - глубинно-истинны,
В них - достоверное.
Издревле и поныне
То Имя не уходит,
Чтоб (можно было) лицезреть Отца всего
Откуда же мне знать, каков Отец всего?
Благодаря Ему.

Стих 22 Полезьа смирения

Склонившийся - уцелеет,
Согбенный распрямится,
Глубокое - наполнится,
Ветхое - обновится,
Имеющий мало - обрящет.
Алчущий многого - усомнится.
Потому-то Мудрец, что сосредоточился
на Едином,
Есть мерило для мира:
Себя не выставляет -
И потому известен,
Себя не утверждает -
И потому признан,
Сам не нападает -
И потому имеет заслуги,
Собой не кичится -
И потому долговечен.
В мире нет никого,
кто бы мог его побороть,
Оттого что он не вступает в борьбу.
Так неужто древнее изречение:
"Склонившийся да уцелеет" суть пустые слова?
Воистину, с ними приходит целокупность.

Стих 23 Пустота и небытие

Естественны редкие речи.
Ведь и буйный ветер не дует все утро,
Дождь проливной не льет целый день.
Кто их сделал такими?
Небеса и Земля.
Но если уже (Небесам и Земле)
Не под силу долгие (проявления),
Куда человеку?

Посему, посвятивший себя Пути -
Соединится с Путем,
Благодатный
С Благодатью соединится,
Бренный
Соединится с бренным...
Того, кто соединен с благодатью, -
И Дао благодатью своей осенит,
Того, кто с бренным соединен,
И Дао отринет.
Но коли веры недостает,
Является неверие...

Стих 24 Муки - и милосердие

На цыпочках
(Долго) не простоишь,
Подпрыгивая
(Далеко) не уйдешь.
Кто сам себя выдвигает -
Не добьется известности,
Кто сам себя утверждает
Не получит признания,
Кто нападает своевольно
Не обретет заслуг.
Самовосхваление
Продлится недолго.
Для Дао все это -
Уродство алчности.
Кого-то оно,
Наверно, озлобит.
Потому обладающий Дао
Этого избегает.

[НАЗАД](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ДАЛЕЕ](#)

Наш сайт является помещением библиотеки. На основании [Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" \(в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ\)](#) копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных на данной библиотеке категорически запрещен. Все материалы представлены исключительно в ознакомительных целях.

Методические пособия для индивидуального обучения на Видео кассетах VHS и DVD - Мирзакарим Норбеков, Александр Свияш, Ошо, Виктор Востоков, Майя Гоголан, Сатья Саи Баба, Дипак Чопра, Валерий Синельников, Мантэк Чиа, Наталья Правдина, Дмитрий Верицагин, Сергей Коновалов **и др.**

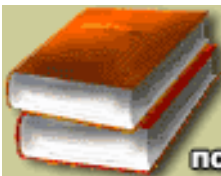
Музыка для релаксации, медитации, восстановления здоровья, для занятий Йогой, при проведении сеанса лечебного массажа, Фэн Шуй, специально для детей и т.п. **на CD в форматах mp3 и cda**

Книги по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

 КОСМОС ТВ 8898544 +7182	 Участник Rambler's TOP 100		 РЕЙТИНГ 45378604 23405 6027			 36 371 6 125 6 017
---	--	---	---	--	---	--

Copyright © 2000 - 2006 г. UniversalInternetLibrary.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ПО ЗДОРОВЬЮ, ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ И ДУХОВНОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕКА

ФОРУМ

"Здоровый образ жизни"

Разговоры на общие темы, Вопросы по библиотеке, Обсуждение прочитанных книг и статей,
Консультации специалистов: Рэйки;
Космоэнергетика; Учение доктора Залманова;
Йога; Практическая Философия и Психология;
Развитие Личности; В гостях у астролога;
Осознанное существование; Фэн-Шуй, Обмен опытом и т.д.

Лао-Цзы. (перевод - Лисевич И.С.) - Книга Пути и Благодати

Стих 25 ОБРАЗ ИЗНАЧАЛЬНОГО

Есть нечто бесформенное, рожденное раньше
Небес и Земли.

О, как безмолвно, как бестелесно!

Только оно стоит, не меняясь,
Кружится, не встречая преград.

Его можно считать (Пра)матерью Мира.

Я, не ведая имени, Дал ему прозвание:

"Путь", Самовольно нарек

"Величайшим", "Величайшее" пояснил как

"Текущее", "Текущее" пояснил как

"Далекое", "Далекое" как

"Возвращающееся вспять".

Итак, велик этот Путь, Велики Небеса,

Велика Земля

И велик Государь.

Четыре великих есть в мире,

И один из них - Государь.

Человек следует Земле,

Земля следует Небу,

Небо следует Пути,

И лишь Путь следует самому себе.

Стих 26 БЛАГОСТНОСТЬ ТЯЖЕЛОГО

Тяжелое - корень легкого,
Спокойствие - господин торопливости.
Потому-то муж благородный
В пути груженной повозки
Весь день не покинет.
Пусть предстанут ему роскошные виды
И места злачные - он это преодолееет.
Так как же может владыка тьмы боевых колесниц
Ради телесного своего пренебречь Поднебесной?
Пренебрежет - и лишится корня,
Поторопится - и не будет владыкой.

Стих 27

Умело использовать

Умеющий ходить - не оставит следов,
Умеющий говорить - не допустит оговорки,
Умеющий считать - не прибегнет к счетным палочкам,
Умеющий запираить - и без замка запрет так, что
не откроешь,
Умеющий связывать - и без веревки свяжет так,
что не развяжешь.
Потому-то мудрец всегда сумеет спасти человека
И никого не отталкивает,
Всегда сумеет спасти другого
И никого не отвергает.
Это и называется "внутренней просветленностью".
По этой причине искусные являются наставниками
неискусных,
А неискусные служат для искусных материалом.
Кто не ценит своего наставника,
Кто не любит свой материал,
Пусть даже и сведущ, -
Находится в величайшем заблуждении.
Вот в чем, как говорится, "главный секрет".

Стих 28

НАЗАД К Безыскусности

Познав свою мужественность,
Сосредоточься в своей женственности,
И ты сделаешься руслом Мира.
Когда же сделаешься руслом Мира,
Вечная Благодать тебя не покинет,
И снова вернешься в младенчество.

Познав свою белизну,
Сосредоточься на своей черноте,
И ты станешь мерилем Мира.
Когда же станешь мерилем Мира,
Вечная Благодать тебе не изменит,
И снова вернешься к Беспредельному.
Познав славу свою,
Сосредоточься на позоре своем,
И ты станешь долиной Мира.
Когда же станешь долиной Мира,
Вечной Благодати будет уже в достатке,
И ты снова вернешься к Девственному дереву.
В рассеянии Девственное дерево становится
орудием, сосудом, А мудрый, используя его,
Становится начальствующим,
И тем самым Великий Порядок не нарушится.

Стих 29 Недеяние

О, возжелавший овладеть миром и действовать в нем
Я (пред)вижу твою неудачу.
Духовный сосуд мира
Деянию не поддается.
Действующий - его разрушает,
Удерживающий - его теряет.
Ведь вещи то движутся, то влекутся,
То согреваются, то остывают,
То укрепляются, то слабеют,
То наполняются, то исчезают.
Потому-то мудрец избегает крайности,
Избегает излишества,
Избегает чрезмерности...

Стихи 30

Меньше воинственности

Направляющие властителей человеческих на Путь,
Не принуждают мир оружием,
Ибо это влечет возмездие.
Там, где были солдаты,
Лишь терновник да колючки растут,
За великой войной
Всегда идет лихолетье.
Умелый останавливается, добившись цели,
Не смеет похваляться силой.
Добившись - не кичится,
Добившись - не нападает,
Добившись - не гордится,
Добившись - ведет себя так, словно бы
и не добился...
Ведь укрепившись, всякая вещь стареет -
Оттого, скажу вам, что не следует Пути.
А не следуя Пути, рано уничтожается...

Стих 31 Удержи оружие

Красивое оружие - сосуд неблаговещий,
Пожалуй, все к нему питают отвращенье.
Обретший Путь - сторонится его.
Муж благородный, коль к нему прибег, предпочитает правое,
А применив оружие - предпочитает левое.
Оружье - не для мужа благородного.
Но если взять его пришлось,
Всего превыше соблюдай бесстрастность.
А одержав победу - не любуйся.
Когда бы стал им любоваться,
То, значит, наслаждался бы убийством человеков.
Тому, кто наслаждается убийством человеков,
Нельзя привлечь к себе симпатий поднебесной.
Помощник полководца становится на левом фланге,
Верховный полководец - на правом фланге станет,
Чтоб похоронный совершить обряд.
Убийство множества людей
Оплакивают с печалию и скорбью,
А победив, обряд свершают похоронный.

Стих 32 БЛАГОДАТЬ МУДРОГО

Путь вечен, безымянен,
(Как) Древо девственное, что хоть и мало,
Мир подчинить его (себе) не смеет.
Когда бы царь иль князь могли сосредоточиться на нем,
Все сущее само б явилось на поклон,
Пришли б в согласие Земля и Небеса,
Чтоб пали росы сладкие
И в людях без приказа
Само собой настало б равенство.
Ведь имена возникли,
Когда их учредили.
Однако (в этом) тоже надо знать предел.
Познав предел - избегнешь гибели.
Ведь Путь для Мира,
Что море и река для ручейков долин.

Стих 33

Осознание благодати

Познавший других - мудр,
Познавший себя - просветлен,
Победивший других - силен,
Победивший себя - могуч,
Знающий меру - богат,
Действующий мощно - обладает стремлением,
Не покидающий обители своей - долгов (летами),
Кто умер, но не погиб - бессмертен.

Стих 34 Когда исполнено...

Великое Дао разлито повсюду,
Оно может быть и справа, и слева,
Все сущее произрастает на нем безотрывно.
(Оно) свершает деяния, себе не присваивая,
Любит и пестует сущее, не называя себя хозяином.
Всегда быть бесстрастным, можно сказать, (еще) мало,
Когда же все сущее к тебе возвращается,
а ты не (ведешь себя как) хозяин - Вот это, можно сказать, величие!
Так и мудрец, никогда великим себя не считая,
Величие свое создает!

Стих 35 БЛАГОДАТЬ милосердия

К обладателю Великого образа
Стекается вся Поднебесная,
Стекается - и нет (в том) вреда,
А (лишь) благоденствие и радость великая.
Яства и музыка
Привлекут (даже) странников переходящих,
Но Дао, излившееся из уст,
Пресно, безвкусно...
Смотришь - и не видишь (его),
Слушаешь - и не слышишь (его),
Но пользуясь - не исчерпаешь (его).

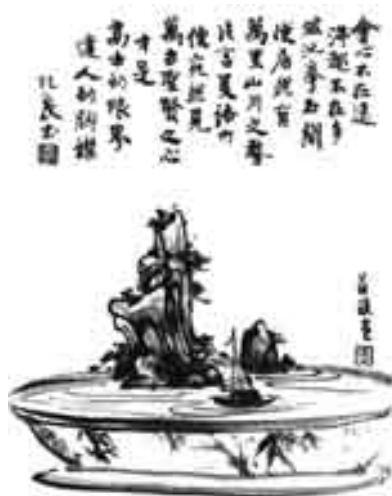

Стих 36 Понимание сокровенного

Прежде, чем что-либо сократить -

Надо дать сначала распространиться,
Прежде, чем что-то ослабить -
Надо сперва дать усилиться.
Прежде, чем погубить,
Надо позволить расцвести,
Прежде, чем что-то отнять,
Надобно дать -
Вот что зовется пониманием сокровенного.
Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное,
(И как) рыбе не следует покидать омута,
Острое оружие царства
не следует показывать людям.

Стих 37 Как управлять

Дао всегда в недеянии,
Но нет такого, чего бы оно не свершило.
Когда бы цари и князья могли сосредоточиться в нем,
Все сущее изменилось бы само по себе.
Когда же, изменившись, обрело бы желанье творить,
Я подавил бы его безымянным Девственным деревом.
Дерево девственное, имен не имеющее,
Не имеет также желаний,
А без желаний наступает покой -
Небеса и Земля сами придут в порядок.

[НАЗАД](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ДАЛЕЕ](#)

Наш сайт является помещением библиотеки. На основании [Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах"](#) (в ред.

Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ)

копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных на данной библиотеке категорически запрещен. Все материалы представлены исключительно в ознакомительных целях.

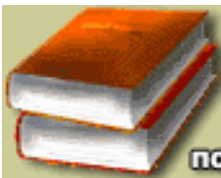
Методические пособия для индивидуального обучения на Видео кассетах VHS и DVD - Мирзакарим Норбеков, Александр Свияш, Ошо, Виктор Востоков, Майя Гоголан, Сатья Саи Баба, Дипак Чопра, Валерий Синельников, Мантэк Чиа, Наталья Правдина, Дмитрий Верицагин, Сергей Коновалов **и др.**

Музыка для релаксации, медитации, восстановления здоровья, для занятий Йогой, при проведении сеанса лечебного массажа, Фэн Шуй, специально для детей и т.п. **на CD в форматах mp3 и cda**

Книги по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

 КОСМОС ТВ 8898545 +7183	Участник Rambler's TOP 100	 ONLINE БИБЛОТЕКА	РЕЙТИНГ 45378611 mail.ru 23412 6029	Библиотеки ALLBEST.ru	Белые Облака 36 371 6 125 6 017	
---	----------------------------------	---	--	--------------------------	--	---

Copyright © 2000 - 2006 г. UniversalInternetLibrary.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ПО ЗДОРОВЬЮ, ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ И ДУХОВНОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕКА

ФОРУМ

"Здоровый образ жизни"

Разговоры на общие темы, Вопросы по библиотеке, Обсуждение прочитанных книг и статей,
Консультации специалистов: Рэйки;
Космоэнергетика; Учение доктора Залманова;
Йога; Практическая Философия и Психология;
Развитие Личности; В гостях у астролога;
Осознанное существование; Фэн-Шуй, Обмен опытом и т.д.

Лао-Цзы. (перевод - Лисевич И.С.) - Книга Пути и Благодати

Коментарий

1

Этим стихом открывается главная, "эзотерическая", часть книги. Здесь начинается разговор, доступный лишь посвященным, рассказ о величайших тайнах мироздания, адресовавшийся далеко не каждому. Тот Путь, о котором идет речь, - не дорога в обычном понимании, хотя он, за неимением лучшего, обозначается все тем же иероглифом - извилистой линией пути и головой вола, бредущего по дороге. Это путь незримый, необозначенный, подобный полету птицы в небе, о нем нельзя рассказать словами, потому что человеческие понятия, имея предел, не в силах вместить беспредельное.

Прочитав всю "Книгу...", мы поймем, что Лао-цзы говорит здесь о великом Пути Вселенной, об изначальном истоке Мироздания и одновременно о "черной", "пустой", недоступной глазу и разуму программе его развертки в пространстве и времени. Этот Путь - предначертание, и в то же самое время - механизм, движущий Вселенную, ее "пружина". В конечном счете все сущее идет от него и из него. Он один стабилен и постоянен в этом вечно изменяющемся бренном мире, подобно недвижимой оси бешено вращающегося колеса. Впрочем, любые аналогии способны схватить лишь какую-то одну грань его качеств - и другая метафора уподобит его потоку, ибо с возникновением Бытия Дао тоже становится как бы "вещью", оно "чуть брезжит", протекая через мириады вещей, существ и явлений, оно омывает весь мир в его "великом пределе", и сущее то всплывает из

его бездонных глубин, призванное к жизни, то тонет в черной бездне Дао, ожидая нового возникновения. Дао словно гигантское информационное поле, внутри которого заложено все то, что уже свершилось и что еще свершится, "субстанциональное поле континуального сознания", по выражению В. В. Налимова, бескрайний океан мысли, тотчас материализующейся в нашем мире, перед которым меркнет любой "Солярис". Впрочем, достаточно - нам предстоит прочесть о Дао еще целую книгу.

Вслед за Вечным Путем названо Вечное Имя - его имя, судя по всему. Рождая Небо и Землю, т. е. переходя из изначального состояния небытия и Хаоса в состояние Космоса и существуя уже в "великом пределе", Дао обретает Имя, которое отныне неуничтожимо. Имя - это очень важно, это "энергия сущности", по определению А. Лосева, это Слово, вибрация вышних сфер, влияющая и на формы, и на их исток. Зная имя, человек получает власть даже над областью сверхъестественного, имена богов запретны или открыты немногим, "Да святится Имя Твое", - обращается к Богу верующий христианин.

Надо сказать, что начало "Книги Пути" чем-то напоминает начало библейской "Книги Бытия". Там "вначале было слово", точнее - Логос, здесь - Дао, и при переводе Библии на китайский язык второе понятие ставилось вместо первого, - переводчики-миссионеры явственно ощущали их родство. А за Дао и Именем следует сжатая до предела четырех строк картина сотворения мира: сначала Земли и Небес, а после - всего сущего. Кстати, если у Лао-цзы духовное поле Дао названо "Матерью всех вещей", "прародительницей тайны", то и в оригинальном тексте "Книги Бытия" к Духу, что носился над водами, приложены глаголы в женском роде, - в обоих случаях авторы хотели подчеркнуть порождающее, животворящее, воспроизводящее начало.

Впрочем, этим сходство, по-видимому, и ограничивается. Пафос первого стиха Лао-цзы - не в описании сотворения мира, а, как и в дальнейшем, в описании путей постижения Дао, хотя слово "постижение" не совсем подходит. Дао нельзя выразить словом и постичь разумом, оно познается на ином, сверхчувственном уровне. Человек погружается в него духом своим, он как бы растворяется в его просторах, становясь тем самым равновеликим миру, и отныне уже ни одна из тайн бытия и небытия от него не сокрыта. Итак, Чувствилице Дао - не наш слабый, бессильный разум, но сердце человеческое. Оно то зеркало духа, которое на глади своих бездонных вод способно отразить все мыслимое. Однако человека обуревают страсти, они будоражат гладь зеркала, и та отражает лишь самое грубое, самое поверхностное и зримое. Конечно, все в конечном итоге рождено Дао и

является его манифестацией, но уровень приближения, степень опосредования различны. Рабу страстей и желаний, охваченному жаждой обладания, доступен только близкий мир форм - наш материальный мир. Тому же, кто сумел смирить в себе боренье страстей, отказался от желания самоутвердиться в деяниях или словах, доступно самое запредельное.

Надо сказать, что отсутствие в древнекитайском языке каких-либо грамматических формантов (рода, лица, числа, времени и т.д.) и знаков препинания, включая точку, подчас очень затрудняет понимание смысла. На фоне предельной афористичности стиха и нарочитой его затемненности от непосвященного это обстоятельство позволяет членить текст по-разному, соответственно получая различный смысл.

Наш перевод основан на традиционном понимании Лао-цзы, идущем от его первых комментаторов Хэшан-гуна, "Старца с берегов Желтой Реки", Ван Би и др. В пользу его говорит также вариант двух самых древних рукописей "Дао дэ цзина", найденных в захоронениях Мавандуя (II в. до н. э.). Однако в эпоху "неоконфуцианства" появилось, а ныне широко распространилось в Китае другое прочтение 4-й - 12-й строк. Оно делает стих более "философичным", направляет внимание от субъекта в сторону объективного мира. Если в традиционном прочтении иероглифы "есть" и "нет" (йоу, у) отнесены к последующим "желаниям" или "Имени", то большинство современных китайских филологов отделяет их от последующего текста запятой и толкует как термины: "Бытие" и "Небытие". Соответственно данное место читается так:

Небытие

Назовем началом Небес и Земли,

Бытие

Назовем праматерью всех вещей.

Итак, в вечном Небытии

Стремись узреть потаенное,

В вечном Бытии

Старайся видеть предельное.

Оба они имеют один исток,

Но их различает имя...

и т. д. Подкупающая логичность этой трактовки была поколеблена только находкой древних рукописей, которые подтвердили достоверность древней традиции, с одной стороны, и ненадежность привнесения логики иного времени в так называемые

"боговдохновенные" тексты - с другой.

Концовка стиха требует особого терминологического пояснения.

Человек, чей внутренний взор не замутнен борением страстей и желаний, чье сердце подобно ровному зеркалу вод, не колеблемому ветрами, отражает в себе все - от близкой пагоды до далекой звезды, - такой человек способен овладеть самым недоступным, самым неуловимым (мяо). Для него нет преград - вплоть до возможности опуститься по лестнице времен к первоначалу мира, когда Предвечное Имя еще не прозвучало. Знание человека обычного, обуреваемого страстями, находящегося во власти желаний, более ограничено, предельно. Лишь размытые очертания сокровенного проступают в замутненном зеркале его сердца, его знанию доступно лишь бытие, вызванное к жизни Именем вещи и явления феноменального мира. Разумеется, и Бытие, и тем более Небытие есть тайна - но высшее знание дается лишь проникновением в Тайну из тайн!

То, что мы переводим здесь как "тайну", в оригинале обозначено словом "сюань", что трактуется комментаторами и переводчиками, как "темное", "тайное", "сокровенное", "мистическое". У Лао-цзы в стихе 10-м мы читаем о всепроникающем "мистическом взоре" (сюаньлань), а комментатор Гу Хуань (V в.) определяет "сюань" как "нечто глубочайше-отдаленное". Первоначальное же значение слова "сюань" - тот священный черный цвет, который образуется многократным погружением материи в особый красный краситель; чернота эта с неким отсветом, что уловит не каждый.

Черный цвет "сюань" есть изначальный цвет Неба, Космоса. Потому-то комментаторы, начиная со "Старца с берегов Желтой Реки", в один голос утверждают, что речь идет о небесном, т.е. космическом. "Тайна из тайн" - это значит, что в Небе есть еще небо!" (а может быть: "Еще небеса!") - утверждает Старец, а вслед за ним другие комментаторы. И лишь проникновение в запредельные сферы может дать человеку истинное знание. Что же касается слов, то они не в состоянии адекватно передать внечувственный опыт - единственный способ приближения к сути вещей. А чтобы сразу дать почувствовать эту беспомощность слов, развенчать иллюзию понятийного познания, автор "Дао дэ цзина" начинает словесную игру уже в первых строках.

Открывая стих двумя ключевыми понятиями - Пути (Дао) и Имени (Мин), Лао-цзы не без тайного умысла употребляет оба слова сразу в глагольном значении и в значении существительного, так что каждое из понятий как бы определяется через себя самое.

Многофункциональность слова в древнем языке в общем позволяет это сделать, хотя и Дао, и Мин в древних текстах употребляются почти исключительно как понятия предметные. Путаницы такая полифоничность здесь не вызывает: какой бы комментарий мы ни взяли, все сходится на том, что Дао в глагольном его употреблении означает "говорить", а мин - "называть". Тем не менее некоторая размытость понятий все же ощущается; и переводчикам порой хочется как-то сблизить между собой глагольное и предметное значения слова Дао в первой строке. "Есть пути, но Путь неначертаем" (т. е. его не проложить на карте или местности), - переводит Р. Блекни. "Путь, по которому можно пройти, - это не Вечный Путь", - переводил в свое время и автор этих строк.

Итак, знание не в слове или понятии, оно лежит за пределами рационального, и человек может надеяться познать все сущее и несуществующее, только проникнув до "второго неба" ("раннего Неба"? - сянь тянь. - И. Л), до тайных сфер.

2

Что есть Добро и что Зло, что такое, наконец, Красота? - все эти вопросы в глазах Лао-цзы лишены смысла, ибо каждое из понятий таит в себе свою противоположность и даже справедливостью можно повредить.

Мир состоит из пар, поделен на противоположности, но ни одна из них не может существовать сама по себе: и в схеме "Великого предела", который и есть наш мир, наибольшая полнота светлого начала Ян уже содержит в себе частичку темного начала Инь, а предельно созревшее Инь содержит в себе зародыш Ян.

Вещи достигают своего предела - и переходят в свою противоположность. Красота, ставшая всеобщим достоянием, теряет свою привлекательность, она уже банальна; добро, всеми признанное и вознесенное на пьедестал, рождает ответное зло...

Потому-то человек истинного знания не стремится утвердить в Поднебесной свой идеал, не старается сделать людей счастливыми, ибо "спутанные в клубок нити счастья и бед не разделить" все равно. Он не тщится переделать мир по меркам собственного добра, ибо искореняемое зло неизбежно пробьется такой буйной порослью, о какой и не подозревал ретивый мироустроитель. Ведь мир словно гигантский бассейн, в котором резвящиеся пловцы даже не подозревают, что дошедшая к ним от борта волна будет тем больше, чем сильнее они резвились. "Каков зов, таково эхо". Даже судить, тем

более навязывать свои суждения небезопасно - ведь слово тоже дело, и мысль человеческая, разделяя все сущее на хорошее и плохое, тем самым как бы вызывает зло к жизни... Итак - "не судите...".

Мудрец не играет в эти пагубные игры. Вся жизнь его заключена как бы внутри себя. Он делает мир лучше не делом и даже не словом - ведь его поучение идет безгласно, "от сердца к сердцу", коль скоро то готово его принять. Уже само существование мудреца как бы осветляет мир, меняет его судьбы, - вспомним, как ради нескольких праведников Господь был готов спасти погрязший в грехах Содом... Тем более результативна работа жизненной энергии ци, мысли и духа, ибо если вспомнить других китайских философов, то материя есть застывшая, "заледеневшая" форма ци, и мысль вполне материальна, а дух - Праматерь всего сущего. Образы претворяются в жизнь, и пребывающий в размышлениях, медитирующий даос участвует в созидании Добра, оставаясь в позиции недеяния. "Он рождает, но не владеет" и не живет содеянным - таков единственно верный путь.

Если первый стих Лао-цзы чем-то напоминает нам начало библейской "Книги Бытия" с ее картиной сотворения мира, то в стихе втором словно дальний отголосок знакомой темы звучит идея познания добра и зла. Быть может, именно эти ассоциации заставили комментаторов Лао-цзы, Д. Т. Судзуки и Пауля Каруса, вспомнить изречение одного из отцов церкви, Тертуллиана, о Сатане, посягающем на Божию святость.

Думаю, однако, что сходство с библейскими текстами здесь весьма поверхностно - его многократно усиливают стереотипы нашего собственного сознания, в то время как начальный импульс сравнительно невелик. Тем не менее не сказать об этом стяжении образов было бы неправильно - особенно учитывая последовательность их появления в первом, а после во втором стихе.

Другой момент сходства отмечает Генри Вэй, когда говорит об идее "безмолвного поучения" - эта строка напоминает ему легенду о переходе Будды в нирвану, когда ученик его, Касьяпа, понял учителя без слов и, приняв цветок, улыбнулся. Этот момент по традиции считается рождением учения цзэн (чань) буддизма.

3

Этот стих, поражая простотой лексики и какой-то знакомостью общих мест, производит впечатление банальности. Невольно ловишь себя на готовности воспринять его как идеологию самого мрачного тоталитаризма. И действительно: что это, если не призыв избавить

народ от каких-либо излишних запросов, ограничив их элементарной сытостью и укреплением тела, справиться с проблемами дефицита путем введения "разумных потребностей", дискредитировать знающих и так решить все проблемы управления?

Приблизительно в этом духе и выдержан перевод Ян Хин-шуна: "управляя (страной), совершенномудрый делает сердца (подданных) пустыми, а желудки - полными. (Его управление) ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать".

Об "удовлетворении желудка" пишут переводчик Лао-цзы на современный китайский язык Жэнь Цзи-юй и ряд других авторов, да и как не пойти по этому пути, коль скоро о необходимости накормить и одновременно оглупить черноголовых постоянно твердили еще древние логисты, которые, как считают, вышли из среды даосов.

Думается все же, что, толкуя стих подобным образом, мы чего-то не учитываем - не может же "главная тайна (книги) в пять тысяч слов" сводиться к столь плоской мысли. И действительно, лексика, употребленная в стихе, имеет некоторые особенности.

Прежде всего, говоря о непочитании мудрых, Лао-цзы как бы ставит объект своего рассуждения в кавычки, поскольку речь идет отнюдь не о тех, кто познал истину, а всего лишь о "многомудрых суетного мира" ("Старец..."), о людях, которые, преуспев в красноречии и овладев изящной словесностью, обрели власть, но утратили Дао, а потому суть вещей им недоступна. Эти почитаемые толпой мирские мудрецы являют собой лишь пример суетного самоутверждения (Чунь Ян), они представители неистинного знания и способны только смущать других.

Что же касается "утробы", которую следует наполнить, то она отнюдь не равнозначна желудку, который нужно набить. Кажущаяся близость разноязычных конструкций рождает естественное желание перевести фразу привычным образом, однако иероглиф "фу" обозначает всю брюшную полость в целом, то место, где расположено главное "киноварное поле" даосской внутренней алхимии, воображаемый треножник, в котором готовится "пилюля бессмертия" даоса. Потому-то один из старых китайских комментаторов, "постигший истину" Чунь Ян, и полагает, что в 3-м стихе "речь идет об оборудовании печи и установке (в ней) треножника", наполняется же утроба не пищей, а жизненной энергией ци, или пра-ной, если

использовать более известный санскритский термин. Аналогично и толкование ханьс-кого комментатора Хэшан-гуна - по его мнению, утроба "фу" "содержит в себе Дао, объемлет Единое, сосредоточивает пять духовностей". Что же до укрепления костяка, то его осуществляют "посредством любви к собственному Духовному семени" (там же), то есть обращаясь к самой утонченной эманации Духа, погруженной в грязь этого мира ради последующего произрастания. Да и сам костяк в человеческом теле есть одна из форм воплощения светлого небесного начала Ян - оттого-то позже других частей мертвого тела он поддается воздействию Земли. Впрочем, нет нужды продолжать - совершенно ясно, что известные слова Мао Цзэ-дуна о классике новой китайской литературы Лу Сине "Костяк его был крепок" дают вовсе не физическую оценку писателя.

Итак, перед нами реакционная, если угодно, утопия, нацеленная на полное устранение любых моральных ("не возвеличивай") и материальных ("не дорожи тем, что трудно добыть") стимулов развития общества, на уничтожение любой инициативы ("чтобы знающий действовать не посмел"). Устранить желания, "смягчить устремления", подавить ложное "знание" и взамен направить всю человеческую энергию из мирской сферы в чисто духовную, где-то даже медитативную, побудить людей обратить внутренние взоры к неиссякающему космическому источнику Дао - вот главная идея третьего стиха.

К сожалению, даже после выяснения смысла третьего стиха, как мне кажется, довольно близкого к истине, остается его прискорбная текстуальная близость с писаниями легистов, жаждавших уложить безропотные человеческие песчинки в незыблемое основание государства. "Оглупить черноголовых, - писал в ту же эпоху Шан Ян. - ...Когда народ глуп - им легко управлять!" Пусть из самых добрых побуждений, но Лао-цзы призывает уничтожить все то, что составляет личность как таковую: желания, потребности, мысли, намерения, стремление к определенному действию. Не случайно, видимо, существует версия о том, что никуда "на Запад" Лао-цзы не уходил: покинув пределы "Срединных царств", он якобы переселился в расположенную на северо-западе окраинную деспотию Цинь, где и прожил до смерти, окруженный почетом и довольством. Не случайно и то, что комментировали его не только даосы, но и легист Хань Фэй-цзы, не случайно Сыма Цянь продолжает жизнеописания даосов Лао-цзы и Чжуан-цзы жизнеописаниями легистов Шэнь Бухая и Хань Фэй-цзы, как бы объединяя всех четверых в одно целое...

Третий стих лишний раз показывает нам, во что может быть обращена

общественная утопия, пусть, как всегда, провозглашенная с самой доброй целью, как недалеко в нашем мире Добро отстоит от Зла. Единственное, что вызывает здесь безусловную симпатию к Лао-цзы, - его недвусмысленное нежелание трудиться ради осуществления своего идеала, тем более - нежелание навязывать что-то кому-либо. Слово - все же не Дело, в этом, по-видимому, вся разница. Тем более что Лао-цзы опасался даже слова, предпочитая ему "безмолвное поучение" - и, видимо, был в своих опасениях прав. Заметим также, что стих третий входил в эзотерическую часть книги - он не был предназначен для полных энтузиазма профанов, готовых исказить все и вся.

4

В этом стихе Лао-цзы делает первую попытку развернутой характеристики Дао, пытается дать читателю почувствовать его вселенское, надвременное величие. Дао - гигантская космическая бездна, всепорождающая и всепоглощающая, куда, как в гигантский плавильный котел (Цзя И, II в. до н.э.), погружается все то, что закончило свой земной путь и откуда возникает после переплавки в иных образах и обличьях. Дао - гиперпространство: "Лей в него - его не наполнить, выливай из него - его не истощить: никто не знает, откуда исходит его содержимое!" - поражается Чжуан-цзы (IV в. до н.э.). Понятия белой и черной дыры современной физики как бы объединяются в нем, и в то же время существование бездны параллельного мира остается незаметным для человека обычного - "словно и нет ее!".

Здесь Дао названо "праотцем" (Цзун) - двумя стихами ниже Лао-цзы назовет его неуничтожимое духовное начало Праматерью, и в этом не будет противоречия: мужское и женское начала нерасторжимо соединены в своем истоке; разделения еще нет, оно произойдет, когда будет произнесено слово, названо Предвечное Имя ("чан Мин") и начнется отсчет времени эволюции мира; в запредельных же сферах Дао существует в це-локупности, объединяя двоичное в единичном подобно "элохим" - "божествам", упомянутым в самом начале Библии.

Следующее четверостишие (начиная со строки: "Она притупляет твои острия") вновь повторяется, в стихе 56, и это дает основание целому ряду исследователей полагать, что в данный стих оно включено по ошибке. Однако коль скоро уже в мавандуйских рукописях II до н. э. и дуньхуанских рукописях Чжан Дао-лина (II в. н. э.) текст дан в своем "нелогичном" виде, не будем нарушать двух-тысячелетнюю традицию.

Вариантов толкования этого отрывка много даже в комментаторской литературе - переводчики же добавляют свои прочтения. Но в целом

мы, наверное, не ошибемся, трактуя его как описание изменений человеческого "я" при переходе от бытия к небытию, при погружении в гиперпространство Дао. Термин "измененное сознание", введенный психологами для характеристики медитативного и других "альтернативных" состояний человеческой психики, как нельзя лучше квалифицирует момент трансцензуса, вхождения в запредельную сферу. Им снимаются все противоречия, вся "разрегулированность", свойственные бытию: странствуя в бесконечных просторах Дао, человек ощущает себя перешедшим на иной уровень и в иное качество.

Острие иглы ("чжуй") - символ сосредоточения и противоборства, преодоления и борьбы, оно однонаправленно, а потому - преходяще, древние комментаторы отождествляли острия с человеческими страстями (Хэшан-гун), человеческой тягой ко злumu (Чжан Дао-лин), с желанием двигаться вперед ("цзинь") к славе и почестям (Хэшан-гун). Что же касается уз, то "Старец с берегов Реки" и Гу Хуань (V в.) видят здесь прежде всего общую "повязанность ненавистью". Всякого рода связи и взаимоотношения, совокупность которых, по определению Маркса, и составляет человеческую личность, незримые нити, идущие от одного человека к другому, разного рода жизненные хитросплетения и "Гордиевы узлы" - все, что опутывает человека и держит его в этом мире, составляя самое жизнь, при погружении в Дао распадается и исчезает. Однако если до сих пор комментаторы более или менее единодушны, то относительно следующих строк мнения резко расходятся.

Вообще, целый ряд авторов полагает, что в данном четверостишии описан не результат вхождения в Дао, а некое предварительное усилие, необходимая для этого аскеза ("Притупи свои острия..." и т.д.).

Соответственно две следующие строки звучат как призыв к самоуничижению и смирению: ведь Дао подобно воде, которая стремится занять самое низкое положение в этом мире, и, чтобы слиться с ним, человек должен ему уподобиться. "Умерь свой блеск, смешайся с прахом" - приблизительно так звучат эти строки в интерпретации сторонников аскезы (Гэ Хун, например, в "Жизнеописании Лао-цзы" именно этими словами определяет стратегию жизни патриарха).

Однако если продолжить принятое нами толкование, то речь пойдет уже о гармонизации, переводе на более высокие уровни того тончайшего аурального свечения, которое так хорошо различают китайские даосы (в т.ч. Инь Си у самого Лао-цзы), индийские йоги и европейские экстрасенсы. Впрочем, приведем лучше несколько строк

из комментария Чунь Яна; в нем не столько отвлеченные размышления, сколько описание собственного мистического опыта, медитативного погружения, путеводителем для которого стала книга Лао-цзы. Итак: "Острия стрекал притупились сами собой - так, что я не чувствую ни стрекал, ни мысли об их исчезновении. Пути извне не могут проникнуть вовнутрь - а раз они не проникают, их не надо распутывать, они исчезли сами собой и не выходят наружу, в безмолвие. Как только погрузился в безмолвие, эти тяжести уже не в состоянии возмущать дух мой, тревожить дух мой, разрывать мое сердце, рассеивать мое ци, растрачивать мое семя. И как только прекратились возмущения, тревоги, разделение, рассеяние и (ненужные) траты, так забрезжил (мой) природный свет. И лишь когда в моем внутреннем успокоении зародился свет, я смог познать его запредельность, просветиться его (тайными) законами, углубиться в бездны его, употребить (себе на пользу) вместилище сосуда. Лишь когда опускаешься на самое дно вместилища, это можно назвать достижением гармонии.

И лишь когда человек достигает такой тренировки тела, что оно становится неподвижным и неколебимым как земля - можно сказать, что он собрал пылинки свои". Вслед за этим идет погружение на новые уровни:

во тьме рождаются едва различимые светлые образы; появляется смутное ощущение потока Дао; возникает видение неведомого младенца - буквальная материализация слов Лао-цзы (дословно: "Я не ведаю, чей он сын"), исчезает ощущение собственного "я" и наступает полное растворение в Дао...

В заключение анализа этого отрывка остается только сказать, что слова Лао-цзы о пылинках рожают невольную ассоциацию с древнеиндийским понятием дхармы - мельчайших частиц, из которых сотканы все существа, - во всяком случае, перевод Р. Блэки явно намекает на то, что, "умерив свой свет", адепт также смиряет колебания своих дхарм. Разумеется, во времена Лао-цзы буддизм еще не проник в Китай, но тем не менее в тексте "Дао дэ цзина" мы еще не раз встретим фрагменты, которые напомнят нам о категориях индийской философии.

Последнее двуступище ("Я не знаю, чье оно порождение...") интересно и важно не просто как концовка - многие исследователи видят в этих строках выражение отношения Лао-цзы к Богу. Марксист Чэнь Гу-ин торжествует по поводу того, что "здесь Лао-цзы разбивает концепцию божественного творения", миссионер Блэки, совершая некоторое насилие над лексикой и пренебрегая китайскими комментариями,

напротив, старается рассматривать Дао в своем переводе "как бы преддверием к Господу". Думается, однако, что обе эти крайние точки зрения неправомерны. Мы не останавливаемся здесь на попытках некоторых исследователей возвести древнее, иньское (II тыс. до н. э.) написание иероглифа "ди" к соответствующему вавилонскому клинописному знаку, а зву- >. чание сопоставить с греко-римскими Theos или Deos. Главное в том, что древнекитайское "ди" никогда не означало Бога Единого. "Ди" во времени и пространстве было множество, и уже иньцы, обозначая свое Верховное божество, бога центра, добавляли к имени нарицательному эпитет Всевышний ("Шан-ди"). В своей общей массе "ди" в китайской традиции - не просто божества, а божественные первопредки, совершенномудрые правители, культурные герои "небесного" происхождения, время которых начинается с "Желтого Предка" (Хуан-ди), т. е. в эпоху, приближенную к исторической. Правда, "Старец с берегов Желтой Реки" и Ван Би квалифицируют "ди" Лао-цзы как "Небесное божество" ("Тянь ди"), но небеса их времен населяли целых пять подобных божеств ("у ди"), так что опять-таки речь идет "об одном из...", пусть даже самом главном.

Последнюю строку переводчики часто переводят: "Похоже, он предшествует небесному Владыке". Однако это единственный и весьма сомнительный случай, когда Лао-цзы использует для выражения уподобления иероглиф "сян"; к тому же в наиболее древних вариантах текста: мавандуй-ских рукописях и у "Старца..." этот иероглиф пишется без ключа "человек" и, следовательно, означает "образ". Это тот первообраз мира, "великий образ", который возникает в Дао до появления всего сущего и опережая возникновение Космоса как такового, порождает его. Образы и божества - вот самое раннее, что только может быть в мире и чему тем не менее Дао предшествует! Впервые такое толкование дал в своем комментарии к этому стиху Лао-цзы Ван Ань-ши (XI в.): "образ - начало форм; божество - прародитель живого". И ряд современных авторов разделяет такую трактовку текста; я к ним присоединяюсь.

Милосердие есть величайший дар духовности, оно одно способно оборвать бесконечную цепочку зла, которую ничто иное прервать не может. Конфуций почитал милосердие - жэнь наивысшим качеством благородного мужа, определяя его как "любовь к другим людям" и как стремление "не делать другим того, чего себе не желаешь" (сравни слова Евангелия от Матфея). Любовь к постороннему, способность поставить себя на его место и сочувствовать, сопереживать ему, что есть неперемное условие истинного счастья (ср. древнерусское: "со-частие"), свойственно лишь человеку (отсюда смысловой ключ "человек" в иероглифе "жэнь") на высших ступенях его нравственного

развития. Несколько странное, хотя бы и в отрицательном плане, приложение этого понятия к Небу и Земле выглядит более естественным, если вспомнить воззрения древних китайцев. Небо, как и Земля, были для них существами живыми - достаточно взглянуть на иероглиф "небо", изображающий "великого человека" с увенчанной главой. У Неба, согласно представлениям китайской древности, есть сердце, у Земли - кровеносные сосуды, оба они наделены сознанием и волей, однако у этой надмировой пары нет "ближних" и аналогов вообще, им некого поставить рядом с собой, не с кем себя сравнить, а ведь смысл иероглифа "жэнь" - "милосердия", зафиксированного в двух параллельных чертах, именно в сопоставлении, аналогии, сопереживании. Возвышаясь над всеми, они равно изливают свою благостыню не только на человека, который "всего дороже", но вообще на все сущее, на великое и малое, вплоть до деревьев и трав, до гадов и насекомых. Они как бы по ту сторону добра и зла, хотя только "как бы" - ведь Дао всегда на стороне добрых. Их высшее милосердие кажется порой бесчеловечным, но это лишь видимость. Таким должен быть и человек, достигший высшей ступени духовного совершенствования, - он бесстрастен и дает свершиться высшей справедливости.

Образ, с помощью которого Лао-цзы поясняет свою мысль, некогда был у каждого на виду, ныне же забыт и восстанавливается с трудом. Судя по отрывкам старых текстов, "соломенное чучело собаки в древности использовалось при жертвоприношении" предкам, когда в присутствии всех родичей один из членов клана изображал покойного предка, а другой молил его о помощи и благоволении. Присутствие собаки в обряде не случайно - в мистических ритуалах многих народов она предстает своего рода проводником души, позволяющим ей благополучно проникать из среднего солнечного мира в нижний мир смерти или наоборот.

Не случаен и материал, из которого делался этот идол, - мертвая солома напоминает о наполненном скрытой жизнью зерне, о погребении и воскресении, о возвращении через смерть к жизни, о связи мира живых и мира мертвых. Наконец, не случайно и то, что после совершения обряда богато и ярко изукрашенное, до тех пор бережно хранимое изображение втапывали в грязь или просто сжигали - поводыря души возвращали в тот потусторонний, подземный мир, откуда ненадолго он вывел дух покойного для общения с его потомками и принятия их даров.

Ну, а нас "песий идол" подводит к тем обобщениям, которые Лао-цзы хотел между строк подсказать своему читателю. Все в мире имеет свой

срок: начало и конец, время расцвета и увядания. Еще недавно идола украшали желто-синим узором, изящными вышивками, красным шелковым шнурком; в ожидании обряда он хранился в ящике под узорным платком, его торжественно встречали всем кланом и почтительно провожали. Но вот окончен обряд - и соломенный идол не нужен никому. То, чему поклонялись, втоптанно в грязь, ибо дух ушел из раскрашенной оболочки. "Прохожие топчут его голову и хребет, а сборщики топлива берут, сжигают его, и все кончено!" Таков мир, где вся жизнь есть жертвоприношение и где пышный праздник устраивался не ради сухой соломы, не ради брэнного тела, но ради того незримого, что не на долгий срок было в них заключено.

Потому-то человек высшего совершенства должен следовать Небу и Земле в их бесстрастности, ему следует не сострадать, а дать проявиться высшему благу, высшему милосердию. Великим надмировым существам Небу и Земле он должен подражать во всем. Ведь в их пределах весь наш сущий мир, неистощимо порождаемый лежащей между землей и небом пустотой. "Небо и Земля предельно высоки и предельно широки... Их милость и благоволение распространяются на все сущее... (как тут не вспомнить слова Евангелия, гласящие, что Бог "повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных" (Евг. от Матфея, гл. 5, § 45)... И в том, что они рождают, пестуют, возвращают и доводят до совершенства мириады своих созданий, и заключается их милосердие. Небо и Земля содержат в себе все сущее, и все сущее ощущает преобразующую и пестующую благодать Неба и Земли. Не имеющая форм и следов, она относится к высшей благодати, которая не благодатна, к тому высшему милосердию, которое не милосердно. "Именно это и есть предельное милосердие! Благодаря своей "немилосердности" Небо и Земля существуют очень долго... Совершенствующий себя совершенномудрый человек, подражая "не милосердным" Небу и Земле, пестует и преобразует только себя одного, но, когда говорят "сто кланов", это и есть одно тело, это он сам, а не другие. Он - сердце страны, мысль государя, сердце народа. Он надеянием своим преобразует тело и надеянием своим хранит Закон. Это-то и есть милосердие. В безмолвии и безвестности, не являя милосердности, - так следует совершенномудрый тому внешнему милосердию Неба и Земли, которое "немилосердно" и совершенствует себя" (Чунь Ян).

Однако из всего этого следует некий практический вывод. Человеку не следует ждать от Вселенной доступных его пониманию жалости или сострадания. Она функционирует по собственным незыблемым законам, законам жертвоприношения: все сущее рождается, возвращается, пестуется - а после умирает, и, быть может, именно в

этом проявляется высшее милосердие. Лишь сама Вселенная вечно пульсирует как кузнечный мех, без усталости наполняясь и опустошаясь. Человек же являет собой как бы ничтожное ее подобие: снова и снова его вдох сменяется выдохом - и так до конца. Не здесь ли возможность продолжить подобие дальше: воспитав в себе бесстрашие, достойное мировых глубин, и последовав ходу естественности, обрести дыхание гармоничное, неиссякающее и сосредоточиться в том центре кузнечного меха, откуда никогда не уходит Дао?! Мы знаем, что обычная даосская практика именно такова: регуляция дыхания и медитация на среднем киноварном поле ("чжун дань-тянь" - брюшная чакра йогов). И многоглаголие, конечно же, мешает достижению цели, грозит оскудением праны - ци. "Многие заботы вредят духу, многие речи вредят телу, - такими словами завершает свой комментарий к пятому стиху "Старец с берегов Желтой Реки". - Когда отверзаются уста и вздымается язык, горе и немощи неизбежны. Не лучше ли сосредоточиться на внутренней благодати, пестовать и возвращать духовное Семя и Дух, возлюбить прану - ци и говорить реже?" А комментарий другого даосского "человека Истины", Чунь Яна, записанный его учеником, есть настоящий гимн Великой Пустоте - обители Дао, приобщение к которому дарует человеку все, включая бессмертие.

"...Как же человеку, совершенствуя себя, не подражать Земле и Небу?!.. Совершенствующий себя с помощью пустоты обретает ее красоту и ее сокровенность - ему незачем домогаться славы, незачем домогаться Пути. И только лишь опустошенность достигает предела, как происходит некое движение. И по мере того, как это движение начинает источать красоту, ты все больше ощущаешь сокровенность происходящего. Это невозможно высказать! Многословие здесь бесполезно. Потому-то красота самопознания, сокровенность встречи с самим собой, тайна сосредоточения в себе до беспросветного забвения и обретения себя в наипредельной середине наипредельного Пути, вечно существующая истинная и единая прана, благодаря которым ты радуешься Истине Неба - они лучше бесчисленных утрат.

Так не есть ли это та нечеловечность, в которой совершенствующий себя совершенномудрый становится подобен Небу и Земле, не есть ли это сокровенный и тайный закон Пустоты? В немилосердии Земли и Неба их милосердие. О, как сокровенна в своем беспредельном величии, в беспредельной неколебимости эта тайна!"

6

Вот перед нами то место, где, не подозревая об этом, Лао-цзы решает основной вопрос философии, объявляя Дух прародителем, а точнее -

прародительницей всего сущего. Это единственное место, где он квалифицирует Дао как понятие духовное, но делает это столь недвусмысленно, а сам фрагмент текстуально столь бесспорен, что это доставляет массу неудобств всем, кто хотел бы услышать от патриарха даосизма нечто иное. Потому-то не один Ян Хин-шун впал в соблазн несколько перетолковать текст; Жэнь Цзи-юй и Чэнь Гу-ин, переводя его на современный китайский язык, излагают первую фразу (буквально: "дух долины бессмертен") таким образом: "Изменения пустоты никогда не прекращаются". Мало похоже на оригинал, зато слово "дух" раз и навсегда исчезает из книги.

Впрочем, оставим эти упражнения в стороне; гораздо интереснее вопрос о том, почему Лао-цзы именует бессмертный мировой Дух дольным. Над этим вопросом немало бились еще древние и средневековые комментаторы, стараясь подставить на место слова "гу" - "долина" значения более понятных, по их мнению, омонимов или сходных по написанию иероглифов, призванных исправить "описку переписчика". Однако во вновь найденных древнейших рукописях мы видим все тот же иероглиф, да еще с так называемым "смысловым ключом" воды, показывающим, что речь идет о долине реки, русле потока.

Образ Духа в долине - это образ нашего мира. Твердо очерченные берега - и текущий внутри этих окаменевших форм поток, который дает жизнь всему сущему, питает его и изменяет. Проходят тысячелетия, меняются берега - а поток все так же струится, не останавливаясь и не прекращая свой бег.

Много позже Ван Чун (I в.) выскажет свою, вероятно весьма древнюю, мысль о видимых, материальных формах как духе застывшем. Иными словами, в представлении древних китайцев все сущее действительно мыслилось как порождение духа, который, частично материализуясь, давши в лоне своем жизнь Небу и Земле, образует две сущности - духовную и материальную. Материя мертва - по крайней мере временно, в своем окаменевшем состоянии, дух же есть средоточие жизни, ее податель. И тот, кто питается от Духа Долины, тот никогда не умрет.

Именно на этом аспекте делает упор в своем комментарии "Старец с берегов Желтой Реки". Вопрос о Духе Порождающем он оставляет как бы в стороне - его размышления заняты Духом Питающим (яншэнь) и Духом Омывающим (юйшэнь), ибо в духе, а не в теле он видит изначальную основу человеческого долголетия, разгадка же секрета жизни вечной - его основная цель. И -здесь он очень прагматичен и

конкретен, а его -теоретические построения тесно связаны с "даосской йогой", с регуляцией дыхания.

"Долина Питает, - пишет "Старец". - Питая дух, не умрешь. Дух - это дух Пяти внутренних вместилищ, Небесная душа "хунь", что живет в печени, земная душа "по", что живет в легких, дух "шэнь", что живет в сердце, замыслы "и", что живут в селезенке, семя "цзин", что живет в семенниках, да еще устремления - "чжи". Ежели Пять вместилищ истощены или ранены, дух из них уходит... Сокровенное - это Небо... Нос человеческий соединяется с Небесным Дао, потому и нос именуется Сокровенным... Здесь говорится о том, что Врата Носа - это путь, по которому приходит и уходит Изначальная прана - ци Неба и Земли".

Впрочем, комментарий старца - это уже дальнейшее развитие даосской мысли, проходившее в школе "внутренней алхимии", так сказать, вариации на темы текста Пао-цзы. Что же касается самого Лао-цзы, то и в этом коротеньком стихе нам не следует упускать из виду его визионерский аспект. Визионерство вдруг возникает в поле нашего зрения в самых последних строках, хотя и до этого Лао-цзы, возможно, не рассуждает, а "прозревает". Здесь же он совершенно явственно "видит" незримые корни вещей, подобно тому как видят современные экстрасенсы едва брезжущие светлые тяжи, соединяющие физическое и тонкое тело во время их временного разделения при жизни. Вот проходят перед его внутренним взором эти тончайшие, едва заметные, нити, когда нельзя даже быть до конца уверенным, существуют ли они вообще - и все тянутся, тянутся... Описание краткое, но очень "зримое" - вряд ли это случайно. "Зримость" стиха отражена и в названии, данном ему "Старцем с берегов Реки", - "Возникновение образов". Возникновение происходит дважды - в момент становления мира, когда Небо, Земля и все сущее возникают из ничего, из Бездны Дао - и тогда, когда даосский мудрец вновь "прозревает" начало мира, опускаясь к его истокам.

Надо сказать, что в прочтении последнего иероглифа стиха переводчик последовал трактовке Гао Хэна (III в.) и Жэнь Цзи-юя, которая представляется более логически оправданной и, что греха таить, более философичной. Однако если склониться к версии древней, идущей еще от "Старца...", то концовка скорее предстанет отзвуком медитативно-йогической практики, чем плодом абстрактных размышлений:

"...Корни Неба и Земли
Тонкие-претонкие, словно едва лишь существуют, -
Используй же их

(или "прибегай к ним",
"обращайся к ним") без усилия!

т.е. погружаясь в бездны прошлого и нынешнего, сокрытые в бескрайних просторах Дао, нащупывая там едва зримые корни сущего и тем самым становясь хозяином сегодняшнего дня, не нарушай естественность, не вторгайся насильственно в ход вещей. Или же, как говорит "Старец...", видящий в стихе прежде всего практическое руководство по регуляции дыхания: "Использовать прану-ци следует широко и свободно, не впадая в торопливость и натужность". Других разночтений в данном стихе почти нет. Отметим только, что в варианте Ван Би слово "сюань" - "сокровенное" заменено на частый его китайский "синоним" "юань" - "изначальное" и, таким образом, "Родительница сокровенного" может превратиться просто в "Прародительницу" (всего сущего). Замена вызвана, скорее всего, принадлежностью самого Ван Би к "Школе сокровенного" и не имеет отношения к оригинальному тексту - мавандуйские и дуньхуан-ские рукописи его не подтверждают.

7

Если в пятом стихе Лао-цзы говорил о том, что космические законы отличны от человеческих и отрицал конфуцианский принцип "милосердия" или "человеколюбия", то здесь он возводит в ранг космического закона воздаяние за бескорыстие. Небо и Земля возвращают мириады существ, дают им пропитание и заботятся о них. Именно так должен поступать и мудрый человек, если он хочет добра самому себе, ибо воздаяние за добрые дела - закон Вселенной. Вся Вселенная построена на действии и противодействии, на принципе единства противоположностей. Скромный возвышается, а гордый низвергается, алчущий выгоды лишается всего, а бескорыстный приобретает. Правда, трудно предполагать, что Лао-цзы был столь наивен, чтобы не видеть, что жизнь постоянно опровергает этот постулат. Тогда не имел ли он в виду, что воздаяние не ограничивается данным существованием, а включает в себя и "жизнь после смерти" (в любом из вариантов предлагаемых древними религиями)? Лао-цзы не говорит об этом прямо, однако его последователь Чжуан-цзы достаточно ясно заявляет о "великом пробуждении" души после сна жизни и о радостном инобытии духа, преодолевшем смерть.

О том, как снискать благое воздаяние и долголетие, говорит строка шестая.

В знаменитой даосской книге "Ле-цзы" есть краткий, но

знаменательный диалог Ле-цзы со своим учителем, Хуцю Цзы-линем. "Стоит лишь тебе познать, как держаться позади, - и можно будет сказать, что ты поддерживаешь свое тело", - сказал Хуцю Цзы-линь. "Хотелось бы услышать, как держаться позади", - спросил Ле-цзы. - "Оглянись на тень свою - и узнаешь". Ле-цзы обернулся и стал наблюдать за тенью: когда тело сгибалось, и тень становилась кривой; когда тело выпрямлялось - и тень становилась прямой; выходило, что прямота и кривизна зависели от тела, а не от самой тени; и выходило, что его собственная прямота и согбенность зависели не от него, а от чего-то другого..."

Что есть первопричина - догадаться нетрудно. Ведь на само физическое тело древние даосы смотрели как на тень духа, существующего в иных измерениях и дающего лишь слабое, искаженное отражение на плоских поверхностях нашего ограниченного мира страстей. "Тело - тень", - говорит Инь-цзы с Заставы, ученик Лао-цзы, в том же трактате. Что же до того, что мы в обыденной жизни именуем тенью, то это уже вторичное опосредование первопричины, она всего лишь полутень, следующая за движением физических форм - и, следовательно, за движением духа.

Во второй главе другого знаменитого даосского трактата "Чжуан-цзы" мы найдем коротенькую притчу-диалог двух этих "теней", различающихся лишь степенью опосредования истины.

Полутень спросила у Тени: "Только что ты шла, а сейчас остановилась, только что сидела - а сейчас встала, почему ты так поступаешь?"

И ответила ей Тень: "Есть у меня некто, от кого я завишу, а у него есть некто, от кого зависит он..."

Физические формы отбрасывают видимую тень, управляя ее движениями, но и они "не самовластны и зависят от Истинного Распорядителя". Выходит, что "держаться позади" как тень в конечном счете означает быть покорным Первопричине, Дао... Дух ставится на первое место, а телесное, мирское на второе, послушно следуя ему. В конечном счете, все это означает тот же призыв следовать естественности, которая вопреки мнению профанов выводит человека вперед в этом мире. Кстати, иероглифы "шэнь" - "тело" и "шэнь" - "дух" легко здесь взаимозаменяемы и вполне возможно прочтение: "держи позади свое тело, и дух выступит вперед". Пестовать дух - вот что главное для достижения долголетия на этой земле, не говоря уже о существовании в иных сферах.

Что же касается следующей строки Лао-цзы буквально: "вне своего

тела, а тело существует", то похоже, что речь здесь идет именно о выходе в иные сферы, пусть не очень отдаленные, о пребывании тонкого тела вне тела физического. Человеку, хотя бы понаслышке знакомому с практикой "даосской йоги", трудно отделаться от впечатления, что имеется в виду "глубокое погружение", транс типа "самадхи", о котором говорит, в частности, Чжуан-цзы. Считается, что, кроме всего прочего, такой транс способствует очищению организма и обретению долголетия. Впрочем, комментаторы предпочитают толковать эту строку иносказательно.

И, наконец, последнее - о названии стиха. В даосской литературе очень популярны легенды о чудесных мечах, губительных для всякой нечисти - едва вынутые из ножен или другого какого-то футляра, они источают свет, наполняющий все вокруг таинственным сиянием. Даосский мудрец, достигший высоких ступеней совершенства, подобен такому мечу: скрывая до времени свой блеск, он лишь преумножает его.

8

В трактовке этого стиха возможны два подхода. Некоторые связывают его со стихом предыдущим и полагают, что речь здесь с самого начала идет о даосском мудреце, человеке "высшей благодати", "высшей добродетели" (Чэ шан дэ). Мы же склонны примкнуть к тем, кто ничего не добавляет в текст, какую бы логическую стройность это ни сулило.

Скорее всего, говоря о высшем благе (благодати), Лао-цзы имеет в виду то благо, которое себя ничем не проявляет (см. стих 38). Он подразумевает не изливающуюся на мир благодать, а источник ее, т. е. само Дао. И действительно, все комментаторы согласны, что вода есть символ именно Дао, есть как бы его явленный образ. "Вода умеет быть мягкой и податливой, она - подобие Дао, - пишет Чжан Дао-лин, - она покидает вершины и устремляется вниз, избегает наполненного и возвращается к Пустоте, увлажняет и пользует все сущее, ни с кем не вступая в борьбу, - хотелось бы, чтобы человек следовал ее примеру".

Весь последующий текст есть развитие идеи подражания Дао - воде, идеи изменения собственной природы ради приближения к Высшему благу. Основная цель человека мудрого - избежать борьбы и соперничества, оттого-то добрым местом для жительства будет для него лишь то, на которое никто другой не претендует - выбирая его, следует думать об интересах соседей. Быть униженным и теснимым извне, внутри же жить обращенным к истине, омываться сердцем в глубинных истоках Бытия, - такова позиция Мудрого.

9

Этот стих - о тщете человеческих усилий, о бесплодности стремления утвердить себя на земле, о бренности всего достигнутого в этом вечном мире. То, "что точат и заостряют", уже встречалось нам в стихе четвертом, - это стрекала наших желаний, постоянно понуждающих человека рваться вперед в пагубной гонке за призрачными миражами. Дорогой ценой даются успехи в этой гонке: "Ненасытность желаний губит дух, обилие богатств изнуряет тело", - замечает по этому поводу "Старец с берегов Реки". Смерть стоит у нас за плечами, мы умираем каждую минуту, ибо по мере наших свершений телесное "я" человека постепенно отходит в небытие. Так, действительно, "не лучше ли бросить", прекратить эту погоню за недостижимым? Далеким созвучием с мыслями Лао-цзы звучат слова Евангелия: "Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут" (Евг. от Матфея, 66, 19); "Как трудно имеющим богатство войти в царствие Божие!" (Евг. от Луки, 18, 24).

Особенной же опасности подвергает себя тот, кто не знает меры и удержу (в стихе будет сказано: "знающий меру - богат!"), поскольку все в мире со временем переходит в свою противоположность, и то, что еще недавно дарило радость и успех, становится причиной бед и несчастий. "Солнце в зените начинает клониться к закату, полная луна - убывает, расцвет сменяется увяданием, а радость - печалью", - приводит цепь аналогий "Старец...". Древние китайцы постоянно помнили об этом законе бытия и старались, например, не вступать в родственные отношения с семьей, достигшей вершины успеха, ибо за головокружительным взлетом всегда следовали опала и казни. Тот, кто вовремя умеет отступить в тень, покинуть пост, спасает себя от гибели. Чжан Дао-лин в своем комментарии напоминает в этой связи о знаменитом государственном деятеле эпохи "Борющихся царств" Фань Ли, тайно бежавшем тогда, когда царь, которому он служил, стал гегемоном всего Китая. Фань Ли помнил, что колы скоро охота закончена, собаки уже не нужны...

Интересная деталь: драгоценности, что наполняют палаты дворца, Чжан толкует как животворную прану (ци) и Духовное Семя, Мировую Сперму (цзин), наполняющие человеческое тело; задача, по его мнению, состоит в том, чтобы сохранить их, отказавшись от желаний, и умело распорядиться ими ради "жизни вечной".

Напомним также, что более поздние комментаторы подчас понижали заслуги (гун) как карму - тогда данный стих, толкуемый как скрытый призыв отказаться от собирания богатств на земле ради жизни будущей, звучит совсем по-евангельски.

10

В одной из китайских хрестоматий начала века, в примечаниях "на полях" (есть такой особый вид комментария), против этого стиха я нашел полную искреннего восхищения фразу: "Такое доступно только совершенному - человек обыкновенный разве в состоянии такого достичь?!" Разумеется, вся книга обращена к человеку, решившемуся на высочайшее духовное продвижение, на духовный подвиг, но здесь впервые и зримо установлена верхняя планка: остановить смерть, повернуть вспять ход времени, рассмотреть внутренним взором все без изъятия... Тон и характер вопросов (а для непосвященного они звучат чисто риторически) напоминают обряд инициации, высшего посвящения: желающий войти в последнюю дверь должен знать на них ответы. В древней китайской традиции ближайший аналог этому стиху - так называемые "Вопросы Неба" ("Тянь вэнь"), известные нам в передаче великого поэта Цюй Юаня (V-IV вв. до н. э.), так же, как и Лао-цзы, уроженца царства Чу.

Вообще, стих десятый совершенно необычен. Даже те, кто склонны видеть в книге Лао-цзы произведение чисто философское, умозрительное, вынуждены признать, что в этом стихе отражены принципы так называемой "даосской йоги" ("стих подчеркнуто говорит о совершенствовании тела" - "сю шэнь", - пишет Чэнь Гу-ин).

Этот стих служит подтверждением тому, что его автор не был отвлеченным мыслителем европейского типа; его построения оказываются тесно связанными с медитативной практикой, и более того: сама медитация предстает перед нами как некий процесс овеществления, материализации мысли.

Процесс начинается с той ступени сосредоточения на Едином Дао, когда слияние становится неразрывным, когда внешнее не отвлекает и ничто уже не нарушает гармонии двух человеческих душ, небесной и земной, достигнутой в момент погружения в Абсолют. Погружение в себя - ив Дао - есть необходимая отправная точка так называемой "внутренней алхимии", когда, пропуская жизненную энергию, пневму ци по каналам своего тела - снизу вверх по позвоночному столбу, через мозг, вниз до "моря пневмы" или "киноварного поля", где находится воображаемый алхимический тигель, и далее - даос производит трансмутацию пневмы. В процессе "возгонки" и "осаждения" пневма превращается в чисто духовную субстанцию - шэнь, которая, накапливаясь в теле, сообщает ему качественно новые свойства. Ментально-дыхательная циркуляция способствует выведению из тела всего косного и застойного, всего "твердого", что принадлежит смерти.

Своими упражнениями, активизирующими самые разные центры, даосы стремятся не только остановить ход биологических часов, запрограммированных на саморазрушение организма, но и отвести их стрелки назад почти до нуля, до состояния младенца. "Будьте как дети!" - говорил Христос, имея в виду прежде всего возвращение души в то первоначальное состояние, когда, опустившись из горних сфер, она еще не успела запачкаться мирской скверной. Но у Лао-цзы все несколько иначе. В самых древних версиях текста: мавандуйских рукописях, дуньхуанской рукописи "Лао-цзы еянэр", списках "Старца с берегов Реки" и Ван Би (см. Чэнь Гу-ин) - идея уподобления вообще отсутствует: "стать младенцем", "оборотиться дитятей" звучит поэтому не только как преображение духовное, но и, в какой-то степени, телесное. В процессе направленной циркуляции ци даос приобретает облик вечной молодости и ту предельную гармонию организма, которая присуща только младенцу. Об этой гармонии мы еще прочтем у Лао-цзы.

Следующая строка, где говорится о "Вратах Небес", вроде бы и понятна, однако конкретные ее толкования разнятся между собой чрезвычайно. Ясно то, что "Врата Небес" есть некий проход в высшие, горние сферы, таинственная дверь, открытая не всегда и не каждому. Древний словарь "Толкование письмен" (II в.) определяет это выражение как эвфемизм сердца человеческого, ибо оно одно есть скрытое чувствилище мира, способное познать Дао. В космологическом плане древние китайцы часто отождествляли небесные Врата с двумя звездами созвездия Рогов (в восточной части Неба), между которыми якобы располагался вход в небесные чертоги. Но человеческий микрокосм во всем подобен Великому космосу: считалось, что в теле также имеются духовные чертоги с анфиладой залов и в них также ведут Небесные врата, расположенные в таинственной точке на переносице, между бровей, на которой следует сосредоточиваться во время медитации, через которую может выходить и возвращаться обратно астральное тело продвинутого даоса. "Небесные врата" в человеке и на видимом небосводе есть как бы оконечности одного и того же незримого тоннеля, соединяющего мир горний и мир дольний: так, в общем, толкует это понятие "Старец с берегов Реки".

"Врата Небес" - они в чертогах Фиолетового недосягаемого у Полярной звезды... - пишет он, помещая небесный дворец, согласно даосской традиции, в центре мироздания... - А врачующими тело Небесными вратами зовутся ноздри. Их открытие зовется передышкой, их закрытие зовется вдохом и выдохом". Иными словами, задерживая дыхание (одно из основных требований "даосской йоги"), человек в то

же время открывает свои небесные врата в иные сферы, черпая из них прану ци высокой утонченности, ци "раннего неба". И тут, в процессе регуляции дыхания, очень важно избежать насильственности, сохранить ту естественность, которая одна соответствует небесным ритмам, а потому обеспечивает наилучшую, пользуясь современной терминологией, "энергетическую подпитку". Адепт должен подавить в себе мужское начало, т. е. сделаться совершенно пассивным, "спокойным, мягким и податливым, как самка"; быть "эхом, но не певцом" (Ван Би), "подражать земле и женщине" в их пассивности (Чжан Дао-лин). Даосу следует отдаться высшим силам - и оставаться покорным реципиентом, сколько бы ни толкала к активности его "ян-ская", мужская, природа.

Последние пять строк ("Рождай же и умножай!..") некоторые исследователи считают вписанными сюда ошибочно, поскольку более связанным с контекстом выглядит их повторение в стихе 51, а потому не включают в текст. Увы, этот повтор - не единственный у Лао-цзы, так что лучше довериться древним рукописям. Хуже то, что "безличность" древнекитайского языка позволяет отнести все сказанное равно и к Дао, и к даосу. Мы предпочли последний вариант, поскольку до сих пор речь все время шла о человеке; впрочем, достигая крайних глубин погружения в Дао, он становится как бы тождественным ему, так что разница невелика.

Слово "чу", которое мы переводим как "умножай", означает размножение, разведение скота. При желании в этой сентенции можно увидеть отдаленную аналогию библейской заповеди: "плодитесь и размножайтесь"; хотя, разумеется, речь здесь идет о творении материального скорее на ментальном уровне, когда образы роятся в сознании медитирующего адепта и спонтанно входят в реальный мир вещей благодаря его "сокровенной благодати".

В заключение приведем комментарий "Небесного наставника" Чжана к первой строке, который дает как бы общую идею стиха. Отталкиваясь от написания иероглифа "по" - "земная душа", Чжан замечает, что речь идет скорее о мировой сперме, Духовном Семени - цзин, и далее продолжает: "Тело есть колесница семени, и, нисходя вниз, Семя должно нагрузить его и разместиться в нем. По становлению духа является пневма ци, также помещающаяся в теле человеческом и нагружающая его. И ежели желаешь соблюсти полноту заслуг - не расставайся с Единым. Единое - это Дао... Единое - вне Земли и Неба, но входит в пространство меж Небом и Землею. Однако же пульсируя в теле человеческом, располагается повсюду под кожей, не выбирая единственного места. Рассеиваясь, принимает облик пневмы ци,

собираясь воедино, принимает облик Всевышнего Старейшего владыки Тайшан Лао-цзюня, постоянно правящего в горах Куньлунь. Его еще именуют Пустотным Небытием, именуют Естественностью, именуют Безымянным - все это одно. Ныне тот, кто вещает о Дао и наставляет в учении, кто неотступно соблюдает заповедное, - тот сосредоточивается на Едином. Если не следовать этой заповеди - утратишь Единое. Фальшивые умельцы суетного мира, называя Единым пять хранилищ тела, в ослеплении мысли жаждут обретения счастья, но это - ложь; расставшись с жизнью, они последуют далеко!"

11

"О пользе несуществующего", или, если угодно, "небытия", традиционно озаглавляется этот стих. Европейские переводчики практически не комментируют его: мысль автора парадоксальна, быть может, даже ошеломляюща, однако предельно ясна: наивысшая польза в том, чего нет, все сущее способно как-то функционировать лишь благодаря небытию, и само существование вещей этим небытием порождается. Взяли комок глины, сделали в нем углубление - и явился сосуд, прорезали в лессовом обрыве окна, двери, вынули все внутри - и получилось жилище. Диалектическое единство противоположностей обнажено здесь гениально просто, с изумительным мастерством.

Однако, если мы ограничим себя констатацией только этого факта, мы остановимся на уровне, уготованном для профанов. На мысль о существовании иного, скрытого, смысла наводит уже знакомство с образом колеса. Колесницы Древнего Китая превосходно изучены, сохранилось немало самих колес и особенно их отпечатков, но, увы, количество спиц в них всегда много меньше! Даже в огромных колесницах Иньской эпохи, построенных за тысячу лет до создания "Книги Пути и Благодати". И лишь недавно при раскопках окрестностей надгробового кургана первого китайского императора Цинь Шихуана была сделана поистине уникальная находка: бронзовая модель закрытой колесницы самого Сына Неба: ровно тридцать спиц одна в одну сходилось в ступицах обоих ее колес. Второе свидетельство - письменное - находим среди сохранившихся фрагментов в главе "Записки о ремеслах" в конфуцианской "Книге ритуала".

Есть, безусловно, что-то сакральное, какая-то скрытая магия чисел в отличии колесницы Сына Неба от найденных тут же простых повозок; элемент ритуальности, несомненно, присутствует и в описании "эталонной" древней колесницы в "Лиц-зи". Впрочем, текст говорит сам за себя: "тридцать спиц в колесничьем колесе - по образу солнца и луны" - читаем мы в "Книге Ритуала". А "Старец с берегов Желтой

Реки" в своем комментарии к книге Лао-цзы окончательно расставляет все по своим местам: "Колесницы древних имели по тридцать спиц в подражание числам месяца". "Древние делали колесницы по образу движения месяца, - подтверждает Ян Цзунь. - В месяце тридцать дней, в колесе - тридцать спиц. И вот месяц, повиснув в небе, кружится без усталости, колесницы, катясь по земле, движутся без остановки". Образ мира, движущегося во времени, образ круговращения бытия - вот что такое сакральное колесо у Лао-цзы. И не только у него. Вспомним буддийский образ "колеса закона", еще более ранний индуистский образ "колеса перерождений", вспомним образ времени-солнца, которое символизировало колесо у европейских народов, от древних римлян до древних славян...

Но если колесо - это мир времен, смертей и рождений, смены образов и форм, то что же тогда ступица, к которой сходятся и из которой исходят спицы; та пустота, которая приводит в движение круг бесконечности, сама оставаясь на месте, которая порождает мириады изменений, сохраняя вечно свою неизменность?! Ну, конечно же, это Дао, которое так часто сравнивают с осью колеса! Не сам ли Лао-цзы в стихе четвертом описывал Дао почти так же, как ныне он описывает это средостение феноменального мира, пребывающего в вечном вращении: "Дао пусто, но в применении неисчерпаемо". И многие авторы будут потом на разные лады варьировать образ Дао, благодаря которому "может двигаться Небо и покоиться Земля, а колесо вращаться непрерывно" ("Хуайнань-цзы"), или рассуждать о "круговерти гончарного круга и вращении ступицы колеса", все вновь и вновь возвращающихся к первоначальному (там же), опять-таки имея в виду Дао и создаваемый им мир.

Упоминание о гончарном круге подвело нас к следующему образу стиха - образу сосуда.

В западной традиции - античной и христианской, сосуд нередко являлся метафорой человека. "Сосуд, который надо наполнить" мудростью или знанием, "сосуд греха", просто "сосуд мерзостный" или, напротив, "сосуд божий" - каждый раз определение рождалось мыслью о том, что тело наше лишь вместилище, местопребывание души, и его должно наполнять светлой духовностью. Нечто подобное мы находим и в Китае: человека выдающегося не раз именуют "великим сосудом" в том смысле, что, подобно расставленной перед государем утвари, он способен утолить своею мудростью его духовный голод (а "Общая посуда" - это уже о чиновниках). У великого Сюнь-цзы мы встречаем очень прозрачную ассоциацию с образом Лао-цзы в том месте, где он рассуждает о злой природе человека: "Гончар мнет глину и делает

сосуд, но сосуд рождается от усилий мастера, а не от природы человеческой". И, наконец, как бы расшифровку строки Лао-цзы о сосуде мы находим среди рассуждений "Мудрецов из Южного заречья реки Хуай" ("Хуайнань-цзы") о жизни и смерти. "Это сравнимо с тем, как гончар мнет глину. Взятая им и превращенная в сосуд земля ничем не отличается от той, что от (прочей) земли еще не отторгнута. А сосуд разбитый, порушенный и снова вернувшийся к своей первопричине, ничем не отличается от того, который пока остается сосудом. В этих словах словно бы слышится библейское "Из земли взят, в землю и отыдешь". И столь же самопроизвольно вспоминается довольно рано зафиксированный китайский миф о сотворении человека из праха земного богиней Нюй Ва - в отличие от библейского Адама китайских прародителей было создано много, но точно так же лепились они из того же материала, что и любая посуда.

Что касается третьего образа - образа дома, то по убывающей, после Вселенной и Человека, он должен был бы звучать метафорой сердца - ведь сердце в своих глубинах соединяет то и другое, а древние авторы нередко называют его обителью (шэ) или дворцом (гун) духа. Намекает нам на такое понимание и комментатор: "Пробивая двери и окна, создают пустоты жилища, а посреди самого жилища - пустоту и небытие, которые делают его местом обитания. Что же говорить о пустоте сердца мудрого, способного вместить вещи?!" (Ян Цзунь). Впрочем, не будем слишком настаивать на этой параллели, поскольку разграничить Дао, человека и сердце достаточно сложно - ведь сердце считалось владыкой тела и пустота его мыслилась выходом в просторы небытия, объединяющего все сущее. Именно поэтому так настойчиво звучат призывы очистить свое сердце, убрать из него все накопившееся, распахнуть его врата, раскрыть широко все семь его отверстий - реальных и примысленных, чтобы светлая духовность могла литься сквозь него свободно и мощно. А эта духовность и есть Путь, извечная сущность, чье истинное имя сокрыто. "Дао пусто, незаполненно" (Хэшан-гун), и только его поток пульсирует там, где ничего нет. "Пустое" и как бы несуществующее, оно не менее реально, чем любая вещь, обладающая формой, ибо стоит уничтожить пустоту в доме, в сосуде, во втулке колеса, как этих вещей уже не станет. И более того - не станет всего мира сущего, который не только порождается, но и соединяется пустотным Дао - от сердца человека к космосу. Дао есть высшая реальность, но эта реальность как бы функциональна, ее невозможно выделить и предъявить миру, "но без нее мир перестал бы существовать" (Блэгни). Дома не бывает без стен или кровли, ибо они очерчивают его пределы - бытийное творит формы. Однако не будь в доме пустот, им нельзя было бы пользоваться - как ни парадоксально, главным все-таки остается несуществующее, пользу приносит небытие. Выгода от существующего

ясна каждому, но Лао-цзы вновь и вновь будет прославлять пустоту, ибо небытие есть бытие истинное.

12

Пять цветов и пять звуков знаменуют собой как бы всю китайскую цветовую палитру и звуковую гамму ("главные" цвета и "главные" звуки), все разноцветье и всю разноголосицу мира; то же относится и к пяти вкусовым ощущениям. Суетный мир зовет к себе человека; настойчивые сигналы извне "забивают" его "внесенсорное" восприятие, делают человека невосприимчивым к истинному свету и слову. Мирское влияние способно проникать через все барьеры, вплоть до Духовного семени, и, заполняя собою человеческое существо, не оставляет места ни для чего другого. "Жажда красивого ранит Духовное семя, - поясняет "Старец с берегов Желтой Реки". - (Человек) утрачивает просветленность и уже не способен различать цвета бесцветного. Когда наслаждаются пятизвучием, гармония жизненной силы ци теряется, и сердце уже не способно слышать беззвучное... А когда испытываешь пять вкусовых ощущений, утрачиваешь вкус Дао" (Хэшан-гун). "Слепнешь оттого, что рассеивается свет очей, - вторит ему Чжан Дао-лин. - ...если слишком много слушать, дух покинет тебя и ты станешь глухим (к истинному. - И.Л.)".

Феноменальный мир не просто препятствует истинному зрению, но также выводит из строя главное чувствилище вселенной - человеческое сердце, возмущая его страстями. Отныне в этом взбаламученном водоеме ци все окружающее может отразиться лишь в искаженном виде - или не отразиться вовсе. Дух гибнет, безумство появляется в душе. "Мировая сперма и дух тяготеют к покою, - поясняет Старец. - Когда во время бешеной скачки вдыхают и выдыхают (бездумно расходуя пневму ци. - И. Л), Мировая сперма и дух рассеиваются и погибают" (Хэшан-гун). Точно так же изнуряет дух и тело алчность. Увы, тяга к стяжательству и стремление к духовному совершенствованию несовместимы.

"Следуя по Пути, приходишь к жизни, но не к товарам, - замечает по этому поводу Чжан Дао-лин. - Товар требует деятельности, а обретение товаров мешает (постижению) Пути".

Единственный способ познать истину - отвернуться от "того", что вовне, "прекратить безумство зрения, изливающего Мировую сперму "цзин" наружу" (Хэшан-гун), и обратиться к "этому", что вблизи, внутри тебя, "пестуя там свой дух" (там же). Потому-то совершенномудрый "всматривается в бесцветное, вслушивается в

беззвучное, всеми корнями уходит в пустоту, пресность и прозрачность, не пачкаясь в мире праха" (Гу Хуань).

Впрочем, существует и другое, более приземленное толкование. Оно легко выводится из текста и сводится к тому, что стих двенадцатый представляет собой призыв к умеренности и благоразумию государя, которому следует бежать от наслаждений и роскоши ради блага подданных. Эту точку зрения излагает, например, в своем парафразе Р. Блэкни. Действительно, кто, как не правители Китая, любили украшать свои дворцы труднодоступными заморскими диковинками, поражающими глаз редкостями, кто, как не они, устраивали многолюдные облавные охоты, кто еще, кроме них, мог наслаждаться таким многоцветьем красок, сладкозвучием мелодий, разнообразием яств... И все же автору этих строк кажется, что взгляд Лао-цзы был несколько шире: его интересовал здесь не частный случай благоразумия правителя, а общий случай совершенствования человеческой личности; приведенные цитаты древних комментаторов только укрепляют нас в этом мнении.

Мы не будем останавливаться здесь на рассуждениях некоторых современных авторов о том, что данным стихом Лао-цзы "отрицает развитие культуры", "противопоставляет духовную культуру и материальную жизнь" и т. д. Совершенно очевидно, что Лао-цзы ведет речь не об этом. Стоит, пожалуй, упомянуть только интерпретацию проф. Линь Юй-тана, человека, объединившего в себе китайское классическое образование с европейской начитанностью, который в связи с последними строками говорит о внимании к своему "внутреннему я", и интерпретацию Р. Л. Вина, который говорит о внутренней независимости индивида и его социальной свободе, достигаемой ограничением желаний.

Последний очень важный вопрос, которого мы уже касались при разборе стиха третьего, - что хочет сказать Лао-цзы, говоря о "нутре" или "утробе" (фу)? Очень многие авторы, в том числе и китайские, берут это слово в его конкретном, вещном значении: "брюхо", и тогда получается, что Лао-цзы всего-навсего призывает "наполнить желудок" ("Совершенномудрый стремится к тому, чтобы сделать жизнь сытой..." - переводит Ян Хин-шун) или же, на худой конец, ограничиться заботой о теле ("...трудится ради нужд тела" - переводит Р. Вильгельм). У ранних комментаторов этого, однако, нет - для них "утроба" не орган переваривания пищи, а место, где свершается таинственный процесс "возгонки" Духа. "Утроба есть вместилище Дао, - поясняет Небесный наставник Чжан, - где жизненная сила ци постоянно стремится к плодоношению". "Сосредоточься на своих пяти

органах, отринь шесть чувств, обуздай свои устремления и жизненную силу, пестуй дух свой и просветленность", - поясняет "Старец с берегов Желтой Реки" слова об отношении мудрого к своей "утробе". А о ненасытной алчности глаз говорит так: "Не бросай суетных взглядов, ибо от суетных взглядов водоем Мировой спермы изливается наружу".

Старец предостерегает неведающего от поллюции праны; вождедеющие глаза бесплодно рассеивают вовне жизненную силу ци, которая так нужна для Великого свершения - возвращения и сбора космического урожая, когда Мировая сперма, Духовное семя (цзин), прорастает в теле человеческом и, питаемое жизненной силой ци, обращается Духом (шэнь). А потому: "Откажись от "тех" суетных взглядов глаз и обрети "это" возвращение духа в утробе" (там же).

13

Смысл стиха достаточно ясен, если не считать одного маленького нюанса: иероглиф, который мы даем в его буквальном значении - "тело", в переносном смысле употребляется для обозначения понятия индивида, человеческого "я". То, что в русском языке квалифицируется как "личность", в древнекитайском звучало бы как "телесность"; индивидуальность здесь идентифицировалась не с лицом, а с телом. В свою очередь, человеческое "я" слагается из страданий и скорбей - они составляют как бы эмоциональную плоть, в которую облекается Духовное семя. Здесь ориентированность в сторону внешнего мира играет свою роковую роль: мы страдаем, ибо придаем значение таким "низменным" вещам, как почет, слава, милости вышестоящих, которые с легкостью обращаются в свою противоположность. Отказываясь от собственного "я", человек отказывается и от своих скорбей, а лишаясь тела, он оставляет вместе с ним и все свои страдания. "Ежели у меня не будет тела и я воплощусь в Дао, буду естественно и легко вздыматься к облакам, входить и выходить там, где нет (ни малейшего) зазора, буду с Дао единым духом - какие у меня тогда будут печали?!" - восклицает по этому поводу "Старец с берегов Желтой Реки".

И разумеется, только человек, способный отказаться от личного ради блага других, может быть истинным Сыном Неба - ему спокойно можно вручить Поднебесную, точно так же, как растворившийся в "не-я" способен овладеть всем миром и оставаться его подлинным владыкой. Ну, а слава и монаршие милости могут служить для такого лишь напоминанием, что все бrenно и переходит в свою противоположность;

"Занимая высокий пост, он чувствует себя словно бы стоящим над обрывом". Впереди - только опасность, а быть может, и падение в

бездну. Потому-то печали тела, страдания телесные предпочтительнее. Их следует ценить, ибо они есть нечто искони присущее человеку, он обретает их вместе с земным телом своим ради шествия по Пути. И они же есть залог будущего избавления от страданий. Так что не следует стремиться к славе и почету, которые служат знаком неблагове-щим, являются предостережением для того, кто еще способен отказаться от честолюбивых замыслов. "Сильный и своевольный умирает недоброй смертью", - говорит Лао-цзы (стих 42). Как напишет впоследствии Цзя И (~ 201 - 169 гг. до н. э.) в своей знаменитой "Оде сове":

...Счастье ведет за собою несчастье,
Радость и скорбь толпятся у тех же ворот,
Зло и добро обитают в одних местах,
Вот царство У - было великим, могучим,
А Фу Ча потерпел поражение,
Ли Сы в своих странствиях к славе пришел - И от пяти казней
скончался!
Как разделить нити счастья и бед,
Сплетенные в жгут?!
Судьбу предсказать невозможно -
Кто знает ее конец?!
(Перевод И. Лисевича)

Потому-то лучше довольствоваться положением презренным, подобно воде - символу Дао, которая всегда устремляется в места самые низкие (см. стих 8). Как будет сказано через полтысячи лет: "Кто унижает себя, тот возвысится" (Евг. от Матфея, 23, 12).

Вообще тема тела, как источника постоянных страданий, очень часто звучит в религиозной литературе; особенно она характерна для буддизма, который рекомендует относиться к страданиям с возможным стоицизмом. "Удалившиеся от мира относятся к телу своему как к ране, стараясь, однако же, не (слишком) обращать на нее внимание", - говорит, например, святой Нагасе-на в "Вопросах царя Милинды" ("Милинда-пан-ха"). Тем более что рана существует только в этой жизни: как только человек "перестает жить во плоти, рана его более не беспокоит".

Переводя стих тринадцатый, мы в основном следовали за современными китайскими учеными. Однако существуют и другие толкования, более того - другая версия заключительных строк. Причем очень трудно судить, какая из двух версий древнее, поскольку обе они представлены уже в мавандуйских рукописях. Вторая редакция звучала бы следующим образом:

Тому, кто ценит мир, как собственное тело,
Пожалуй, можно мир вручить, Тому, кто тело
возлюбил превыше мира, Как мир доверишь?!

В связи с этим характерна сентенция "Небесного наставника" Чжана о том, что "человек должен только беречь свое тело, но не любить его... Когда возносятся моления Дао, преумножают добрые дела, создают заслуги, копят Духовное семя и возвращают Дух, а Дух творит магическое бессмертие - тем самым (воистину) обогащают тело. Но те, кто, алкая славы и почета, утруждают свое Духовное Семя и Мысль, чтобы снискать богатство, пичкают тело роскошными яствами, - это суть возлюбившие тело, они в разладе с Дао".

В комментарии "человека истины" Чунь Яна интересно обращение к идее до-небесного (сянь-тянь) и после-небесного (хоутянь) тела, что, по-видимому, соответствует телу духовному и телу материальному.

Концепция до- и после-небесного впервые возникает в "Книге Перемен" и означает все то, что существовало до появления Космоса (неба) как такового, и то, что принадлежит уже материализовавшемуся космосу, с его Небом, Землей и Человеком. А Космосу, как мы помним, предшествуют только Путь Вселенной - Великое Дао, и хаос изначальной праны ци (юаньци). Лишь это редкое ныне ци (сяньтянь ци) способно дать жизнь человеку, а после, иссякнув в дыхании, привести его на порог смерти. Оно подобно шагреневой коже - с последним вздохом уходит последняя прана - и все кончается. Но в теле до-небесное - это жизнь, это дух. "Коль скоро я существую в до-небесном теле и не имею тела после-небесного, какие могут быть у меня печали?! Тот, кто дорожит своим до-небесным телом ради мира, - может послать свое тело - и заградить путь Вселенной, кто возлюбил до-небесное тело ради мира - может поселить пустотнодуховное тело (суйлинчжи шэнь) во Вселенной" (Чунь Ян). Это - еще один вариант концовки тринадцатого стиха. Разумеется, видение "человека истины" Чунь Яна - плод достаточно развитого даосско-буддийского синтеза, а по времени его комментарий далеко отстоит от оригинала. Однако он, как и оригинал, медитативен, а фиксацию "расширенного сознания", когда собственное "я" ощущается заполняющим всю вселенную, мы обнаруживаем еще у Чжуан-цзы (IV - III вв. до н. э.) - так что подобный вариант не исключен и для Лао-цзы.

14

Перед нами - одно из наиболее замечательных мест книги, попытка апофатического описания Дао, когда автор, тщась подобрать эпитеты

Невыразимому, лишний раз демонстрирует изначальное бессилие языка выразить Истинную Сущность. Думаю, ошибется тот, кто примет эти строки за плод холодного рассудка, за отвлеченное философское построение - Лао-цзы всматривается, вслушивается, пытается прикоснуться, он всплывает в незримом потоке и опускается в его глубину, следует вдоль путеводных нитей, идущих от самого Начала времен... Он то поспешает вперед, стараясь опередить Дао, то медлит в тщетной надежде увидеть его конец, он словно сам присутствует среди этих бесплотных образов, видит нечто едва брезжущее, но не в состоянии переложить в слова то, для чего никаких слов не существует. "Уста не могут выразить речами, писания не могут передать, - поясняет эту картину один из ранних комментаторов Гу Хуань, - нужно сосредоточиться на этом в тишине и постигать это духом", т. е. пройти теми же запредельными тропами, которыми прошел Лао-цзы.

В мире бытия все делится на Инь и Ян, на Тьму и Свет, на тяготеющее к земле и на стремящееся ввысь. Но вне предела вещей и форм царствует нерасчлененное единство хаотической однородности - свет не озаряет вершины, тьма не сгущается в глубине. У Пути в пространстве и времени нет ни начала (букв, "головы"), ни конца (букв, "спины"). Безостановочно вращается водоворот Дао, пронося свои волны сквозь видимый мир, но в его запредельности прошлое сливается с будущим, и, возвратившись вместе с Дао к истоку времен (букв.: "началу древности"), ты становишься хозяином самого себя и всего этого мира. В мировой истории мы найдем немало попыток характеризовать божество или Высшую реальность с помощью отрицательных определений ("не такой", "не такой"...). Однако сходство текста Лао-цзы со словами его современника Сократа поражает совпадением в деталях. Сократ также пытается рассказать Федру об истинной "сущности занебес-ной области" (ср. комм, к первому стиху "Дао дэ цзина" - "за небом есть другое небо"), и его определение буквально совпадает с описанием Дао у Лао-цзы: "эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность (подчеркнуто мной. - И. Л), подлинно существующая (ср. имя Бога Ветхого Завета - "Я есть Сущий", Исход, 3, 14)... на нее-то и направлен истинный род знаний" (Платон).

Коль скоро мы уже упомянули Ветхий Завет, следует сказать, что в XIX веке в Западной Европе пользовалась популярностью точка зрения французского сиолога Абель-Ремюза (1788-1832 гг.), который усматривал в звуковой последовательности трех "имен" Дао у Лао-цзы "и" ("незримый"), "кэ" ("безмолвный") и "вэй" ("бесплотный") соответствие трем буквам древнееврейского алфавита _ "Йод", "Хэт" и "Вав", - которыми записывалось имя Яхве ("Сущий"). В наше время к

этой теории относятся не слишком серьезно, поскольку возможность заимствования представляется чересчур притянутой. Однако, с другой стороны, изучение палеографики текста "Дао дэ цзина", в частности мавандуйских рукописей и комментариев к нему, убеждает, что Лао-цзы, давая имена Дао, использовал иероглифы весьма непривычно. Комментаторы не очень понимают их значение - в разных списках порядок их меняется, царят раз-нописания. Создается впечатление, что Лао-цзы либо действительно просто транскрибировал какое-то иноязычное слово и потому не случайно выбрал для передачи звука "и" иероглиф "варвар", "чужеземец", либо произносил некую мантру, где главным ему представлялся сам звук, вибрация изначального эфира.

[НАЗАД](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ДАЛЕЕ](#)

Наш сайт является помещением библиотеки. На основании [Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" \(в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ\)](#) копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных на данной библиотеке категорически запрещен. Все материалы представлены исключительно в ознакомительных целях.

Методические пособия для индивидуального обучения на Видео кассетах VHS и DVD - Мирзакарим Норбеков, Александр Свияш, Ошо, Виктор Востоков, Майя Гоголан, Сатья Саи Баба, Дипак Чопра, Валерий Синельников, Мантэк Чиа, Наталья Правдина, Дмитрий Верицагин, Сергей Коновалов **и др.**

Музыка для релаксации, медитации, восстановления здоровья, для занятий Йогой, при проведении сеанса лечебного массажа, Фэн Шуй, специально для детей и т.п. **на CD в форматах mp3 и cda**

Книги по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

Copyright © 2000 - 2006 г. UniversalInternetLibrary.ru

Разговоры на общие темы, Вопросы по библиотеке, Обсуждение прочитанных книг и статей,
Консультации специалистов: Рэйки;
Космоэнергетика; Учение доктора Залманова;
Йога; Практическая Философия и Психология;
Развитие Личности; В гостях у астролога;
Осознанное существование; Фэн-Шуй, Обмен опытом и т.д.

Лао-Цзы. (перевод - Лисевич И.С.) - Книга Пути и Благодати

Коментарий (продолжение)

15

Попытавшись в предыдущем стихе дать читателю описание Сокровенного, т. е. самого Дао, Лао-цзы пробует теперь намекнуть ему, какими свойствами надо обладать, чтобы овладеть сокровенным, точнее - приобщиться к нему. Разумеется, в полной мере искусством этим владели только древние учителя, к тому же слова, как всегда, бессильны передать мистический опыт. Лао-цзы только "тщится" (цян) рассказывать, степень же понимания зависит от личной приобщенности человека к тайне, от его продвинутости по Пути.

Впрочем, он даже не рассказывает, а скорее показывает, и образы, возникающие перед нами, полны глубокого смысла. Переход через реку - в мифах, в сновидениях, в трансе шаманского камлания - это символ выхода в иной, запредельный мир. Любой такой магический эксперимент опасен, а адепт должен быть предельно осторожным, чтобы не погибнуть в зимнем половодье; ему следует продвигаться вперед медленно и осмотрительно, дабы не поплатиться за свое нетерпение, следует гнать от себя желания и сохранять бесстрастность, словно бы он гость на многолюдном пиру, опасаясь "потерять лицо". Однако это только условия - необходимые, но недостаточные. Недаром за ними возникают привычные образы Девственного древа (пу) - призыв к возвращению естественности, к освобождению от бесчисленных духовных пут суетного мира, и образ долины - призыв открыть себя благодатному

потоку Дао, принять его в сердце свое и через него сделать Сокровенное благодатью явленной. И наконец, призыв к очищению и духовному возрождению, причем к очищению парадоксальному, через уподобление себя грязи и праху, илу речному, который оседает на дно в местах покойных, а после, выбранный оттуда, удобряет землю и дает новую жизнь Духовному Семени.

Непременное условие для этого - покой. Здесь бескрайний Космос и мир людей, как и во всем другом, схожи. Все легкое, чистое, светлое, прозрачное в мире, как в водоеме, стремится вверх, все тяжелое, грязное, темное, замутненное опускается вниз. Чтобы отделять чистое, надо успокоиться - сам процесс медитации по-китайски именуется "сидением в покое" (цзин цзо), но вместе с тем, чтобы воспарить, возвыситься духом, нужно себя принизить. Недаром же даосский "земной бессмертный" Гэ Хун в своем жизнеописании Лао-цзы утверждает, что тот стремился "смешаться с прахом", а многие наиболее последовательные его адепты, понимая смешение с грязью буквально, жили в самых нечистых местах - вплоть до навозных куч, как в новеллах Пу Сун-лина.

Однако, как ни важно все сказанное до сих пор, наиболее значимы в стихотворении три последние строки. О тщете "наполнения" и о вреде этой пагубной страсти, столь свойственной человеческой природе, Лао-цзы говорил еще в стихе девятом ("Чем поддерживать и наполнять - не лучше ли бросить?!"). "Наполнение" (ин) есть синоним всяческого самоутверждения в иллюзорном мире образов, который отличается от "пустотного", внебытийного мира Дао именно своей наполненностью. Это и страсть стяжательства, и грех гордыни, когда слава и почет наполняют (!) человека самодовольством (ср. другую параллель русского языка: "наполненный" - "надутый"), и даже жажда ложного знания, привносимого извне и загромождающего внутренние вместилища духа (даже весьма приземленные древние греки понимали, что "человек не есть сосуд, который нужно наполнить...").

Нет, идею человека как сосуда китайцы отнюдь не отвергают - Лао-Цзы повторяет этот образ несколько раз, но мысль о возможности своевольного наполнения того, что предназначено для высшей цели, он отрицает решительно. Впервые философ предостерегает против этого уже в начальных строках стиха четвертого: "Дао - есть пустота сосуда", но есть те, кто пользуется ею, не наполняя, ибо наполнить - значит уничтожить пустоту. "Дао ценит гармонию середины - дай же (ему) двигаться в срединной гармонии, - говорит Чжан Дао-лин. - Нельзя наполняться и переполняться замыслами и стремлениями, ибо это идет вразрез с заповедями Дао". Особенно страшно то, что наполнение может перейти в крайность, в прорыв, когда вдруг исчезает гармония сосуда как единства внутреннего и внешнего,

пределов и содержимого, а сами пределы, оболочка просто перестают существовать. Много позже Ван Чун (~27-100 гг.) выразит эту мысль применительно к идее судьбы, предназначения (мин). "Ежели на роду написана бедность, а ты силой или старанием добьешься богатства, то, разбогатевши, умрешь. Ежели на роду написано положение презренное, а ты талантами и способностями достигнешь знатности, то тебя, достигшего знатности, подвергнут осклопению*. Доля и судьба не в силах вместить и удержать богатства и знатности, которых сниска- ли сила и талант. Они подобны сосуду, имеюще- му предел наполнения" - если пренебречь пре- делом, все содержимое прольется.

Итак, не стремиться наполнить себя, свою судьбу и глубины души, а, напротив, выжечь сует- ное в сердце своем - вот единственно правильный путь. Опустошение сердца есть высшее благо, ибо только оно позволяет адепту исполниться Дао. Однако о том, что дарует человеку это слияние, комментаторы судят различно.

Чжан Дао-лин, который только что развивал - тему даосской медитации и магических обрядов, - комментируя образ "обветшания" в концовке стиха, толкует его как телесную смерть, а новое становление - как даосское воскресение во плоти ("тело умирает - это обветшание, тело рождается - это становление"). Это вполне в духе даосской традиции сопоставления тела с коконом бабочки и многочисленных легенд о воскресении после смерти. "Только тот, >.то способен сконцентрироваться на Дао, не наполняться и не переполняться, может заменить обветшание на становление", - пишет Чжан. К сожалению, во всех других древних текстах, начиная с мавандуйских рукописей, вариантов Старца, Ван Би и др. и кончая текстом "Дао дэ цзи-на", выгравированным на каменной стеле в эпоху Тан, вместо соединительно-разъединительного союза "эр" стоит отрицание "бу", и, следовательно, смысл меняется на противоположный. Это обстоятельство ставит современных китайских исследователей в затруднительное положение, и в качестве наилучшего выхода принимается гипотеза об ошибке переписчика, уже столько раз приходившая на выручку текстологам ("Если принять, что написано "нет", то значение становится противоположным и смысл теряется, - аргументирует Чэнь Гу-ин). Однако смысл не теряется, а просто становится настолько иным, что согласиться с ним не так-то легко. Действительно, не означает ли заключительная строка, что человек, порвавший с суетою мирской, выпадает из круга перерождений и может по смерти уйти в совершенное небытие Дао, не обретая "новых становлений"?! Для тех, кто склонен видеть в книге Лао-цзы плод индийских влияний, такое - вполне возможно, однако до тех пор, пока даосизм рассматривается только как автохтонное китайское учение, подобная точка зрения вряд ли найдет много сторонников. А пока что

наиболее распространенным остается понимание "нового становления" (синь чэн) как достижения заслуг, знатности, славы и процветания, от которых отказывается даос, пребывая в "ветхости".

16

По мнению исследователей, стих шестнадцатый - один из самых важных для правильного понимания Лао-цзы. В нем сплетены воедино вопросы бытия, смерти и бессмертия, разрешить которые возможно, только выйдя за пределы обыденного сознания и суетного существования; путь же к этому выходу - медитация, погружение в пустоту и успокоение вибраций ци.

Само название стиха как бы предваряет ход мысли читателя, подсказывает ему Путь. Ведь в древней китайской литературе "возвращение" есть аллегория смерти, точнее, даже не аллегория, а просто синоним, другое наименование, ибо все мы являемся в этот мир лишь ненадолго, обитель же наша находится в иных пределах.

В стихе пятидесятом книги Лао-цзы слово "выходить" (чу) употреблено как синоним слова "родиться", ибо все мы вышли из небытия и оно является нашим домом; соответственно "возвращение к корням" есть возвращение в небытие, в Дао.

Древние не случайно усматривали многозначительное совпадение звуковых вибраций в омонимах гуй - "душа умершего" и гуй - "возвращаться", и даже тот современный читатель, кто не читал древних книг, прекрасно помнит заимствованный из них лозунг - призыв Мао Цзэ-дуна: "во-первых, не бояться трудностей, во-вторых, не бояться смерти, смотреть на смерть как на возвращение". Погрузившийся в медитативный транс, опустившийся в незримые бездны и достигший предельного успокоения, Лао-цзы наблюдает бытие как бы изнутри, "с той стороны", откуда выходят корни всего сущего. Он видит рождение бесчисленного сонма вещей и живших существ, "проявление" их образов в видимом мире, а после - затухание, возвращение к истоку, "к корням". Как напишет позднее великий древний поэт Цзя И:

Мириады вещей вершат превращения,
И нет им ни отдыха, ни покоя!
Кружатся в водовороте:
Начавший движение - возвращается;
Телесные формы сменяют друг друга,
Подобно личинке цикады, сбросившей кожу...

Весь мир - словно kloкочущий котел, где происходят таинственные, светоносные процессы, приводящие к появлению в сфере бытия все новых трансмутаций, все новых метаморфоз. Ничто не исчезает - оно лишь превращается и, отдохнув у корней, выходит в мир в новом обличье.

Земля и Небо - вот плавильная печь,
Созиданье и превращение - вот кто плавильщик!
Тьма и Свет - вот уголья их,
Мириады вещей - такова их бронза.
Сочетание, рассеяние, исчезновение и покой...
Разве неизменное существует?!
Тысячи изменений, мириады метаморфоз -
Не бывало еще им конца!

Нежданно-негаданно ты стал человеком, Но стоит ли за это
цепляться?! Превратился в иную вещь, И тоже - стоит ли горевать?!
(Перевод И. Лисевича)

Читая все это, трудно не обратиться мыслью к идеям метемпсихоза, перевоплощения, с глубокой древности имевшим хождение в соседней Индии. Правда, стихи Цзя И написаны сравнительно поздно, но сходные образы рисовал и великий Чжуан-цзы (IV-III вв. до н. э.). Достаточно вспомнить размышления одного из персонажей Чжуан-цзы о том, что ждет его умирающего друга: не превратятся ли его конечности в ножки насекомого или его внутренности в печень крысы?! Да и сам Лао-цзы несколько ниже говорит об "обретении новой судьбы" (фу мин) тем, кто возвратился и успокоился у "корней".

Медитирующий даос, пребывающий за гранью бытия, опускающийся духом в космические бездны и наблюдающий там неиссякающий источник жизни, как бы приобщается к вечности. И это дает ему не просто знание, но духовное просветление. Отныне он уже отстранен от того зла, которое безрассудно продолжают творить другие, он более не своекорыстен, не думает только о себе, ибо познал единство мира и слиянность всего живого. А коль скоро он утратил свой эгоизм - он обретает не доступную прежде цело-купность собственного существа, предельную гармонию тела и духа. Отныне он достоин быть владыкой и государем, долг которого пестовать подданных. Он может стать идеальным руслом, по которому небесная благодать Дэ изольется на каждого без изъятия.

Далее мысль Лао-цзы устремляется от человека - владыки земного и проводника благодати, к Небу, а от него - к Дао. Это естественно, ибо

все они связаны между собой, отверсты друг другу. Связь их запечатлена уже в самом иероглифе "владыка", "царь" (ван), где все три космических уровня ("дао", "небо", "земля", или же "верхний", "земной" и "нижний миры") соединены между собой вертикальной чертой (обозначающей человека, "русло потока"). И действительно, владыка есть "Сын Неба" и получает от него свое "предначертанье", "мандат" (мин), он черпает из Дао благодать, а Космос - Небо есть почти синоним и видимый образ Дао. Более того, как сказано у Лао-цзы: "Тяготеющий к Дао уподобится Дао". Дао - вечно, и вечным становится сам даос, медитирующее погружение дарует ему бессмертие. "Для людей суетных, не способных копить добрые поступки, смерть есть смерть истинная. - они отходят к управителям земли, - комментирует Чжан Дао-лин знаменательную последнюю строку стиха. - ...А когда отходит Совершенномудрый, он, оказавшись во власти смерти, минует Великую Тьму и вновь рождается в образе, исчезает, но не гибнет".

Вариант "Небесного наставника" Чжана несколько отличается от других: вместо слова "владыка", "царь" (ван) у него стоит иероглиф "жизнь" (шэн), и уже с этой строки он говорит о вечной жизни, которую обретает даос. А "Старец с берегов Желтой Реки", равно как другие, полагающие, что слова "обретение новой судьбы" относятся к медитирующему, тоже понимает их как обретение им бессмертия ("не смерть, а постоянное движение Дао"). Надо сказать, что концовка шестнадцатого стиха - не единственное место в книге Лао-цзы, где тот говорит о "жизни вечной". Так, стих тридцать третий он заканчивает строкой о тех долгожителях, "кто умирает, но не гибнет", а в стихе пятьдесят втором слова: "исчезнет тело, но гибели не будет" повторяются снова в связи с рассуждениями о Начале и Матери мира, т. е. Дао, и о необходимости медитативного возвращения к этому первоначалу. Иначе говоря, сам Лао-цзы постоянно и настойчиво напоминает о возможности достижения того бессмертия, которым была занята мысль более поздних даосов.

"Жизнь вечная" достижима, но лишь в результате отказа от собственного "я" и слияния с Абсолютом, с духовным первоначалом мира. Причем путь этот связан с безусловным отказом от зла, которое творят другие. "Не видят суетного глаза, не слышат суетного уши, не произносят суетного уста, и не таят зла на мир, - поясняет "Старец с берегов Желтой Реки" слова о избегнувших гибели в стихе тридцать третьем, - оттого и обретают долголетие (бессмертие)".

Разумеется, такая трактовка не бесспорна. В том же тридцать третьем стихе современные китайские авторы предпочитают заменять слово

"гибель" его омонимом "забывать" (в древности различавший их ключ "сердце", действительно, писался не всегда). Тогда в переводе мы получаем довольно банальную сентенцию: "Кто умер, но не забыт, тот бессмертен" (Ян Хин-шун). Более того, даже "Старец..." (тем более - многие поздние комментаторы) воспринимает концовку нашего стиха гораздо осторожнее, чем "Небесный наставник" Чжан. Хотя это логически не очень согласуется с предыдущей строкой, они ограничивают смысл концовки периодом обычной жизни человеческой: "Пока не исчезнет тело, тебе (ничего) не грозит!" - так можно было бы перевести последнюю строку в интерпретации "Старца...".

И все-таки Лао-цзы столько раз обращается к теме "жизни после смерти", что не заметить этого просто нельзя. И пожалуй, можно согласиться с американским исследователем Генри Вэем, который считает, что "глава шестнадцатая входит в число тех четырех-пяти глав даосского канона, в которых воплощены основные мысли Лао-цзы о бессмертии".

17

Наиболее принятая трактовка этого стиха - понимание его как описания процесса деградации человеческого общества, его постепенного нисхождения от золотого века безымянных совершенномудрых государей далекой древности к полному смут веку Лао-цзы. Век этот, уже скрытый от нас где-то во мгле времен, тоже виделся его современникам неким пределом падения, последней ступенью, когда государи перестали доверять своим подданным, а те отвечали им постоянными бунтами и изменами. Именно так преподносит нам семнадцатый стих "Старец с берегов Желтой Реки" ("Доверия государя не хватало на подданных, подданные же отвечали ему неверностью и обманывали владыку..."). Противоположностью этому суетному веку выпущенных на волю страстей виделось прекрасное начало Поднебесной, когда государи, "страшась отойти от Дао-Пути и утратить естественность" ("Старец..."), "пребывали в недеянии и вели бессловесное поучение, тем самым творя все сущее... низшие же только знали, что государь существует - и все!" (Ван Би). Совершенномудрые прошлого вершили свою истинную, космическую миссию, не вмешиваясь в дела Поднебесной, не насилуя естественный ход вещей, - они были великими медиумами, черпавшими силу из Дао и дарующими ее народу. Они аккумулировали всеильную духовную энергию - ту, что в древней Индии именовалась тапас ("заслуги копились" - "гун чэн"), - и им уже не было необходимости вторгаться во внешний мир вещей, расточать слова или совершать деяния - дела устраивались сами собой. Настолько само собой, что люди оставались в полной уверенности, будто всем обязаны только себе - эта

уверенность их впоследствии и погубила. Дух золотого века прошлого многочисленные древние сочинения живописуют следующим назидательным эпизодом, якобы случившимся во времена премудрого Яо, когда "в Поднебесной царил великая гармония и народ не имел забот".

Проезжая как-то по одному из своих владений, многомудрый Сын Неба услышал песенку старика, игравшего при дороге в битую:

Солнце взойдет - и я работаю,
Солнце зайдет - и я отдыхаю,
Вырою колодец - и пью,
Вспаху поле - и ем,
В чем же труд государя для меня?!

Яо не возразил старику ничего, но авторы древних сочинений дают нам понять, что древние Совершенномудрые были именно теми святыми, ради которых только и благоденствовал мир...

Такова, в общем, наиболее ранняя трактовка "Старца с берегов Желтой Реки", практически общепризнанная, подтверждаемая также некоторыми текстологическими параллелями (правда, более поздними). Однако следует признать, что в самом тексте Лао-цзы нигде не упомянуто слово "государь", "царь" или ему подобные - мы везде имеем только безличное, неопределенное местоимение "чжи", способное заменять что угодно. Что же до предыдущего стиха, развитием которого считается стих семнадцатый, то в нем говорится не только о государе, но - в гораздо большей степени - о Дао. Комментаторы, более склоняющиеся к религиозной трактовке текста, имеют определенные основания предложить свою интерпретацию - и, отвергая трактовку первых двух иероглифов стиха ("тайшан") в качестве члена грамматической конструкции "убывания" ("превыше всего" ... "хуже" ... еще "хуже"...), они переводят их понятием "Всевышний".

"Всевышний" - это Владыка, - пишет в своих "Пояснениях" (шу) к книге Лао-цзы Гу Хуань, - это владеющий сокровенным небесным учением Всевышний Владыка Пути. Здесь говорится о том, что пребывающий в Золотых покоях над Нефритовой столицей Владыка Пути, сгустившись духом, перенесся мыслью в места постоянных следствий ...оставил там свой след, обрел положение и прозвание... Так что низшие знают о его существовании и знают, отчего произошло название "Всевышний".

Добавим к этому, что титул "Всевышний Владыка" ("Тайшан... цзюнь") даосы обычно прилагали к самому Лао-цзы, представлявшемуся им членом божественной небесной Триады, существующим "от века" сыновним порождением Великого, не имеющего облика Дао, воплощенным в человеческом теле божеством, которое нисходит на землю ради спасения людей. При желании читатель легко может подобрать аналогию, однако должен помнить, что мы не знаем, когда точно возникла такая трактовка образа Лао-цзы - во всяком случае, нам неизвестны подобные тексты, созданные до Рождества Христова.

Чжан Дао-лин в своем комментарии тоже понимает 17-й стих не как описание эволюции взаимоотношений государя и народа, а как восприятие Дао низшим, вульгарным знанием. Тех, кто стоит на самой пагубной ступени его и на наставление отвечает насмешкой, он называет "поклонниками соломенных песьих идолов". "Они не люди, - констатирует он. - С теми, кто способен насмеяться над ним (Дао. - И. Л), не о чем разговаривать". Меняется и дальнейшее понимание текста - то, что у "Старца" трактовалось как "верность", здесь интерпретируется как "вера" ("у поклонников соломенных песьих идолов недостает внутренней веры, и они не верят тому, что говорят добрые люди") и т. д. В целом перевод стиха, основанный на комментарии "Небесного наставника" Чжана, выглядел бы так:

Низшие знают о существовании Всевышнего,
А еще - тянутся к нему, превозносят его,
А еще - страшатся его,
Презирают его.
Когда веры недостает,
Является неверие.
(Я) следую его драгоценным речам,
Коплю заслуги, а дела придут (сами).
Народ же считает, что я сам по себе таков!

И наконец, "человек истины" Чунь Ян воспринимал стих семнадцатый как ощущение слияния медитирующего с высшей субстанцией и выплавления во внутреннем тигле тела драгоценной энергетической жемчужины, которую страшно утратить от неосторожного духовного движения. "В чем основной смысл этого стиха? - вопрошает он и отвечает: - В очищении от желаний, - в удалении из сердца мути".

18

Великое Даоечно и неуничтожимо, его "дольный дух" бессмертен, его не может быть "больше" или "меньше". Однако в этом стихе речь идет не о Дао вообще, а о Дао "для нас". Мир людей все больше грязнится,

замыкаются сердца, забиваются русла, и поток живительного Дао постепенно мелеет и иссыкает. Чтобы чем-то возместить сокровища утраченной естественности, восполнить богатства Дао, людям приходится идти на ухищрения. "Во времена Великого Дао дети в семьях были почтительны, в стране можно было наблюдать верность, преданность, милосердие, справедливость и долг, - говорит "Старец с берегов Желтой Реки". - Когда же Великое Дао пришло в упадок и не использовалось, а против жизни ОПОЛЧИЛОСЬ зло, тогда-то и явились милосердие, справедливость и долг, дабы передавать Дао (из поколения в поколение)... явились сыновняя почтительность и родительская забота, дабы пасти и пестовать друг друга... явились верные подданные, дабы приходить на помощь и спасать государей". Установления человеческой морали есть лишь некий суррогат, призванный заменить то, что по сути своей они заменить не могут, - искреннее чувство, естественное движение души...

Лишившись абсолютной Истины, человек опускается в зыбкий мир относительного с его неопределенностью понятий и множественностью условностей, в мир, где "самые прекрасные слова порождены величайшим злом" - утратой Дао, и где "прекрасное и злое выходят из одних дверей" (Ван Би). В этом смысле стих восемнадцатый продолжает тему второго стиха, где само понятийное осмысление мира, "познание добра и зла" рассматривается как признак внутреннего упадка, нисхождения на уровень зла. "Некогда китаец преподнес японцу книгу с описанием двадцати четырех знаменитых примеров сыновней почтительности, - иллюстрирует эту идею один из комментаторов "Дао дэ цзина". Японец был чрезвычайно удивлен тем, что сыновняя почтительность в Китае, по-видимому, столь редкая вещь, раз за всю историю удалось набрать всего двадцать четыре примера. В Японии же сыновняя почтительность - дело столь обычное, что никто о ней и не говорит, а любопытствующий мог бы насчитать разве что двадцать четыре примера непочтительности" (Р. Вильгельм). Человеку, приобщенному к Дао и обладающему истинной нравственностью, искусственные моральные нормы и понятия просто не нужны: в присутствии Дао меркнут "сыновняя почтительность и родительская забота, исчезают милосердие, справедливость и долг подобно тому, как становятся неразличимы звезды при ярком свете солнца и луны" ("Старец...").

Приобщенный к великим энергиям высших сфер, человек абстрагируется от земного, которое остается где-то вовне его сознания, расширившегося до пределов Вселенной. "Рыбы забывают друг о друге в Дао рек и озер", - поясняет Ван Би восемнадцатый стих. И это созвучно христианскому пониманию того, что сопутствует вступлению в мир иной). В синологической литературе стало уже

общим местом упоминать стих восемнадцатый как пример критики конфуцианства. Причем пишут это не только те, кто привык рассматривать конфуцианство в качестве "реакционной идеологии", но и исследователи чрезвычайно солидные, например Судзуки. Думаю, однако, что Лао-цзы обличает не столько конфуцианство и даже не столько традиционные категории, им усвоенные, сколько сомнительность человеческих установлений в целом. Неспособность языка адекватно передать мысль и объективную реальность. В подтверждение своего суждения скажу, что ни в одном из ранних комментариев критика конфуцианства никак не просматривается. Исключение составляет комментарий Чжан Дао-лина, который к сфере "большой лжи" относит конфуцианское "Пятикнижие". Однако ведь и позиция Чжан Дао-лина сама по себе исключительна - первый из так называемых "Небесных наставников", он создал даосскую иерархию, которая неизбежно входила в противоречие с иерархией государственно-конфуцианской.

В заключение упомяну еще попытки использования стиха восемнадцатого в плане иносказательного выражения идей внутренней алхимии - так "человек Истины" Чунь Ян рассматривает "шесть родственников" как аллегорию шести чувствилищ: глаз, ушей, носа, языка, сердца и мысли, а "государство" - как аллегорию тела и сердца, однако эти сравнительно поздние построения настолько искусственны, что вряд ли заслуживают подробного разговора.

19

Здесь мысль предыдущего стиха получает свое логическое развитие: коль скоро человеческая мудрость и мораль являются своеобразным продуктом "порчи" человечества, сомнительным заменителем естественных чувств и приобщения к истине, вполне законно стремление отказаться от этих приобретений прогресса и вернуться к первоистокам. Отбросить "придуманную" ложную мудрость и жалкое поверхностное знание, не способные прибавить человеку счастья, - таков призыв Лао-цзы.

Текст этого стиха Лао-цзы, в отличие от многих других, удивительно ясен и недвусмыслен; не случайно в "Хрестоматии по Лао-цзы" весь комментарий к нему ограничивается... тремя строками! Как считает ее составитель, "этот стих призывает отринуть носимые по поверхности лепестки цветов, оставив девственное древо и необработанный шелк", т.е. отказаться от яркого, привлекающего взгляд, но легковесного, временного и несущественного ради неприкрашенной естественности и вечной сущности. Лао-цзы выдвигает всего три требования, однако они стоят многих. Отбросить всю человеческую премудрость,

отбросить "искусственную" нравственность и отказаться от любых корыстных ухищрений - значит уничтожить всякую побудительную мотивацию человеческой активности. Лао-цзы очень точно нащупал три главных двигателя человеческого прогресса, действующих в трех измерениях его существования: жажду материального благополучия, активизирующую процессы производства, накопления и технического усовершенствования, жажду знания, приводящую к появлению науки и, в конечном счете, - к космической экспансии человечества, и наконец, категории нравственные, категории идеологические, которые включаются там, где почему-либо оказываются недейственными человеческая корысть или человеческая любознательность. Иногда этот стих рассматривают как антиконфуцианскую критику Лао-цзы, однако, как мне кажется, патриарх даосизма мыслил шире. Недаром же в следующей строке он говорит о вэнь - внешнем узоре, который наносят на благородную древесину, чтобы "украсить" ее. От этого, первоначального, значения слова "вэнь" идет другое - узор, который накладывает человек на свою изначальную природу, дабы стать лучше и совершеннее, отличить и выделить себя среди других, явить людям знак своей сущности. Так слово "вэнь" стало синонимом культуры, некоего цивилизующего начала, цель которого "изменять народ к лучшему" (хуа минь).

Одновременно вэнь - это литература, поскольку вязь иероглифов есть также узор человеческий, призванный воплотить в себе бытие Дао. Можно спорить, какое именно значение вэнь имеет здесь в виду Лао-цзы, говоря о его недостаточности, бессилии сделать человека счастливым. Из слов "Старца с берегов Желтой Реки" можно понять, что он подразумевает поверхностный "культурный" слой в целом, а "Небесный наставник" Чжан ополчается прежде всего против "внешних" книг, т. е. чуждой даосизму литературы, проявляя при этом необычное многословие и пыл. Однако исходя из требования Лао-цзы отказаться от всех трех побудительных мотивов развития, да и других его высказываний (напр., в стихе 80), Лао-цзы можно считать противником цивилизации вообще. Он убежденный сторонник "человека естественного" - и потому призывает "взирать на некрашенный шелк и лелеять внутри себя Девственное древо", к которому не прикасалась еще ничья рука.

20

В этом стихе Лао-цзы продолжает свою инвективу против мирского, вульгарного знания, против столь ценимой людьми учености, бессильной постичь сущность мира. Ложное знание способно лишь умножить горести человеческие; слова Лао-цзы звучат почти как парафраз библейского: "Во многом знании много печали" (Екклезиаст). Нет, человек истинного знания должен быть иным, чем дети мирской

суеты. Он отказывается от призрачных радостей, которые дарует этот мир. Пусть его томит нелегкий жизненный путь, пусть порой кажется почти нереальным возвращение в вечную обитель, из которой он вышел, для него нет ничего превыше извечной кормилицы и прародительницы всего сущего - Дао, и, припадая к ее сосцам, он обретает безбрежность океанских просторов, свободный полет ветра. А для того чтобы вернуться к первоначалу всех вещей, надо внутри себя вернуться к началу времен. Надо уподобиться ребенку, который только родился и еще не умеет смеяться, а может быть, даже стать таким, каким был во чреве матери. Нужно воротиться сердцем своим во тьму первоначального хаоса, в невозмутимость покоя, в отсутствие движения мысли. И это обращение к вечной первооснове мира сулит человеку истинного знания избавление от того, что равно страшит и мудреца, и профана, - избавление от смерти.

"Дао творит жизнь как награду Добру, творит смерть ради устрашения Зла. Смерть - вот чего страшится человек! Святым правителям и мужам, а также людям суетливым равно ведомы страх смерти и радость жизни, однако же ведут они себя различно, - пишет Чжан. -... Человек суетный хоть и боится умереть - никак не может поверить в Дао, его тянет творить дурные дела - как же ему избавиться от смерти? А муж святой, страшась смерти, верит в Дао и придерживается Учения, потому находится в гармонии с жизнью". Итак, вера в Дао, приобщение к нему, стремление к Добру способны даровать человеку жизнь вечную. И хотя далеко не все комментаторы сходным образом понимают достаточно темную фразу о том, "чего все страшатся", точка зрения патриарха религиозного даосизма, "Небесного наставника" Чжана, представляется достаточно логичной.

21

Название стиха "Опустошение сердца", которое как будто не имеет никаких соответствий в самом тексте, тем не менее весьма многозначительно. Оно говорит о работе духа, обязательной для процесса медитации, когда мысли усилием воли изгоняются из сердца - сознания (синь), опустошение есть обязательная ступень, предшествующая наполнению, когда очистившееся, раскрывшееся сердце становится доступным глубинному току Дао. Именно тогда Дао становится как бы вещью для медитирующего: постепенно он начинает что-то видеть, что-то различать... Образы, таящиеся в глубинах Дао, суть прообразы всего сущего; зыбкие и являющиеся как бы противоположностью четким земным формам, они едва брезжут, чуть различимы, но в них берут начало любая вещь, явление и событие.

Как и в ряде других стихов, Лао-цзы выступает здесь явным

визионером; погрузившись в невидимый поток Дао, он на этот раз прозревает самую основу вечного мира - Мировую сперму цзин, те Семена истины, из которых рождается все живое. Невольно приходит на память "Великий Посев" мира, о котором говорится еще в индийских "Брахманах". Вообще древнекитайские семена цзин отчасти напоминают индийские дхармы, волнением которых создается видимая Вселенная, - напоминают более всего тем, что истинны только они. Мировая сперма вызревает в эфирном облаке Дао, будучи неотъемлемой частью вселенского поля праны ци.

"Семя есть ци, отделившееся от Дао", - утверждает "Небесный наставник" Чжан, - эти Семена Дао расходятся по всему существу, а семена легиона вещей восходят к единому корню" (Абсолюта. - И. Л). Именно "они суть распорядители жизни и смерти... потому-то должно ими дорожить". Созревающие цзин доступны нашему взору в виде звездной россыпи ночного неба; оттуда они опускаются в более низкие слои мироздания, облекаясь при этом в одеяние форм; первоначальное же значение иероглифа "цзин" - "зерно без оболочек".

"Небесный наставник" Чжан недвусмысленно связывает это нисходящее от Абсолюта зерно истины с понятием Добра, без которого семя Дао существовать не может. "Уподобим также Семена воде в запруде, тело - запирающей запруду плотине, а добрые дела - источнику, - пишет он в своем комментарии к этому стиху. - Ежели то, и другое, и третье в наличии, запруда тогда крепка и полноводна. Но ежели сердце не устремлено к Добру, тогда нет запирающей запруды плотины и вода из нее непременно уйдет. А если добрые деяния не накапливаются, источник засорится и вода непременно высохнет".

Последние строки стиха - концовка, итог, в ней возвращение к первоначалу и объяснение всего. И здесь же - некая тайна. В древнекитайском языке не было категории числа, множественность могла только подразумеваться; лишь в исключительных случаях, когда это было особо важно для смысла, употреблялось слово, заменявшее грамматический формант множественности. Именно такое слово использует Лао-цзы: "многие", "все отцы". Подчиняясь общему мнению древних комментаторов и современных китайских переводчиков, автор совершает некоторое насилие над текстом и переводит "все" и "отцы" как "Отец всего". Но, быть может, противоречие здесь только кажущееся, и речь идет, например, об ипостасях Единого; в конце концов, мы знаем не только христианскую Троицу, но и даосскую Триаду. Ясно лишь, что Лао-цзы имеет в виду именно Дао, прародителя сущего и источник всякого знания, в том числе и о себе самом. Благодаря Ему, погрузившись в него, Лао-цзы получает свое

откровение и познает мир Истины... Впрочем, не благодаря "Ему", а, если уж быть точным, "благодаря Этому". Именуя Дао Отцом и Праматерью, Лао-цзы тем не менее всегда обозначает его безличным местоимением "цы", о чем не подозревал Л. Толстой, когда переводил "Дао" словом "Бог".

Говоря об "Имени", Лао-цзы, по общему мнению, также "имел в виду Дао", хотя это скорее даже не Имя, а знание о Дао в веках: ведь "крайний предел истины имени не имеет; "безымянное" - вот имя ему" (Ван Би). Здесь любопытен один нюанс: в древних мавандуйских рукописях, там, где упоминается о неизбывности имени Дао, дается иное направление отсчета времени, не "издревле и поныне", т. е. от прошлого к настоящему (и подразумевается к будущему), а наоборот: от настоящего - к прошлому. Это очень характерно: человек древности был по-другому ориентирован во времени; обращен лицом не к будущему, а о поступательном движении истории он даже не подозревал; та скорее была для него неким круговращением, или, если позволительно будет здесь использовать библейское выражение, постоянным "возвращением на круги своя". Но минули века, и большинство версий текста было исправлено в новом духе; забытые древние рифмы уже не смогли этому помешать.

Впрочем, есть еще одна версия: некоторые комментаторы полагают, что "имя" здесь употреблено во множественном числе и что речь идет об именах "десяти тысяч вещей", которые появились в процессе эволюции мира из изначального, не-расчлененного облака праны ци. Именно их бесчисленность подтверждает величие Первоначального. Если принять все эти варианты, перевод концовки может выглядеть так:

Отныне и до древности
Те имена не исчезали,
Чтоб (можно было) лицезреть Отцов.
Откуда же мне знать, каковы Отцы?
Благодаря им.
Однако же кто такие Отцы, в любом случае остается не ясным.

22

Лао-цзы снова сталкивает между собой мир истинных ценностей и ценностей мнимых, подчеркивая, насколько условно все то, чего жаждет человеческая гордыня, и сколь благостно самоумаление, ибо оно получит награду. "Как говорил Лао Дань: все люди жаждут счастья, и лишь я один хочу, склонившись, уцелеть", - вспоминал впоследствии первую строку этого стихавеликий Чжу-ан-цзы. Точнее

было бы перевести не "уцелеть", а "сохранить свою целостность" - в том смысле, в каком "целой", "без изъяна" должны быть, согласно Библии, жертва Богу или благородный муж, согласно Конфуцию. Счастье, к которому стремятся все, имело в древнем Китае четко очерченные параметры: знатность, богатство, благоденствие рода. Ради их достижения приходилось платить многим - и прежде всего самим собой, расточая дух свой в суетном борении корысти и тщеславия. Пусть "алчущий многого - усомнится", стоит ли предмет его вожделений того, что при этом будет потеряно. В мире действуют закон воздаяния и закон возмездия. Как позднее будет сказано в Евангелии: "...есть последние, которые станут первыми, и есть первые, которые станут последними" (Евг. от Луки, XIII, 30); или, как сказано было раньше в "Книге Перемен", "то Тень, то Свет - таков Путь". Поэтому не нужно роптать и завидовать: неумолимая пульсация стихий в Великом пределе в конце концов любую судьбу переведет в ее противоположность. "Слишком хорошо - тоже не хорошо" - это человек всегда чувствовал интуитивно. В красочной греческой легенде царь Поликрат, находившийся на вершине мыслимого благоденствия, пытался откупиться от грядущей судьбы перстнем - и не имел успеха. Срединный же путь, столь почитаемый мудрецами Китая, залог того, что и разочарование не станет чрезмерным.

Лучше же всех участь даосского мудреца: обративши взор внутрь себя, в глубины Дао, и сконцентрировавшись на Едином, он постигает в медитативном трансе Начало вещей и тем становится их хозяином. Все многочисленные "не", которые характеризуют его поведение во внешнем мире, можно охарактеризовать двумя словами: "смирение" и "недеяние". О всесии недеяния мы еще прочитаем у Лао-цзы не раз. А к теме смирения он вернется всего через один стих, нарисовав на этот раз уже того, кто "не смирен" и находится во власти гордыни.

23

О чем этот стих? Как утверждает старая китайская хрестоматия, "о том, что все подобное притягивается друг к другу". И прежде всего речь идет о предвечном Пути, ибо слова "Пустота" и "небытие", поставленные "Старцем с берегов Желтой Реки" в заголовок, есть его, Дао, синонимы и определения. Синонимом и атрибутикой его является также понятие естественности, а точнее, самодостаточности, самождественности (цзыжань), возникающее уже в первой строке, - дальше же Путь упоминается под собственным именем.

Дао есть также гармония - именно она лежит в основе функционирования Вселенной, - и любые крайние проявления не соответствуют ее Пути, а потому могут быть лишь кратковременными. Любое буйство природы: буря, ливень, какие-то катаклизмы - суть

лишь эпизоды, нарушение размеренного движения механизма природы, и она, как саморегулирующаяся система, тем или иным путем устранил этот сбой (в наше время похоже на то, что она же готова устранить самого человека - причину нарушения естественных ритмов). Речь так же, как и дыхание, есть безрассудное расточительство драгоценной жизненной праны ци, и хотя бы потому следует избегать многословия; вообще же предпочтительнее безмолвное поучение, когда мысль передается "от сердца к сердцу". Привычка "редко говорить" означает, по словам патриарха Чжана, "погружение в покой и прозрачность, в гармонию с естественностью", что обещает жизнь долгу, в единении с Дао.

Вообще каждому человеку следует сделать свой выбор и скорее определить, с чем он связывает свою судьбу: с истинным или иллюзорным и обманчивым, с вечным или бременным и временным. Увы, буйство страстей сулит ему самую печальную участь, ибо оно сиюминутно, преходяще, и такой же преходящей становится природа человека, подверженного страстям. Тот, кто не уподобился Дао, будучи в вещном мире, кто не осенен его эманацией Дэ, которая проявляется в людях как Добродетель, о том Лао-цзы говорит:

"потерян". "Потеря соединится с потерей" - таков буквальный перевод строк 13-14, Абсолют не отталкивает от себя человека, пекущегося о бременном, - просто они чужды друг другу/ а только "вещи одного рода друг к другу возвращаются, одинаково звучащие друг другу откликаются, (сотканые из) одинакового эфира ци друг к другу стремятся..." (Гу Хуань). Похоже, мысль о том, что "каждому будет дано по вере его", брезжит уже у Лао-цзы.

Мы выбрали для перевода самый пространственный вариант текста, сохранившийся в мавандуйс-ких рукописях. Правда, в них нет заключительного двустигишия с оппозицией "синь - бу синь" ("вера - неверие", "истинное - ложное", "доверять - не доверять", "быть преданным - быть неверным"). Есть подозрения, что оно перекочевало сюда из стиха семнадцатого по ошибке, и лишь авторитет ряда китайских изданий заставляет переводчика это двустигишие здесь сохранить, заменив, однако, несколько социологизированную трактовку Ван Би на более универсальную.

Впрочем, данный стих, как и многие другие, может иметь несколько ступеней постижения смысла. И вполне возможно, что кому-то он представлялся говорящим о вполне земных вещах: о пользе молчания, о недолговечности бурной карьеры, о награждении добродетельных. В такое понимание вполне вписывается толкование Ван Би, который

усматривает в концовке слова о недостаточной преданности подданных, в свою очередь рождающую подозрительность монарха...

24

Последние две строки, правда, читаются в разных источниках различно. Так, в обеих рукописях, извлеченных из захоронений Мавандуя, речь идет не о человеке, "обладающем Дао", а, напротив, о человеке, "обладающем желаниями", т. е. находящемся еще во власти страстей. Ему свойственно тщеславие, но он старается себя контролировать, дабы избежать пагубных последствий. Ну, а "обладающий Дао", как можно понять из объяснения "Старца с берегов Желтой Реки", достаточно совершенен, чтобы ему грозил соблазн тщеславия; он избегает не гордыни, а тех мест, где она проявляется: "не селится в таком царстве".

В целом же стих является вариацией на тему, уже прозвучавшую в стихе двадцать втором, где говорилось о мудреце, "сосредоточившемся на Едином" и потому чуждом тщеславия. Теперь, как бы в противовес ему, Лао-цзы дает читателю картину суетного стремления к славе и предостерегает от жалких попыток самовозвышения. Подобные же мотивы звучат во многих древних книгах - и не только китайских, "ибо, - как будет сказано в Евангелии от Луки, - всяк, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится" (гл. 14, ст. II).

Стих Лао-цзы открывается двумя примерами из повседневной жизни, но первый из них изменен в рукописи "Небесного наставника" Чжана, видимо, не чуждого даосской йоги и даосской же техники дыхательных упражнений, варианта индийской пранаямы. У него стих открывается не аллегорией человека, стремящегося дотянуться до славы и почестей и потому рискованно балансирующего на кончиках пальцев, а словами о невозможности (и значит, пагубности) долго поддерживать активное дыхание. "Нельзя долго тратить животворящий эфир ци при вдохе и выдохе вне гармонии, чистоты и покоя", - поясняет патриарх школы "Небесных наставников" первую строку.

25

В этом стихе Лао-цзы уже в который раз пытается выразить свое ощущение Дао, передать словами хотя бы приблизительно то, что ими передать невозможно. Прочитав книгу Лао-цзы, Лев Толстой увидел в Дао Бога, философ В. В. Налимов - поле сознания, один из отцов современного психоанализа, Карл Юнг, - Бессознательное. Но сам Лао-цзы воспринимал Дао прежде всего как Путь, и мы везде переводим это его определение буквально, ибо в нем удивительно удачно сочетается идея постоянности, неподвижности ("дорога") и

постоянного движения (запряженная волами повозка), как это воплощено в самом написании иероглифа "Дао". Здесь же присутствует и идея выбора человека, который приходит - или не приходит - к Дао и следует - или не следует - вместе с ним, определяя тем самым свою судьбу на все времена. Лао-цзы предупреждает нас, что "Путь" не есть изначальное имя ощущаемого им Великого сущего, то имя, которое, по определению русского философа Лосева, есть "энергия сущности", ее индивидуальная вибрация, и которая неразрывно связана с сущностью, имея над ней мистическую власть. Нет, "Путь" - имя произвольное, хотя впоследствии и оно стало восприниматься как некий мистический знак.

Дао часто сравнивают с полетом птицы в Небе - птица летит, но путь ее обозначить невозможно. Иными словами, Дао есть Путь бестелесный, незримый и неслышный. Однако было бы ошибкой понимать его просто как движение, понятие или процесс - Лао-цзы явственно ощущает Дао как вполне определенную реальность Высшего Порядка. Она вокруг и внутри нас, пронизывает весь мир форм, протекая сквозь него, как вода, двигаясь безостановочно и возвращаясь снова к началу движения. Впоследствии это ощущение вечного кружения бесформенной субстанции у Лао-цзы (VI в. до н. э.) оформится у поэта Цзя И (II в. до н. э.) в образ Вселенского гонимого круга, на котором формируются мириады вещей и явлений. Впрочем, идея судьбоносности присутствует уже у Лао-цзы - в мавандуйских рукописях вместо иероглифа "течь" в тексте нашего стиха стоит знак, обозначающий гадание о судьбе на тысячелистнике...

Отталкиваясь от Дао, Лао-цзы дает затем читателю некую иерархичную тетраду, являющуюся своеобразным каркасом мира. Это пока лишь предварение той нисходящей, порождающей линии, которую он нарисует в стихе 42: "одно рождает два, два рождает три, а три рождает все сущее". "Одно" подразумевает саму Праматерь Мира, изначальный Путь (пусть читатель простит мне трудности согласования, которых нет в китайском оригинале - как нет и самих обозначений рода). "Два" - это уже порожденные Великим Дао Небо и Земля (или получившие в них свое воплощение светлая и темная субстанции Инь и Ян). И наконец, "три" - соответственно мир небесный, мир земной и мир человеческий ("искусственный"), или, по-китайски, "сань цай". Представителем мира человеческого в данном случае выступает государь, что вполне логично, учитывая его сакральную роль объединителя трех миров и проводника Дао, отраженную в самом написании иероглифа "ван". Правда, есть версии, где иероглиф "государь" заменен иероглифом "человек", и это тоже логично, поскольку и государь человек, а дальше речь идет именно о человеке вообще. И наконец, в варианте "Небесного наставника"

Чжана место обоих этих знаков занимает знак "жизнь", которая, исходя из его пояснения, порождается именно Дао, т.е. духом. Правда, великий последователь Лао-цзы, древний философ Чжуан-цзы, говорит, что "жизнь есть сияние Дэ", но Благодать - Дэ, тоже истекает из Дао, и, таким образом, мы снова возвращаемся к Пути, который последовательно порождает все сущее, но сам не имеет начала, не имеет форм и вполне самодостаточен, следуя только себе самому.

26

Несвязанность данного фрагмента с предыдущим лишь кажущаяся; ведь Лао-цзы развивает здесь только что высказанную идею о государе как медиуме между небом и землей, заимствующем свое величие от Дао и реализующем программу Дао в сфере социума. Государь был пере- о> числен в числе четырех великих "мира сего", наряду с Небом, Землей и Дао, однако его величие вторично, оно заимствовано; он - лишь передаточный механизм между Дао и миром людей, а потому он не корень, не основа. Важен не он сам по себе со всеми своими желаниями, прихотями и удовольствиями, а его государственная деятельность, претворяющая в жизнь Путь совершенно-мудрого государя. Поэтому если умный и порядочный человек, которому доверена единственная телега с грузом, в пути не отходит от нее ни на шаг, чтобы ничего не потерять, то тем более рассудительным и внимательным должен быть владыка страны, выставляющей в бою десятки тысяч боевых колесниц.

Стих полон образов, многие из которых понятны без излишних толкований, другие же требуют хотя бы краткого пояснения. Так, стоит напомнить читателю, что образ корня для древнего китайца не перерос еще в отвлеченное понятие и, как привычную антитезу, вызывал в памяти образ ветвей и листвы. "Деревья и травы, цветы и листья легковесны, а потому облетают, корни тяжелы, а потому существуют долго", - замечает по этому поводу "Старец с берегов Желтой Реки". Тяжелое, глубинное тяготеет к покою, его трудно привести в движение или изменить, ибо оно - основа и должно быть непоколебимо. Иное дело поверхностное, легкое, вторичное - подобно листве, оно отзывается на малейшее дуновение ветра Вселенной. Отсюда продолжение мысли в следующей строке: пребывающее в покое - первично, пребывающее в движении - вторично; все исходит из покоя, и потому он господин - изменений. Так уж устроен мир в своих сокровенных глубинах: Дао, пребывающее в небытии, недвижно, как ось колеса, но порождает тьму форм и движений, вещей и событий. Потому-то и мудрец, что утвердил себя в Дао, должен следовать этой Первооснове Вещей: он не должен быть легковесным, подверженным внешним влияниям, но успокоенным в сердце своем. Стоит ему только поддаться - и он уже утратил свое единение с

корнями, с Дао, стоит лишь начать колебаться - и он перестает быть господином Мира.

В стихе как бы постоянно соседствуют два плана: профанический и эзотерический. Кому-то из древних читателей было достаточно простой житейской мудрости, которая воплощена в образе благоразумного возницы, стерегущего свою поклажу, невзирая на встречающиеся в жизни соблазны; иной мог по достоинству оценить призыв к осмотрительности государя, которому следует жертвовать личным ради достижения политического успеха, но множество других усматривало в тексте иносказание о самосовершенствовании даоса. Вспомним слова патриарха Чжан Дао-лина, трактовавшего тело человеческое как повозку, груженную драгоценной поклажей - Духовным семенем (цзин), Мировой спермой, что предуготовляет будущий урожай Духа. Именно поэтому следует так внимательно следить за драгоценным грузом тела и не расходовать Семя, залог будущего бессмертия, в местах, "где обитают красотки". "Если правитель небрежен и безрассуден, он теряет своих подданных, если с телом обращаются небрежно и торопливо, то теряют Семя", - поясняет конец стиха "Старец с берегов Желтой Реки". - "Если правитель действует торопливо и поспешно - он теряет свой трон, если с телом обращаются торопливо и поспешно - растрачивают Семя и Дух".

Стих этот короток, но полон ассоциаций и игры слов; словно на традиционном китайском пейзаже, за первым планом вырисовываются другие. Читатель сам может поразмышлять над заголовком, где "благодатность тяжелого" может означать также "благодатность бремени", или, если использовать представления христианской парадигмы, "благодатность крестной ноши человека", подумать над многозначностью первой строки... Что же до древнего китайца, то для него очень важны были созвучия и сходство написания ключевых слов стиха: "легкое", "спокойствие", "повозка", "пренебрегать", что создавало постоянную переключку смысла. Кстати, "спокойствие" здесь - то самое слово, которое входит в китайское понятие медитации и означает не просто покой, но устранение всяких эмоций и прерывание нити мысли как необходимое условие вхождения в стихию Дао.

27

Эта глава (она не вполне стихотворна), по сути, еще одна апология мудреца - идеального человека, прозревшего мир и взыскующего Дао, а скорее - уже соединившегося с ним. О таком человеке нельзя судить по общим вульгарным меркам, ибо он столь совершенен, что уже не доступен пониманию толпы. Если на брэнной земле не осталось следов, это вовсе не значит, что он здесь не прошел, - просто его путь

лежал в иных измерениях и не мог быть замечен людьми обычными. И если на двери сокровенного знания не видно замка, вовсе не значит, что оно станет доступным каждому профану, - незримая печать лежит на нем и надежно охраняет его от докучливой и корыстной алчности. Познавший Дао обладает уже сверхъестественными способностями и может связать одной мыслью, одним приказом - множество сохранившихся от более поздних времен "рассказов о чудесном" повествуют о таких чудесах, творимых даосскими магами. И конечно же, мудрец никогда не допустит оговорки - в своем "безмолвном поучении" ему нет нужды пользоваться словами.

Достигший сверхъестественных способностей, мудрец предстает здесь перед нами как носитель добра: мы помним, что "умение", "искусность" и "добро" суть синонимы. Миссия мудреца в этом мире - наставление и спасение; как пишет комментатор Гу Хуань (V в. н. э.), такой просветленный человек "вмещает в груди великое сердце; для него (всегда) на первом месте другие, а уж после - он сам", он - величайший Мастер, ибо приводит к Дао сонмы живущих. Добрый должен поучать и вести за собой остальных, не отвергая и злого, ибо "что будет, ежели тот не станет меняться к лучшему?" (Чжан Дао-лин).

В век нынешний, когда книга заменила живое знание, нам трудно даже представить, что значило слово "Учитель" для древнего Китая. Не было звания почетней, и Ученик искренне чтит Учителя, избравшего его из толпы, отметившего своей просветленностью и ведущего по Пути. Учитель же, подобно мастеру, наносящему прекрасный узор на камень, должен был с любовью относиться к доверенному ему материалу и беречь его: ведь в этом зеркале ему суждено было увидеть себя. Учитель и Ученик были связаны воедино сокровенной -тайной передачи знания и восприятия Добра. Тот же, кто не понял этого, продолжал бродить во тьме величайшего заблуждения, хотя бы и почитал себя мудрым.

28

Первое впечатление от прочитанного дает нам как бы последовательную картину духовного сосредоточения, самоконцентрации (шоу), ведущей адепта со ступени на ступень. Перед нами явно не абстрактное философствование, а как бы вполне конкретный, почти физический процесс последовательного самоуправления, которое открывает двери для наполнения Благодатью и приобщения к Первооснове Мира, а через нее - к обретению сверхчеловеческого могущества. И хотя на каждом этапе упоминается только Вечная Благодать, как эманация Абсолюта, ясно, что конечной целью является приобщение к Абсолюту как таковому.

Первая ступень концентраций дает сравнительно скромные плоды: то, что мы переводим здесь словом "русло", еще только слабый ручеек, едва заметный поток живительной влаги, сочащийся из мертвых скал и стекающий вниз, в долину. Но и это первоначальное истечение Дао наполняет адепта такой Благодатью, которая позволяет ему повернуть вспять ход времени, вернуться к истокам собственного существования - в младенчество.

Следующая ступень сосредоточения доводит Даоса до такого состояния, когда он становится если не равновелик, то, во всяком случае, сопоставим со Вселенной (он сам уже - "мерило Мира") - и возвращает его по пути времен к началу начал, когда не существовало еще Великого Предела, в границах которого бесконечно пульсирует мирозданье, а была лишь Беспредельность, наполненная Великой Пустотой, - без времени, без форм и без границ. Единственным содержанием Великой Пустоты было само Дао - то "субстанциональное поле континуального сознания" (по определению В. В. Налимова), в котором от века было заложено все дальнейшее развитие Вселенной, еще не реализованное и не проявленное.

Объект следующей ступени сосредоточения - Девственное древо - есть опять-таки ничто иное, как синоним и образ Дао. В даосской традиции "пу" есть тот изначальный, природный древесный материал, которого еще не коснулась рука мастера и творца. Это прекрасный облик естественности, явленный нам сплетением корней или древесных волокон, еще не познавших прикосновения топора, рубанка или резца, еще не расчлененных и не покрытых лаком, краской или позолотой. "Пу" - это еще вещь в себе, мир в себе, если угодно - Вселенная до Большого взрыва. Однако подобное "ничто" уже содержит в себе "все" - будущее многообразие Космоса, его образы, вещи и существа. Оставаясь все еще за гранью реального и двигаясь теперь вверх по восходящей лестнице времен до того момента, когда первоначальная первозданность начинает рассеиваться в тьму вещей ("орудия", "сосуды" - "ци"), медитирующий Даос оказывается у истоков ныне существующего. Уже не слабый ручеек, а грохочущий поток Дао проносится сквозь него как по горной долине, и он получает возможность воздействовать даже не на вещи, а еще лишь на идеи вещей, несомые этим потоком.

Именно поэтому его воздействие не нарушает целостности и гармонии мирового порядка, не вносит в мир смуты. Даос подобен герою знаменитого рассказа Рея Брэдбери, который, наступив на бабочку в первобытном тропическом лесу, вдруг меняет события, происшедшие миллионы лет спустя. Исполненный колоссальной энергией Благодати,

он ныне - хозяин мира, его "начальствующий", но его вторжение в мир нежно и безболезненно, ибо он воздействует лишь на истоки событий, влияет не действием, но только движением мысли.

В этой картине есть, однако, деталь, на которой нам до поры до времени не хотелось останавливаться - это начало стиха. Обычно комментаторы и переводчики трактуют его как выражение самоуничижения. "Мужественность есть иносказание почитаемого, женственность - иносказание презираемого, - писал еще "Старец с берегов Желтой Реки". - И пусть человек явственно узнал почет, он должен снова сосредоточиться на своей презренности и незначительности, отказаться от выпирающей мужской силы и обратиться к женской умиротворенности - тогда мир потечет к нему словно по глубокому руслу, наполненному струящейся влагой". Именно поэтому, варьируя мысль предшественников, Ян Хин-шун начинает свой русский перевод стиха словами о "храбрости" и "скромности". Однако, думается, если бы Лао-цзы имел в виду это, ничто не мешало бы ему выразить свою мысль проще - скорее прав один из комментаторов, полагающий, что "смысл этого стиха в сосредоточении на Дао посредством отдельного обращения к Инь и Ян", мужскому и женскому началам в человеке, к Свету и Тьме, к воз-[']вышенному и низменному. Медитирующий должен подавить в себе активное начало Ян еще и потому, что в процессе духовной концентрации он является всего лишь реципиентом, руслом, долиной, в которые вливается оплодотворяющий поток Дао, его задача не действовать, а отдаться этому потоку, поэтому акцентирование женственности вполне уместно. "Познав мужественность, сосредоточиться на женственности - значит мягкостью излечить жесткость, - говорит "человек Истины Чунь Ян". - Всевышний (т. е. Лао-цзы. - И. Л.) учит людей посредством надеяния меняться к лучшему, учит прислушиваться к изменяющейся естественности, не понуждая ее искусственно".

Впрочем, если мы пристальнее взглянем на медитирующего индивида и его микрокосм, то увидим, что вполне возможна еще одна точка зрения, свойственная религиозно-мистическому направлению даосизма - тому, которое, в частности, представлено комментарием Чжан Дао-лина, немало позаимствовавшего из учения о внутренней алхимии.

Так, например, подавление мужского начала в пользу женственности можно представить себе как хорошо известное возрастание мужской потенции в процессе разного рода энергетических упражнений (цигун - "накопление праны": сосредоточение, регуляция дыхания и т. п.) с последующим подавлением порыва и воображаемой возгонкой семени

по позвоночнику в мозг, накоплением и трансформацией праны или плеромы ци.

О возвращении в состояние младенца Чжан говорит именно как о результате "перегонки семени" ("чуань цзин"). Слова о белизне и черноте он, кстати, связывает с белым цветом семени, аналогичным цвету "первоначального небытия", и с тьмой Великого Инь в его хранилищах-тестикулах. Великое Инь есть также название одной из пар энергетических каналов или меридианов человеческого тела - поэтому слова Лао-цзы о "русле" и "долине" могут интерпретироваться в этой системе взглядов как упоминание энергетических каналов.

29

В этом стихе снова речь идет о "Поднебесной", и переводчик волен понимать это слово либо в узком смысле, как весь известный древнему китайцу мир "в пределах четырех морей", либо в более широком, как мир вообще, что кажется нам более оправданным.

Этот мир закончен и совершенен, он движется по собственным законам, и в нем, как поясняет Ван Би, можно только следовать, подчиняться, но не действовать. Стремление переделать мир, "преобразовать природу" или "покорить" ее заранее обречено, ибо можно лишь разрушить, испортить эту прекрасную вселенскую чашу, вместилище духа, - но не более того. "Мир не может никому принадлежать или переделываться человеком, - интерпретирует эти строки переводчик Р. Блэки, - он принадлежит Богу, и тот, кто пытается присвоить себе Его права, потерпит поражение". Действительно, китайская традиция, всегда осуждавшая самонадеянное вторжение в ход вещей, осуждавшая деяние, как насилие над естественностью, и отвергавшая "творение", как создание чего-то, природе не присущего в определенном смысле, созвучна традиции христианской, соотносившей слово с Богом, но дело - с Дьяволом.

Тщетны усилия Человека заставить мир двигаться по-своему, ибо он сам - всего лишь часть этого мира. Выигрывая в одном, он тут же теряет в другом, ибо Путь Космоса ("Тянь чжи Дао") подобен луку (стих 77): его верх при натягивании опускается, а низ, наоборот, поднимается. "Вещи имеют постоянную природу" (Ван Би), и потому человек над ними не властен. Даже то, чем уже обладает, он удержать не в силах - ведь "вещи приходят и уходят".

Потому-то не дело совершенномуудрого тратить свои силы, чтобы подчинить себе или переделать этот мир - надо принять его таким

прекрасным, как он есть, подстроиться под него и с легким сердцем войти в ритм его неизбежных изменений. "Мудрец, дойдя до пределов естественности, ощущает чувства вещей - и потому (только) откликается, но не действует, следует, но не ведет" (Ван Би). Как напишет Лао-цзы в стихе шестьдесят четвертом: "Совершенномудрый" не делает - и оттого не терпит поражения, не удерживает - и оттого не теряет". Что же касается разного рода крайностей, от которых Лао-цзы предостерегает в концовке нашего стиха, то они противны той "гармонии середины", о которой столько твердят мудрецы не только даосские, но и конфуцианские, не только китайские, но и европейские. Крайность есть включение себя в движение вселенной не в должный момент: все положительное, что так привлекает "включившегося", уже давно прошло точку "гармонии середины", достигло своего апогея и вот-вот начнет двигаться в обратную сторону, без конца умножая горести и беды... Так что наиболее дальновидным было бы попасть на Пути Вселенной не туда, где предел роскоши и изобилия, а туда, где движение к ней только начинается. Как замечает в своем комментарии "Небесный наставник" Чжан, "Человек Дао упреждает: он помещает себя в слабость, дабы потом стать еще более сильным".

В числе более частных вопросов стоит, наверное, отметить трактовку "духовного сосуда" не как подлунного мира в целом, а лишь как лучшей его части - человека. "Сосуд есть вещь, - поясняет "Старец с берегов Желтой Реки". - И человек является духовной вещью Поднебесной. Духовная вещь тяготеет к покою, ее нельзя направлять деянием".

В комментарии "Небесного наставника" Чжа-на интересно то, что довольно общий образ сопряженности причины и следствия ("вещи то движутся (сами), то (чем-то) влекутся") он недвусмысленно связывает с категориями Добра и Зла. Он подчеркивает, что только добрые поступки приводят к Дао - дурные же влекут за собой беду, ибо все в этом мире рождает соответствующий отклик и награду. Стяжать жизнь вечную возможно лишь "сосредоточенностью на добре" (шоушань).

30

Этот стих, как и многие другие, имеет как бы два плана - частный и общий. С одной стороны, "Поднебесная", которую не следует принуждать оружием, - это страна "меж четырех морей", весь тогдашний Китай, и, значит, речь идет об отношениях с другими царствами и государями, где Лао-цзы советует избегать применения вооруженной и вообще силы, ибо по большому счету это невыгодно. С другой стороны, "Поднебесная" - это весь известный древнему китайцу

земной мир в целом - и тогда рассуждение переходит в план этико-философский, что мы явственно ощущаем ближе к окончанию стиха. Два основных значения имеет и слово "шань", "шаньчжэ", которым открывается восьмая строка, что, в свою очередь, делает текст двухплановым. Как мы уже имели случай говорить, оно обозначает человека умелого, в чем-то искусного - и тогда перед нами возникает образ даосского мудреца в ракурсе прагматики, когда он действует как искусный полководец и умелый политик. Китайские исследователи и переводчики Лао-цзы на современный китайский язык чаще трактуют строку именно так. Но это же слово имеет одновременно значение "добрый" или просто "Добро", и тогда акценты получаются совсем иные. Я говорю "акценты", потому что отдельные значения дифференцируются только для нас, а древний читатель воспринимал слово в основном синкретически, в совокупности всех его смыслов.

И наконец, вторая половина стиха может быть прочитана также и в повелительном наклонении:

Умей остановиться, добившись цели,
Не смей похваться силой,
Добившись, не кичись,
Добившись, не нападай...
И Т.Д.

Однако в любом случае мы слышим здесь все те же знакомые мотивы, что уже звучали у Лао-цзы и будут звучать в разных вариантах еще не раз: отказ от насилия и крайностей, призыв к "самоумалению" и умению "знать меру", ибо первое противно Дао, а второе ему свойственно. "Если же не можешь идти по Пути, то стареешь, а если старость не остановить, то погибнешь", - поясняет "Небесный наставник" Чжан. Здесь мы касаемся совершенно особой и чрезвычайно важной области даосского учения - проблемы поисков бессмертия, но об этом скорее можно догадываться.

31

В этом стихе - недвусмысленное осуждение бесконечных войн и кровопролитных столкновений, раздиравших древний Китай. Целые царства тогда приходили в запустение, лишь терновник рос на полях и из десятка семей выживала одна.

Обладателю изукрашенного резьбой и позолотой оружия поистине нечем было кичиться - ведь на нем невидимая кровь человеческая. И даже одержав великую победу, следовало не радоваться, а скорбеть, поскольку за нее заплачено множеством жизней. Теперь долг победителей сделать то, что в их силах - помочь душам убиенных

благополучно перейти в мир иной, а для этого существуют обряды.

Скорбная обязанность ложится на плечи верховного военачальника именно потому, что он больше всех повинен в убийстве, и ему теперь предстоит искупить свою вину.

Надо сказать, что на профессию военного в Китае всегда смотрели, как на удел людей грубых, кровожадных, в массе своей далеких от идеала благородного мужа. Благородный муж виделся, по преимуществу, "человеком изящного слова", "человеком вэнь", где слово "вэнь" одновременно означало и изящную словесность, и сакральный мировой узор, творимый истечением эманации Дао. Борьба и сражения не являлись призванием "благородного мужа", хотя совершенно отстраниться от них было невозможно - век оставался жестоким. Однако, безусловно, осуждалось безрассудное применение оружия в гневе. Дать волю собственной ярости значило не только уменьшить шансы на победу, но и поддаться низменным страстям, недостойным "человека вэнь", где вэнь одновременно означало также "культуру", некий цивилизационный узор, нанесенный на естественный материал человеческого характера. Ратуя за "естественность", Лао-цзы тем не менее призывал смирять свои страсти, ибо полагал их "возмущением" естественного.

Есть в тексте одна деталь, не вызывающая сомнений у человека древности и совершенно непонятная для нас, - это символика сторон. Для представителя индоевропейских культур "правое" всегда ассоциируется с "правильным", "хорошим". Уже в Древней Греции правая сторона считалась стороной Солнца (а левая - Луны). В древнем Китае все выглядело наоборот. Возможно, это было обусловлено иным, так называемым "правополу-шарным" типом мышления. Именно левая сторона считалась там стороной Солнца и Света - Ян, это была сторона Жизни, с которой связывалось все положительное и одновременно - мужское. Правая же сторона являлась ее антиподом и символизировала Тьму, Смерть и женщину. Женщине присущи мягкость, уступчивость, мужчине, напротив, твердость и настойчивость. Этим и определяется смысл метафоры, используемой Лао-цзы в строках 4-й и 5-й. Коль скоро ты прибег к оружию, то следует твердо доводить дело до конца, но, отложив его в сторону после победы, лучше опять вернуться к гибкости и уступчивости - они дадут больше, чем постоянная воинственность. Вторая же метафора в строке 15-й рисует нам верховного военачальника как олицетворение смерти - он принес ее, и он же, став на правом фланге войска после победы, совершает искупительное жертвоприношение. В древней мавандуй-ской рукописи, по сравнению

с которой общепринятый текст данного стиха несколько сокращен, сказано совершенно ясно:

Итак, (все) добрые дела вершатся слева,
А смертные дела вершатся справа;
Поэтому помощник полководца...
И т. д.

32

Смысл данного стиха, по уверению авторов старой китайской хрестоматии, в том, что "нет лучшего способа обрести Дао, чем сосредоточиться на Девственном древе безыскусности", т. е. отвлечься от всего изощенного и неестественного, вернуться к первоизданной простоте. А что есть проще и безыскуснее природы?

Уже с первой строки появляется и понятие Имени - "мин". Слово многозначно, но в любом случае перед нами некий различитель, явившийся в мир вместе с появлением "тьмы вещей". Различия их поверхностны и несущественны, они противны универсальной природе Дао и Абсолюта вообще (вспомним слова Христа: "Да не буду я тем, кто разделяет"), который подобен Океану, равно несущему и лелеющему на волнах своих все сущее. Если бы у кого-то из земных владык хватило решимости погрузиться сердцем в его живительные воды, он принес бы в мир слиянность Дао, и силы Инь и Ян обрели бы благодаря ему гармонию (по традиционным представлениям, знаком этого и является выпадение "сладкой" росы). Их подданные, отказавшись от желания унижить и обидеть ближнего, поживиться за его счет, вернулись бы к блаженным временам золотого века далекой древности. Иными словами, войдя в потустороннее и изначальное, владыка своим влиянием отводит мир к началу времен. Впрочем, это только мечта о том, "как могло бы быть", мистический рецепт, прописанный суетному миру, где князья и цари, увы, не спешат исцелиться сами и врачевать подданных. С первоизданной простотой и самоумалением давно покончено: уже создан "порядок" (чжи), все имеет свое название; титулы и слава стали вожделены для людей, и Лао-цзы это прекрасно понимает: ему только остается предостеречь от крайности, ибо, как говорит комментатор, "каждый, кто знает предел и чувства меры, никогда не придет к гибели".

Конец этого стиха имеет текстуальные расхождения и соответственно варианты перевода. Автор этих строк отдал предпочтение древнейшим мавандуйским рукописям, но есть другие тексты, восходящие достаточно далеко в глубь веков. И в них возникает образ Неба - в сознании древних китайцев, живого существа, олицетворяющего

Космос.

...возник порядок, Появились имена,
Имена уже есть.
Но небу ведом предел.
А когда ведом предел - не грозит гибель.
Ведь Дао в Мире
Подобно потокам и ручьям, реке и океану.

Как поясняет в своем комментарии "Старец с берегов Желтой Реки":
"Небу ведомо это, а потому светлые духи сохраняют и помогут, дабы не пришла снова гибель". Да и само Дао "связано с человеком взаимным откликом подобно тому, как потоки и ручьи, река и океан сообщаются и перетекают одно в другое". Более того - оно по природе своей столь благодатно, что "само является без зова, и обретаешь его, не домогаясь".

Иными словами, различие вариантов - это спор между идеей личной ответственности человека за мировой порядок и мыслью о безусловной благодати самого порядка, идеей саморегулируемости мира, как совершенно отлаженного организма. Читатель может выбрать то, что ему более близко, - мы предоставили ему такую возможность.

33

Эта глава, состоящая как бы из отдельных изречений, в действительности пронизана единой мыслью, последовательно ведущей адепта от низшего к высшему, от поверхностного знания - к истинному, которое есть конечная цель и торжество самосовершенствования. Пусть в глазах людских ценится внешнее - истинное совершенствование есть самоуглубление. "Постигшие людей мудры, однако же им не сравниться с познавшим себя, который превыше мудрецов", - замечает Ван Би.

"Способный победить людей всего лишь очень силен, - замечает по поводу следующего изречения "Старец с берегов Желтой Реки", - но с тем, кто сумел одолеть себя, искоренив внутри чувства и страсти, никто в мире не в силах соперничать, потому что он могуществен".

О необходимости "знать меру" Лао-цзы уже говорил и раньше. Но благоразумие способно принести человеку лишь очень практическое счастье и удачную карьеру, дать богатство по "малому счету". Обрести же Дао можно, только перейдя всякую меру, "действуя мощно" и без оглядки. "Тот, кто мощно утвердился в делании добра, - поясняет "Старец с берегов Желтой Реки", - обретает стремление к Дао; Дао же

обретает стремление к нему". Начинается процесс взаимного тяготения, а вслед за ним духовного вхождения человека в Дао и уподобления ему - как в стихе.

Впрочем, эта же строка, как и следующая за ней, может иметь вполне "практическое" прочтение. Дело в том, что глагол син, который мы здесь переводим общим значением "действовать", очень часто употребляется в даосизме в сочетании с дополнением ци - "Жизненная сила", "животворящий эфир", "прана", и такое сочетание, являясь "техническим термином" даосской йоги, означает перегонку ци по каналам человеческого тела. Иными словами, все это может означать, что четкую устремленность к Дао получает человек, начавший* усиленно заниматься психофизическим тренингом; а тот, кто ни на день не прекращает своих усилий на этой стезе и "не покидает обители своей", постоянно пребывая в процессе духовного самоочищения, обретает поразительное долголетие.

Подтверждением такой интерпретации, похоже, является комментарий "Старца с берегов Желтой Реки", который толкует предпоследнюю строку, как выражение способности человека к самовоспитанию, умению пестовать свой жизненный эфир и, "не покидая своей обители, пребывать в любви к небесному семени ци" (цзин ци). Однако даже духовное сосредоточение, как и вся даосская йога, является лишь низшей ступенью приобщения к Великому Дао, истинное же растворение в нем может наступить лишь со смертью, после Великого пробуждения души. Смерть без гибели, когда, "смер-тию смерть поправ", человек сливается с Дао, дарует адепту жизнь вечную, не сравнимую ни с каким долголетием. "Пусть умер - но обрел тем самым Путь Жизни; не погиб, а обрел полностью бессмертие свое; тело исчезло, но Дао-то существует; тем более если существует и тело, и Дао не исчезает в нем" - на такой ноте, пробуждающей неизбежные аналогии с христианством, заканчивает свой комментарий к стиху Ван Би. Эти аналогии еще более укрепляет "Старец с берегов Желтой Реки", толкующий смерть как нечто неисконное, как нарушение истинного порядка, побеждаемое кротостью и добром. Стягивая омонимы по смыслу, он ставит знак равенства между гибелью человека и его отказом от смирения. "Если в глазах ничего не нарушено - видишь, если в ушах ничего не нарушено - слышишь, если во рту ничего не нарушено - говоришь. Так вот если не ропщешь и не злобствуешь на мир - обретаешь бессмертие". Иначе говоря, зло - вот что нарушило порядок и привело смерть в мир.

Тема победы над собой нашла впоследствии развитие в древнем компендиуме "Вёсны и осени господина Люя". В главе с

многозначительным названием "Сначала сам..." мы, например, читаем: "Жаждающий побеждать других должен сначала победить себя". То есть самопознание трактуется здесь не как ступень восхождения к Дао, а как средство для достижения практической цели - побеждать других. В комментарии философа Хань Фэй-цзы (III в. до н. э.) речь идет о преодолении мирских соблазнов ради заветов древних мудрецов:

"Цзы Ся решил повидаться с Цзэн-цзы, и Цзэн-цзы его спросил: "Что это ты так поправился?" "Одержал победу, вот и поправился", - был ответ. "Как это?" - переспросил Цзэн-цзы. "Когда я входил (в транс), я наблюдал завещанное прежними государями и был восхищен, - отвечал Цзы Ся. - Потом я выходил (из этого состояния) и видел радости знати и богачей - они меня тоже восхищали. То и другое боролось в груди, и не знал я, что победит, - потому исхудал. Ныне же победили заветы прежних государей - и я поправился". Из этого видно, что трудны не победы над другими, а победа над собой". В последние годы заключительную сакраментальную строку стиха о бессмертии китайские авторы стали толковать в плане бессмертия памяти людской, благодаря которой человек вечен, "если его не забывают". Это очень осовременивает текст и рисует Лао-цзы с лучшей стороны, однако совершенно противоречит даосской традиции, которая не придавала никакого значения мирской славе. Очень трудно сопоставить с такой интерпретацией и мысль самого Лао-цзы об умении ходить в этом мире, "не оставляя следов". Единственным аргументом для подобного толкования может служить мавандуйская рукопись, где в последней строке иероглиф "ван" пишется с ключом "сердце" и, таким образом, слово "гибнуть" заменяется словом "забывать". Впрочем, это вовсе не означает, что оно прилагается к кому-то другому, к окружающим или потомкам, - напротив, грамматика скорее говорит против этого. Трудно сказать, почему древний переписчик выбрал именно такой вариант - быть может, он хотел подчеркнуть, что в смерти нет забвения и сознание не угасает с кончиной (вспомним хотя бы буддизм), быть может, хотел намекнуть, что гибель не касается сердца -местилища духа... Во всяком случае, нигде больше на протяжении более чем двух тысяч лет такое написание не встречается, а цельность концепции склоняет нас к традиционному варианту.

34

Когда, желая дать читателю почувствовать беспредельность Дао, Лао-цзы говорит, что оно объемлет нас со всех сторон - "и справа, и слева", - это, конечно, лишь слабый намек на его ощущение чего-то такого, что все собой наполняет. Гораздо большую эмоциональную нагрузку несет глагол-прилагательное, завершающее первую строку. В разных источниках этот иероглиф варьируется, но всегда пишется с

ключевым знаком воды.

В мавандуйской рукописи, например, мы видим сочетание знаков воды и ветра, которое употреблялось для обозначения чего-то бесконечно струящегося, тихо журчащего. В другом источнике - перед нами сочетание знаков воды и паруса, обозначающее плавание по водным просторам. Но в каноническом тексте (а также у "Старца с берегов Желтой Реки", "Небесного - наставника" Чжана и у философа Ван Би) на этом месте стоит иероглиф, обозначающий наводнение, бескрайнее половодье. "Здесь говорится о том, что Дао захлестывает и затопляет все вокруг, - и ничто его не избегнет, - поясняет эту строку Ван Би. - Оно и справа, и слева, и сверху, и снизу, и вокруг - нет такого места, которого бы оно не достигло". Это видение бескрайней водной стихии все время возникает у Лао-цзы, когда он начинает говорить о Дао, и ему следуют другие философы и визионеры.

Читая следующую строку, где говорится о "свершении деяний", следует помнить, что "деяния" здесь обозначены словом, которое обычно принято у нас переводить как "заслуги" (гун). Разумеется, речь идет не просто о каких-то похвальных поступках, хотя и такое значение может иметь место. В названии популярной ныне гимнастики цигун подобный перевод явно не годился бы - цигун есть накопление жизненной силы "ци" посредством упражнений, и точно так же любая заслуга "гун" есть некое накопление в сфере духовности и морали, происходящее благодаря определенным поступкам. Это понятие очень близко индийскому понятию "карма", т. е. тех свершений, которые определяют будущую судьбу человека. Философ Хань Фэй-цзы, поясняя текст Лао-цзы, говорит, что "Придающий значение жизни заботится о теле, а дорожащий заслугами заботится о деяниях", причем в одном из вариантов понятие "заслуги" оказывается тесно связанным у него с понятием человечности, милосердия, сострадания (жэнь). В древнем Китае понятия "карма" не знали, но уже были широко распространены идеи возмездия и воздаяния, и траурное платье тоже именовали гун, как бы связывая земное существование с посмертным, иными словами, концепция гун ждала лишь своего логического завершения.

В стихе тридцать четвертом Лао-цзы снова возвращается к идее величия Абсолюта, которому обязаны своим существованием и каждым добрым свершением "десять тысяч вещей", т. е. все сущее. Но величие неразрывно связано со смирением, которое Абсолюту присуще изначально и которому должен подражать мудрый, дабы этого истинного величия достичь. Здесь опять тоже диалектическое единство противоположностей, которое так любит подчеркивать Лао-цзы, потому что для людей вульгарных оно всегда звучит шокирующим парадоксом: величие через смирение, умаление себя ради достижения

головокружительных космических высот.

Но есть в развитии этой идеи один момент, до сих пор оставшийся незамеченным. Пестуя "десять тысяч вещей" - и человека в их числе, Абсолют никогда "не ведет себя как хозяин", т.е. не распоряжается и не владеет: не приказывает и не посылает, "не выступает подобно хозяевам - людям - в роли пастуха" (Хэшан-гун). Иными словами, получая от Дао все необходимое, человек в остальном предоставлен самому себе, и только лишь от его собственных действий будет зависеть, обретет ли он природу Абсолюта и соединится с ним или будет для Дао потерян. Что это, как не констатация свободы воли, - пусть сделанная мимоходом, промелькнувшая в непривычно оформленном для нас потоке сознания, но от этого не ставшая менее значимой.

И еще о строке пятой этого стиха. В большинстве версий мы читаем здесь о том, что Абсолют "одевает и кормит" все сущее или "прикрывает" его (в т. ч. у Чжан Дао-лина и Ван Би), в мавандуй-ских рукописях эта строка вообще пропущена, и только текст "Старца с берегов Желтой Реки" говорит о любви Абсолюта - Дао к своим порождениям. Слово это, нехарактерное для даосизма вообще с его отказом от чувств и призывом к бесстрастности, очень неожиданно и для самого Лао-цзы, который говорит о немилосердии и отсутствии сострадания у Неба и Земли. И все-таки ряд современных китайских авторов склоняется к варианту "Старца...", аргументируя свою позицию серьезными доводами, - мы следуем за ними.

35

"Великий образ" - это не само Дао, как несколько прямолинейно квалифицируют его многие комментаторы, не слишком полагаясь на искушенность читателя, а то, что Дао в себе несет. Дао содержит образы вообще, "Великий" же образ есть как бы некая образная нерасчлененность мира, "матерь (всех) образов Небесных" (Ван Би), некий первообраз и скрытый прообраз сущего, лежащий во тьме небытия, у самых истоков возникновения "того, что под Небом". Истинный Владыка мира получает над ним власть именно потому, что обретает его исток, погружившись духом в непроглядные глубины небытия. Именно там он овладевает первообразом мира и одновременно харизмой власти. Мир стекается к нему, как вода, всегда устремляющаяся на самый низкий уровень. Следующая строка построена безлично, она не совсем ясна, и потому комментаторы расходятся в толковании ее смысла: одни говорят о том, что, стекаясь под знамена вновь явленного харизматического лидера, люди естественным образом ему преданы и потому не способны причинить

ему никакого вреда. Другие полагают, что речь идет о самом носителе священной власти, который обретает ее ненасильственно, естественно, а потому не способен причинить вред миру, третьи объединяют и то и другое. В грамматическом плане все толкования остаются гадательными - важно лишь, что речь идет именно о власти над миром (тянься) и эта идея находит свое логическое воплощение в тех вариантах текста, где слово "ван", которое мы в согласии с комментируемой традицией переводим как "стекаться", заменено на свой омоним со значением: "царь", "властитель". Именно благодаря особому происхождению своей власти, своей причастности к первооснове мира такой властитель чужд мирской суеты: в нем нет борения страстей, и эту умиротворенность он распространяет вокруг себя, уничтожая смуту в зародыше (переводчик снова избирает здесь "синкретический" вариант как более естественный, хотя есть комментаторы, которые говорят лишь о беспредельности спокойствия совершен-номудрого, позволяющего ему выполнить свою миссию, другие же делают упор на его мироуст-роительную деятельность, позволяющую распространить мир и спокойствие вокруг).

Следующие строки как бы раскрывают нам секрет власти харизматического владыки, позволяют понять истоки его способности привлекать к себе сердца людей. Люди - "странники переходящие" в этом мире, они лишь гости на пиру жизни, и привлечь их, задержать, снискать их благосклонность возможно только тем, что предлагает страннику недолгое пиршество, - яствами и радостями, музыкой и песнями, пляской соблазнительных танцовщиц. Ничего этого нет у "держателя великого образа", он не обладает ничем грубо вещественным и зримым. Его достояние - это то, что лежит за пределами чувств, "образ вне образа", "вкус вне вкуса". Однако речи совершенномудрого проникнуты Дао - и пусть окружающие не услышат это великое звучание (стих 41), как бы ни вслушивались, не узрят его, как бы ни всматривались, его власть над миром безгранична, ибо сам мир и все сущее в нем исходят из Пути.

Таково в общем традиционное понимание этого стиха. Однако, размышляя над текстом, нетрудно заметить некоторую натянутость толкований даже первых комментаторов, явно желавших сделать стих иллюстрацией своего понимания трансцендентной природы истинной власти. Сомнения возникают прежде всего потому, что глагол "ван" никогда не означает "стекаться", "приходить", а, напротив, - "уходить", "удаляться". С учетом этого обстоятельства начало стиха приобретает следующий вид:

Для держателя Великого Образа.

(Весь) мир уходит,
Уходит, не причиняя (больше) вреда,
Ибо велики умиротворенность
и успокоенность (держателя).

Тогда и "странник переходящий" на пиру жизни - это, скорее всего, сам совершенномудрый, еще не приобщенный к Дао и потому подверженный мирским соблазнам. Только приобщение к первообразу бытия освобождает его от власти мирского, спасает дух от вреда мирской суеты. В таком понимании стиха из всех избранных комментаторов переводчика как-то поддерживает только "человек Истины Чунь Ян". Ему этот стих тоже говорит не об обретении власти, а об освобождении духа.

36

Предпоследний стих эзотерической части книги дает описание самого общего закона развития мира - перехода явления в свою противоположность. И в нем же - некое практическое руководство к действию. "Этот стих говорит о преимуществах отказа от борьбы", - утверждает комментатор, от борьбы с естественным ходом вещей, в который, напротив, следует включиться, чтобы сделать природу своим союзником. Нельзя бороться с тем, что идет вверх, - секрет успеха в том, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время, когда звезда твоего врага уже клонится к закату. Семена гибели появляются тогда, когда наступает полный расцвет, когда успех достигает своей вершины. На известной схеме "Великого предела" это изображается появлением светлой точки в самой гуще сосредоточения темного начала Инь и появлением точки темной там, где аккумулировано светлое начало Ян. Всякая вещь несет в себе программу своего разрушения, превращения в противоположность.

О беды! На них строится счастье.
О счастье! За ним скрываются беды, -

пишет Цзя И в своей "Оде сове", как бы иллюстрируя историческими примерами мысль Лао-цзы.

А в общем победа всегда за только нарождающимся, за слабым - и за податливым. И потому "Небесный наставник" Чжан советует своим адептам вдохновляться примером воды: она, "подобно Пути, мягка и слаба, но способна пробивать скалы" (если по-русски - "вода камень точит"). Заключительный пример с рыбиной в омуте, по-видимому, не случаен: он тесно связан с тем же образом воды, которая символизирует слабость, что превыше силы. "Человек подобен рыбе, -

пишет Чжан. - Лишенная своего омота, покинувшая воду рыба умрет. А человек умрет, если не будет прилежно практиковать сосредоточение в Дао и Дао его покинет. Кстати, "Старец с берегов Желтой Реки" тоже не советует "показывать другим, как он управляет своим телом", т. е. секреты даосских упражнений. Ну, а прямой смысл концовки - не раскрывать секреты государства и механизм управления. Древний даосский трактат "Учитель из Южного Заречья реки Хуай" предлагает на эту тему рассказ о том, как некий царь доверил право налагать наказания своему министру - и в результате лишился трона. Но коль скоро концовка вводится словами о "силе слабости", главным, по-видимому, будет совет правителю всегда действовать мягкостью. Ведь "показывать людям... оружие" - это значит демонстрировать силу, а многочисленные наказания, безусловно, относятся к разряду силовых методов управления.

37

Итак, последний стих сокровенной части книги, той части, которая повествует непосредственно о Пути и адресована посвященным. В нем, можно сказать, всего в нескольких строках сконцентрировано все до сих пор говорившееся. Человеческая деятельность, всегда идущая наперекор естественному порядку вещей, борьба страстей и желаний - вот зло, которое надо из этого мира устранить. И здесь очередь за Владыками мира, роль которых велика - они должны овладеть мудростью и, отринув собственные амбиции, припасть к всемогущему источнику сущего... Разумеется, еще одна утопия, и автор не может поведать нам, как этого достичь. Захочет ли хотя бы один из вершителей судеб мира подавить в себе желания, дабы стать тем "естественным", еще не покрытым позолотой и причудливым узором куском дерева, который Лао-цзы (и Хэшан-гун) уподобляет Дао? Однако путь к исправлению мира, как утверждает Учитель, именно здесь. Исправляя себя, ты исправляешь мир, - космос как бы следует за микрокосмом, а государь играет особо значительную роль, поскольку (вспомним пиктограмму "ван") соединяет собою мир горний, дольний и подземный, связует воедино Небо, Землю и Дао. Ему достаточно сконцентрироваться, открыть духовные шлюзы - и поток светлой духовности Дао хлынет в мир, наполняя его, вознося к совершенству, ибо "нет того, чего бы оно не свершило". Так, "ради нескольких праведников" мир изменится сам собой - путь к спасению не в действии, а в духовном совершенствовании человека, в воздействии, если можно так выразиться, на "мировую ауру". Иными словами, снова "естественность", "недеяние", отказ от желаний, "подражание Дао", сосредоточие и погружение в себя, о которых уже неоднократно говорил Лао-цзы. Его рецепт не многим отличается от конфуцианского идеала, помещенного в золотой век прошлого, где совершенномудрые государи лишь царствовали, но не управляли.

Впрочем, есть одно немаловажное отличие - акцентирование медитационного аспекта, надеяния, явное перенесение мироустроительного усилия из сферы физической в сферу ментально-духовную, стремление преобразовать мир как бы "обходным" путем - воздействуя на его истоки, на область небытия. И жаль, что слова Лао-цзы о мысленном сосредоточении (шоу), об изгнании желаний (бу юй), о некоем "одеревенении" медитирующего (у мин чжи пу), столь характерном при вхождении в глубинные состояния измененного сознания, порой остаются незамеченными переводчиками, привычно мыслящими лишь категориями материи.

[НАЗАД](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ДАЛЕЕ](#)

Наш сайт является помещением библиотеки. На основании [Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" \(в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ\)](#) копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных на данной библиотеке категорически запрещен. Все материалы представлены исключительно в ознакомительных целях.

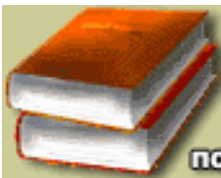
Методические пособия для индивидуального обучения на Видео кассетах VHS и DVD - Мирзакарим Норбеков, Александр Свияш, Ошо, Виктор Востоков, Майя Гоголан, Сатья Саи Баба, Дипак Чопра, Валерий Синельников, Мантэк Чиа, Наталья Правдина, Дмитрий Верицагин, Сергей Коновалов и др.

Музыка для релаксации, медитации, восстановления здоровья, для занятий Йогой, при проведении сеанса лечебного массажа, Фэн Шуй, специально для детей и т.п. **на CD в форматах mp3 и cda**

Книги по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

 КОСМОС ТВ 8898549 +7187	Участник Rambler's TOP 100	 ONLINE БИБЛОТЕКА	РЕЙТИНГ 45378634 mail.ru 23435 6033	Библиотеки ALLBEST.ru	Белые Облака 36 371 6 125 6 022	
---	----------------------------------	---	--	--------------------------	--	---

Copyright © 2000 - 2006 г. UniversalInternetLibrary.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ПО ЗДОРОВЬЮ, ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ И ДУХОВНОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕКА

ФОРУМ

"Здоровый образ жизни"

Разговоры на общие темы, Вопросы по библиотеке, Обсуждение прочитанных книг и статей,
Консультации специалистов: Рэйки;
Космоэнергетика; Учение доктора Залманова;
Йога; Практическая Философия и Психология;
Развитие Личности; В гостях у астролога;
Осознанное существование; Фэн-Шуй, Обмен опытом и т.д.

Лао-Цзы. (перевод - Лисевич И.С.) - Книга Пути и Благодати

2

Книга пути и благодати О Сущности учения Лао-Тзе

Основа учения Лао-Тзе одна и та же, как и основа всех великих, истинных, религиозных учений. Она следующая: человек сознает себя прежде всего телесной личностью, отделенной от всего остального и желающей блага только себе одному. Но кроме того, что каждый человек считает себя Петром, Иваном, Марией, Екатериной, каждый человек сознает себя еще и бестелесным духом, таким же, какой живет во всяком существе и дает жизнь и благо всему миру. Так что человек может жить или той телесной, отделенной от мира личностью, которая хочет только себе блага, или тем бестелесным духом, который живет в нем и который желает блага всему миру. Человек может жить для тела или для духа. Живи человек для тела, и жизнь - горе, потому что тело страдает, болеет и умирает. Живи для души, и жизнь - благо, потому что для души нет ни страданий, ни болезней, ни смерти.

И потому для того, чтобы жизнь человека была не горем, а благом, человеку нужно научиться жить не для тела, а для духа. Этому-то и учит Лао-Тзе. Он учит тому, как переходить от жизни тела к жизни духа.

Учение свое он называет Путем, потому что все учение указывает путь к этому переходу; от этого и все учение Лао-Тзе называется книгой Пути. Путь этот, по учению Лао-Тзе, состоит в том, чтобы не делать

ничего, или хоть как можно меньше делать то, чего хочет тело, с тем чтобы не заглушать того, чего хочет душа, так, чтобы не препятствовать деланием телесных дел возможности проявления в душе человека той силы Неба (как называет Бога Лао-Тзе), которая живет во всем.

Часто мысль эта, если только она переведена переводчиком верно, выражена как бы умышленно странно, но везде она, эта мысль, служит основой всего учения.

Мысль эта не только похожа, но совершенно та же, как и та, которая выражена в 1-м послании Иоанна и лежит в основе христианского учения. По учению Лао-Тзе, единственный путь, посредством которого человек соединяется с Богом, есть Тао. Тао же достигается воздержанием от всего лишнего, телесного. То же и по учению, выраженному в 1-м послании Иоанна. По учению Иоанна, средство соединения человека с Богом есть любовь. Любовь же так же, как и Тао, достигается воздержанием от всего телесного, личного.

И как под словом Тао, по учению Лао-Тзе, понимается и путь соединения с Небом и самое небо, так и по учению Иоанна под словом любовь понимается и любовь и самый Бог (Бог есть любовь). Сущность и того и другого учения в том, что человек может сознавать себя и отделенным и нераздельным, и временным и вечным, и телесным и духовным, и животным и божественным. Для достижения сознания себя духовным и божественным, по Лао-Тзе, есть только один путь, который он определяет словом "Тао", включающим в себя понятие высшей добродетели. Сознание это достигается свойством, которое знают все люди. Так что сущность учения Лао-Тзе есть та же, как и сущность учения христианского. Сущность и того и другого в проявлении, посредством воздержания от всего телесного, того духовного божественного начала, которое составляет основу жизни человека.

Лев ТОЛСТОЙ

ЛАО - СИ ТАО ТЕ КИНГЪ, ИЛИ ПИСАНИЕ О ПРАВСТВЕННОСТИ ПЕРВАЯ КНИГА

I
Тао, которое должно быть действительным, не есть обыкновенное Тао. Имя, которое должно быть действительным, не есть обыкновенное имя. То, что не имеет имени, - есть начало неба и земли; то, что имеет имя, - есть мать всех вещей.

Вот почему свободный от всех страстей видит величественное проявление Тао, а находящийся под влиянием какой-нибудь страсти видит только незначительное его проявление.

Эти оба происходят из одного и того же начала, но только носят разное название.

Они называются непостижимыми.

Непостижимое из непостижимых и есть ворота всего таинственного.

II

Под небом все (люди) знают, что красивое есть красивое, но оно только безобразное.

Точно так же все знают, что добро есть добро, но оно только зло.

Из бытия и небытия произошло все; из невозможного и возможного - исполнение; из длинного и короткого - форма.

Высокое подчиняет себе низшее; высшие голоса вместе с низшими производят гармонию; предшествующее подчиняет себе последующее.

Святой муж, будучи бездеятельным, распространяет свое учение. Вся тварь повинуется ему и никогда не откажется от исполнения его воли.

Он производит много, но ничего не имеет, делает много, но не хвалится сделанным; совершает подвиги, но их не приписывает себе.

Он нигде не останавливается, поэтому ему не будет надобности удаляться туда, куда он не желает.

III

Чтобы не было ссор в народе, нужно не уважать мудрецов.

Чтобы люди не сделались ворами, нужно не придавать никакого значения трудно добываемым (ценным) предметам, потому что, когда люди не будут иметь тех предметов, которые бы прельстили их сердца, они никогда не соблазняются ими.

Отсюда: когда святой муж управляет страной, то сердце его пусто, а тело его полно; (он) ослабляет желания и укрепляет (свои) кости.

Он старается, чтобы народ был в невежестве и без страстей.

Также он старается, чтобы мудрые не смели сделать чего-нибудь.

Когда все сделаются бездеятельными, то (на земле) будет полное спокойствие.

IV

Тао пусто, но когда его употребляют, то, кажется, оно неистощимо.

О, какая глубина! Оно начало всех вещей.

Оно притупляет свое острие, развязывает узлы, смягчает блеск и, наконец, соединяет между собою мельчайшие частицы.

О, как чисто! Оно существует предвечно, но я не знаю, чей оно сын и предшествовало ли первому царю.

V

Небо и земля не суть любвеобильные существа. Они поступают со всеми вещами, как с соломенной собакой.

Святой муж не любвеобилен: он поступает с земледельцами, как с соломенной собакой.

Все, находящееся между небом и землей, похоже на кузнечный мех. Он (кузнечный мех) пуст, но неистощим: чем чаще надувается, тем больше выпускает воздух.

Кто много говорит, тот часто терпит неудачу; потому лучше всего соблюдать средину.

VI

Чистейший дух бессмертен. Он называется непостижимой матерью (самкой).

Ворота непостижимой матери называются корнем неба и земли.

Он (т. е. чистейший дух) будет существовать без конца.

Кто хочет пользоваться им, тот не устанет.

VII

Небо и земля вечны.

Причина того, что небо и земля вечны, заключается в том, что они существуют не для самих себя.

Вот почему они вечны.

Святой муж заботится о себе после других, поэтому он легко достигает безопасности.

Он оставляет свое тело без всякой заботы, поэтому он будет жить долго.

Кто не заботится о себе, тот весьма удачно совершит и свое личное дело.

VII

Высшая добродетель похожа на воду.

Вода, давая всем существам обильную пользу, не сопротивляется ничему.

Она находится на том месте, которого люди не видят, поэтому она похожа на Тао.

Жить хорошо - для земли; сердце - для глубины; союз - для любви; слова - для доверия; управление - для благоденствия (страны); дела - для умения; движение - для жизни.

Не ссорящийся не осуждается.

IX

Чтобы посуда была наполнена чем-нибудь, нужно держать ее твердо (без малейшего движения) и ровно.

Чтобы лезвие наострилось, нужно долго продолжать натачивание.
Когда дом наполнен золотом и драгоценными камнями, то невозможно сохранить его в целости.
Кто достигнет чести и приобретет богатство, тот сделается гордым. Он легко забудет, что существует наказание (за преступление).
Когда дела увенчаются блестящим успехом и будет приобретено доброе имя, то лучше всего удалиться (в уединение).
Вот это-то и есть небесное Тао (или естественное Тао).

X

Душа имеет единство, поэтому она не делится (на части).
Кто вполне духовен, тот бывает смирен, как младенец.
Кто свободен от всякого рода знаний, тот никогда не будет болеть.
Кто любит народ и управляет им, тот должен быть бездеятельным.
Кто хочет открыть небесные ворота, тот должен быть, как самка.
Кто делает вид, что много знает и ко всему способен, тот ничего не знает и ни к чему не способен.
Кто производит (вещь) и постоянно держит ее, тот ничего не имеет.
Не хвалиться тем, что сделано, не начальствовать над другими, превосходя их, называется небесною добродетелью.

XI

Тридцать спиц соединяются в одной ступице (колесницы), но если они недостаточны для предназначенной цели, то их можно употребить для другой (воза).
Из глины делают домашний сосуд; но если она недостаточна для известной цели, то годится для другой.
Связывая рамы и двери, устраивают дом; но если они недостаточны для этого, то из них можно делать домашнюю утварь.
Отсюда видно, что если вещь не годна для одной цели, то можно употребить ее для другой.

XII

Пять цветов ослепляют человека.
Пять звуков оглушают его.
Пять вкусов пресыщают его.
Верховая гонка и охота одуряют душу (сердце) человека.
Стремление к обладанию редкими драгоценностями влечет человека к преступлению.
Отсюда святой муж делает исключительно внутреннее, а не для глаз.
Поэтому он удаляется от того и приближается к этому.

XIII

Почесть и позор от сильных мира (для мудреца) одинаково странны.

Собственное тело тяготит его, как великое бремя.

Что значит: почеть и позор от сильных мира одинаково странны (для мудреца)?

Почеть от сильных мира - унижение (для мудреца), поэтому когда она достанется (ему), то (он) относится к ней, как к совершенно призрачной; когда она потеряется, то так же к ней относится, как к презренной.

Вот это-то и есть: к почести и позору от сильных мира относиться как к призрачному.

Что значит: собственное тело тяготит его (мудреца), как великое бремя?

Я имею потому великую печаль, что имею тело. Когда я буду лишен тела, то не буду иметь никакой печали.

Поэтому, когда мудрец боится управлять вселенной, то ему можно поручить ее; когда он сожалеет, что управляет вселенной, то ему можно отдать ее.

XIV

Предмет, на который мы смотрим, но не видим, называется бесцветным. (Звук, который) мы слушаем, но не слышим - беззвучным.

(Предмет, который) мы хватаем, но не можем захватить - мельчайшим. Эти три (предмета) неисследимы, поэтому когда они смешаются между собой, то соединяются в одно.

Верх не ясен, низ не темен. О, бесконечное! Его нельзя назвать именем.

Оно существует, но возвращается к небытию.

Оно называется формой (или видом) бесформенною.

Оно также называется неопределенным.

Встречаясь с ним, не видать лица его, следуя же за ним, не видать спины его.

Посредством древнего Тао можно управлять жизнью настоящего времени.

Исследовать происхождение всего (или начало древности) называется нитью Тао.

XV

Древние выдававшие над толпой люди хо- рошо знали мельчайшее, чудесное и непостижимое.

Они глубоки, - постигнуть их невозможно.

Они непостижимы, поэтому внешность их была величественная.

О, как они медленны, подобно переходящим зимой через реку!

О, как они нерешительны, подобно боящимся своих соседей!

О, как они осанисты, подобно гостящим в чужом доме!

О, как они осторожны, подобно ходящим на тающем льду!

О, как они просты, подобно необделанному дереву!

О, как они пусты, подобно пустой долине!
О, как они мрачны, подобно мутной воде!
Кто сумеет остановить их и сделать ясными?
Кто же сумеет успокоить их и продлить их тихую жизнь?
Исполняющий Тао не желает быть наполненным.
Он же не удовлетворяется ничем, поэтому, довольствуясь старым и не обновляясь (душою), достигает совершенства.

XVI

Когда пустота будет доведена до последнего предела, то будет глубочайший покой.
Всякая вещь растет, в чем я вижу возвращение (или круговорот).
Правда, вещи чрезвычайно разнообразны, но все они возвращаются к своему началу.
Возвращение вещей к своему началу и есть покой.
Покой и есть возвращение к жизни.
Возвращение к жизни и есть постоянство.
Знающий постоянство (или вечность) - мудрец.
Не знающий постоянства будет действовать по своему произволу, поэтому он призывает к себе беду.
Знающий постоянство имеет всеобъемлющую душу.
Имеющий всеобъемлющую душу будет правосуден.
Правосудный будет царем.
Кто царь, тот соединяется с Небом.
Кто соединен с Небом, тот будет подобен Тао, которое существует от вечности.
Тело его погибнет (умрет, когда настанет время), но (дух его) никогда не уничтожится.

XVII

Существует ли высочайшее бытие, я не знаю; но можно (духом) приблизиться к нему и воздавать ему хвалу, потом - бояться его, а затем - пренебрегать им.
От недостатка веры происходит неверие.
О, как медленны слова, произносимые с весом и со смыслом!
Когда совершенны заслуги и сделаны подвиги, то все земледельцы скажут, что это достигнуто естественным ходом вещей.

XVIII

Когда великое Тао будет покинуто, то появятся истинные человечность и справедливость.
Когда широко будет распространена мудрость, то появится великая печаль.
Когда шесть ближайших родственников находятся в раздоре, то

является почитание родителей и любовь к детям.
Когда в государстве царит усобица, то являются верные слуги.

XIX

Когда оставлены святость и мудрость, то польза народа увеличится в сто раз.

Когда оставлены человеколюбие и справедливость, то дети будут почитать своих родителей, а родители будут любить своих детей.

Когда покинуты всякого рода лукавство и выгоды, то воров не будет. Одной только внешностью достигнуть этих трех (качеств) невозможно. Для этого необходимо быть более простым и менее способным и бесстрастным.

XX

Когда уничтожено будет учение, то печали не будет.

Как велика разница между простым и сложным!

Как велика разница между добром и злом!

Необходимо бояться того, чего люди боятся.

О, дико! еще далеко до середины.

Многие держат себя важно, словно получают жертвенное мясо, словно весной восходят на башню.

О, как я прост! Во мне нет ничего определенного, как в младенце, еще не достигшем детства.

Я как будто несусь, но не знаю, куда и где остановлюсь.

Многие люди богаты, но я ничего не имею, как будто все потерял.

Я прост, как душа глупого человека, но люди света блестят.

Я один темен, но люди света просвещены.

Я один страдаю душевно; волнуюсь, как море; блуждаю и не знаю, где остановиться.

Многие люди делают то, к чему способны, но я один глуп и мужиковат.

Я один отличаюсь от других тем, что люблю питаться у матери.

XXI

Высоконравственный повинуется только одному Тао.

Сущность Тао похожа на блеск света.

О, неуловим блеск света! но в нем есть изображение.

О, как он блестит! Он решительно неуловим, но в нем есть вещество.

О, как призрачно и непостижимо (Тао)! В нем есть сущность, которая достоверна.

От древности доныне имя (его) никогда не исчезало.

Я обозрел многие начала, но не знаю, отчего такие начала, а не иные.

XXII

Из несовершенного происходит цельное.

Из кривого - прямое.

Из углубленного - гладкое.

Из старого - новое.

Если немного, то легко приобрести, а если много, то легко запутаться. Поэтому святой муж имеет только одно, но он делается примером для всего мира.

Он открыто не объявляет своих мыслей, поэтому он никогда не заблуждается (ясен).

Он никогда не выставляет себя, поэтому он всегда известен.

Он сам никогда не воюет, поэтому имеет заслуги.

Ничем он не гордится, поэтому он превозносится.

Ни с кем он не ссорится, поэтому вся вселенная никогда не сопротивляется ему.

Отсюда высказанные древними слова: "Из несовершенного происходит совершенное; из кривого - прямое" - можно ли назвать лживым изречением?

XXIII

Редкие слова заключают в себе самые достоверные мысли.

Редкие изречения сами собою правдивы.

Утренний сильный ветер не продолжается до полудня; сильный дождь не продолжается целый день.

Ни небо, ни земля вечно существовать не могут. Тем более человек.

Живущий и поступающий по Тао равен ему; нравственный человек равен добродетели; потерявший все равен потере.

Тао любит находить равное себе; нравственный - равное себе, потерявший - также равное себе.

Где вера слаба, там не будет веры.

XXIV

Сухоногий не может встать.

Сидящий не может ходить.

Кто думает, что постиг все, тот ничего не знает.

Кто доволен самим собою, тот не может прославиться.

Кто хвастается, тот не может иметь заслуги.

Кто горд, тот не может возвыситься.

Такие люди, с точки зрения Тао, называются питающимися излишеством и творящими напрасное. Поэтому когда они находят Тао, то оставаться в нем решительно не могут.

XXV

Вещество произошло из хаоса.

Есть бытие, которое существует раньше, нежели небо и земля.

Оно недвижимо, бестелесно, самобытно и не знает переворота.

Оно идет, совершая бесконечный круг, и не знает предела.
Оно одно только может быть матерью (самкой) неба и земли.
Я не знаю его имени, но (люди) называют его Тао.
Могущество его называется величием; величие его - безграничным;
безграничное - бесконечным; бесконечное - возвращением.
Тао велико, небо велико, земля велика и, наконец, царь велик.
Итак, в мире существуют четыре величия, одно из которых составляет царь.
Земля несет людей; небо несет землю; Тао несет небо и, наконец, естественность несет Тао.

XXVI

Тяжелое лежит в основании легкого.
Тишина господствует над движением.
Хотя мудрец бывает занят целый день, но относится к своим делам внимательно и с большей осторожностью.
Хотя ему будет слава и внешнее великолепие, но он никогда не прельстится ими, ибо он стоит выше их.
Что случится с тем царем, который, имея десять тысяч колесниц, презирает заботу о своей стране и думает только о своем удовольствии?
Презирающий заботу о своей стране потеряет лучших слуг - опору государства.
Где легкомысленное движение в народе, там царь легко упразднится.

XXVII

Нравственный человек не оставляет после себя никаких следов.
Красноречивый не сделает ошибки в своих речах.
Победоносный полководец не употребляет никакой хитрости. Если что крепко заперто, то (оно), хотя и без замков, не отпирается.
Если что крепко связано, то (оно), хотя и без замысловатых узлов, не развязывается.
Мудрецы спасают погибающих и не оставляют нуждающихся в чем-нибудь без помощи. Они всегда очень бережно сохраняют вещи и не выкидывают их.
Это называется двойным просвещением.
Отсюда нравственный человек есть учитель (или руководитель) безнравственных; безнравственные люди суть орудие нравственного.
Кто не уважает своего учителя и кто не любит своего орудия, тот, хотя умен, очень заблуждается.
Это называется важным отступлением от Тао.

XXVIII

Тот, кто знает свою силу и сохраняет свою слабость, сделается

долиной вселенной.

Когда он будет долиной вселенной, то в нем будет пребывать вечная добродетель.

Человек вторично возвращается в состояние младенца (Тао).

Кто знает глубину своего просвещения и остается в невежестве, он сделается примером всего мира.

Кто будет примером всего мира, тот не изменит вечной добродетели и возвратится к совершенству (Тао); он познает славу Его.

Находясь в презрении, он сделается долиной вселенной.

Кто - долина вселенной, тот будет доволен только добродетелью и возвратится в совершенную простоту.

Когда эта простота будет удалена, то из него выйдет превосходный сосуд.

Если святой муж употребит его, то сделается начальником.

Вот почему великое установление никогда не уничтожится.

XXIX

Кто действует, сильно желая завладеть вселенной, тот никогда не достигнет желаемого, потому что вселенная есть божественное орудие, поэтому распоряжаться ее судьбою никто не вправе.

Отсюда, кто покушается на это, тот нарушает порядок мира; кто хочет завладеть им, тот немедленно потеряет его.

Вообще вещи идут вперед или назад; воют или дуют; сильны или слабы; несутся или же останавливаются на одном месте.

Поэтому мудрец избегает всякой крайности, роскоши и великолепия.

XXX

Кто помогает царю по Тао, тот не будет заботиться о процветании страны посредством военной силы: что бы вы ни сделали людям, они тем же воздадут вам.

Где войско стоит, там будет расти колючая трава (вместо хлеба).

После великой войны бывает неурожайный год.

Отсюда когда нравственный человек управляет (страной), то никогда не прибегает к грубой силе, не ищет тщеславия, не воюет, не гордится ничем, не останавливается нигде и не усиливается.

Когда вещь дойдет до полноты своего развития, то она слабеет и дряхлеет.

То, что не Тао, быстро уничтожается.

XXXI

Благоустроенное войско есть нечестивое орудие, есть предмет, по своему существу, злой.

Мудрец предпочитает левую сторону правой, ибо употребляющие войско предпочитают правую сторону левой.

Войско есть нечестивое орудие, поэтому оно не может быть орудием для (истинно) мудрых. Отсюда оно и употребляется только в неизбежных случаях.

Хотя война ставит, быть может, целью спокойствие, но она несомненное зло.

Если б она была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящий убивать людей.

Любящий убивать людей не может осуществить свой добрый замысел в мире.

При добром деле левая сторона предпочитается правой, а при беде - правая левой.

Подчиненные вожди останавливаются на левой стороне, а начальствующие на правой.

Когда сделается известной победа, то следует встретить эту весть с траурным обрядом, ибо на войне очень многие погибают.

Так как на войне очень многие погибают, то следует оплакивать войну. Когда война окончится победою, следует объявить всеобщий траур.

XXXII

Вечное Тао не имеет имени.

Оно незначительно, как щепка, но мир не может подчинить его себе.

Когда цари и князья заботятся о защите (своей страны), то сама природа сделается помощницей их.

Когда небо совокупляется с землей, то спускается роса на землю, чего человек не в состоянии устроить.

Когда Тао разделилось на части, то получило имя.

Если имя известно, то нужно воздерживаться.

(Каждому) следует знать, где ему нужно оставаться. Кто соблюдает во всем воздержание, тот не будет знать (нравственного) падения.

Это - Тао, которое существует во всей вселенной.

XXXIII

Знающий людей разумен, а знающий себя самого прозорлив.

Побеждающий других силен, а побеждающий самого себя могуществен.

Довольствующийся самим собой - богач.

Твердый в своих действиях имеет твердую волю.

Не отступающий от своего назначения долговечен.

Неуничтожимый после смерти вечен.

XXXIV

О, беспредельно великое Тао!

Оно справа и слева.

Вся тварь появилась на свет благодаря ему; оно не отталкивает ее от себя.

Заслуги Тао велики, но оно ими не хвалится.

Оно промышляет о всех вещах с любовью, но не желает быть господином их.

Так как оно не имеет никакой страсти, то оно называется ничтожным. Его можно назвать маленьким, ибо мельчайшая вещь возвращается в него.

Все существа подчиняются ему, но оно не считает себя господином их; поэтому его можно назвать великим.

Мудреца нельзя назвать великим, хотя он совершает великие дела.

Причина того, что святой легко достигает величия, заключается в том, что он не величает самого себя.

XXXV

(Святой) берет великого слона и идет по всему миру. Ходит, но не делает никакого вреда.

От удовольствия, спокойствия, тишины и величия дает ему (миру) пищу.

Проходящий пришелец остановился. Когда он говорит о Тао, то как просты его слова! (Когда) они произнесены, (то бывают) без всякого вкуса.

(Люди) смотрят на него (Тао), но не видят; они слушают его, но не слышат; они употребляют его, но оно не истощается.

XXXVI

То, что сжимается - расширяется.

То, что ослабевает - усиливается.

То, что уничтожается - восстанавливается.

То, что лишается всего - имело все.

Все это называется то скрытым, то ясным.

Мягкое побеждает твердое, слабое - сильное.

Как рыба не может покинуть глубины, так страна не может оставаться без орудия.

Сильное орудие правления не должно быть показываемо народу.

XXXVII

Тао ничего не делает, но нет того, чего бы оно не сделало.

Если царь и князя хорошо будут управлять страной, то все существа преобразуются так, как они желают.

Если все существа придут в сильное движение, то удержу их посредством безыменной простоты.

Безыменная простота не имеет страсти.

Когда (в мире) не будет страстей, то будет спокойствие повсеместное и на всей земле будет правда.

ВТОРАЯ КНИГА

XXXVIII

Люди высшей нравственности не считают себя нравственными; поэтому они имеют высшую нравственность.

Люди низшей нравственности не в состоянии потерять свою нравственность, и поэтому безнравственны.

Люди высшей нравственности, находясь в бездеятельности, не делают ничего.

Люди низшей нравственности делают то, что делают.

Люди высшего человеколюбия, находясь в бездеятельности, совершают дела, но не признают их (за свои).

Люди высшей справедливости делают то, что делают.

Люди высшей почтительности уважают других, но другие не уважают их, поэтому они принудят их к почтению.

Отсюда, когда потеряно Тао, то является нравственность; когда нравственность забыта, то является человеколюбие; когда справедливость покинута, то является почтительность.

Вот почему почтительность есть последствие ослабления верности и преданности (господину) и начало всякого рода беспорядков в стране. Поэтому великий человек держится существенного и оставляет ничтожное. Он все делает по правде, но никогда не будет опираться на законы.

Берите первое и бросьте последнее.

XXXIX

В древности всякое существо достигало единства. Небо, достигши единства, стало чистым. Земля, достигши единства, стала спокойной.

Дух, достигши единства, стал разумным.

Долина, достигши единства, стала полной.

Всякая вещь, достигши единства, стала существовать.

Цари и князья, достигши единства, стали образцами для мира.

Все это было достигнуто благодаря единству.

Достижение единства во всем этом одно и то же.

Если бы небо было не чисто, то казалось бы, что оно боится взрыва.

Если бы земля потеряла спокойствие, то она была бы в опасности разрушения.

Если бы дух лишился разумности, то он потерял бы (свойство) быть духом.

Если бы пустота долины наполнилась чем-нибудь, то она перестала бы быть долиной.

Всякая вещь, если бы перестала расти, уничтожилась бы.

Если бы цари и князья потеряли верность и преданность (своих подданных), то были бы свергнуты.

Отсюда благородные люди смотрят на неблагородных, как на свое начало; высшие смотрят на низших, как на свое основание.

Цари и князья заботятся о бедных сиротах и вдовах. Этим же они могли бы свидетельствовать о своем происхождении.

Ужели это неправда?

Если разобрать телегу по частям, то не останется телеги.

Я не желаю быть гордым, как драгоценный камень.

Также я не желаю быть презираемым, как дикий камень.

XI

Движение Тао происходит от сопротивления (всему вещественному).

Слабость есть отличительная черта действия Тао.

Все вещи произошли от бытия (что), и бытие от небытия (ничто).

XII

Когда ученый услышит о Тао, то будет стараться осуществить услышанное (в жизни).

Когда человек средней руки услышит о Тао, то не будет соблюдать его до конца жизни.

Когда мало ученый услышит о Тао, то он будет глумиться над ним.

Если бы над ним не глумились, то оно и не заслужило бы имени Тао.

Поэтому сказано следующее:

Тот, кто понимает очевидное Тао, кажется облеченным мраком; тот, кто идет вперед, держась Тао, кажется идущим назад; тот, кто на высоте Тао, кажется обыкновенным смертным.

Человек высшей добродетели похож на долину.

Человек высшей чистоты похож на презираемого.

Человек высшей нравственности похож на неспособного.

Совершающий добродетель похож на вора.

Испытывающий правду похож на похищающего вещи.

У большого четырехугольника не зидно углов.

Большой сосуд не скоро делается.

Самый громкий голос не слышен.

Большое изображение не имеет никакой формы.

Тао скрыто от нас, поэтому оно не имеет имени.

Оно снабжает все существа (силой) и ведет их к усовершенствованию.

XLII

Тао произвело одно, одно - два, два - три, а три - все вещи.

Всякая вещь носит на себе и н и заключает в себе изъян.

Находящийся в иступленном состоянии легко умиротворяет.

Люди ненавидят тех, которые оставляют сирот и бедняков без помощи.

Поэтому умные цари и князья помогают сиротам и беднякам; они же сделаются предметом похвалы (народа).

Потеря есть начало размножения, множество - начало потери.
Чему другие учили и учат по справедливости, тому и я учу людей.
Очень сильный не умирает естественною смертью.
Я сделаюсь отцом учения.

XLIII

Мир смирен: все люди едят и бегают над его твердынею.
Небытие поглощается беспромежуточным.
Поэтому я знаю, что бездеятельность имеет высокое достоинство.
Бессловесное учение и бездеятельность полезнее всего
существующего между небом и землей.

XLIV

Что ближе к себе: свое имя или собственное тело?
Что больше: свое тело или богатство?
Что тяжелее испытать: приобретение или потерю?
Кто увлекается, тот потерпит большой убыток.
Кто имеет много, тот может потерять больше, нежели имеющие мало.
Кто знает, чем человек должен быть довольным, тот никогда не
потерпит позора.
Кто, зная границы своей деятельности, не приблизится к опасностям,
тот будет жить долго.

XLV

Великое совершенство похоже на несовершенство, но оно неистоцимо
(хотя беспрестанно употребляется).
Великая полнота похожа на пустоту, но польза ее неизмерима.
Великая прямота кажется непрямой.
Великий мастер кажется тупым.
Великий оратор кажется заикающимся.
Когда беготня преодолевает (тишину), то бывает холодно; когда
тишина преодолевает беготню, то бывает тепло.
Полная тишина есть пример всего мира.

XLVI

Когда во всем мире соблюдается Тао, то быстрые кони забудутся и вся
нива будет обрабатываться.
Когда на всей земле не соблюдается Тао, то военные кони будут расти
в окрестностях города.
Нет греха тяжелее страстей.
Нет беды тяжелее незнания удовлетворения.
Нет преступления тяжелее жадного хотения приобрести много.
Вот почему знающий меру бывает доволен своим положением.

XLVII

Не выходя из дома, (мудрецы) знают, что делается на свете.
Не глядя в окно, они видят Небесное Тао. Чем больше удаляешься от дома, тем меньше знаешь. Поэтому святые (мудрецы) достигают знания, не выходя никуда; не видя предмета, они знают название его. Не делая ничего, они совершают много.

XLVIII

Учение прибавляется со дня на день, но Тао теряется со дня на день. Эта потеря увеличится и дойдет до желания неделания. Когда человек дойдет до неделания, то нет того, чего бы не было сделано.
Если в мире все в порядке, то следует завладеть им, но если нет, то не следует.
Святые люди не имеют определенного (чувства), ибо они принимают чувство простолюдина, как свое.
Добрых людей я принимаю уже по тому одному, что они добры. Злых принимаю, как добрых.
Искренним людям я верю; также и верю неискренним, ибо в этом и состоит верх искренности.
Когда святые живут на земле, то они просты и тихи; они питают ко всем одинаковое чувство.
Для (блага) мира они делают свои сердца темными. Простые люди будут смотреть на них (как на своих учителей) и будут слушать сказание об их делах.
Святые смотрят на народ как на младенца.

L

(Все существа), уходя из жизни, входят в смерть.
Жизнь имеет 13 ступеней своего развития; смерть также имеет 13 ступеней.
Ступеней человеческой жизни, которая постоянно стремится к смерти, опять 13.
Это почему? Потому что стремление к жизни слишком сильно.
Я слышал, что ведущий воздержанную жизнь не боится ни носорога, ни тифа, ни быть на поле сражения без воинского наряда, ибо на нем нет места, куда носорог мог бы ударить рогом, тигр мог бы вонзить свои острые когти и воин мог бы нанести удар мечом.
Это почему? Потому что для ведущего жизнь воздержанную не существует смерти.

LI

Тао производит существа, добродетель кормит их; они дают им вещественную форму, а могущество их совершенствует вещи.

Поэтому все существа почитают Тао и добродетель.
Никто не сообщал Тао его достоинства, а добродетели - ее ценности: но они сами собой вечно обладают ими.
Поэтому Тао производит вещи, питает их, дает им расти, совершенствует, делает зрелыми, кормит и защищает.
Оно производит их и не делает их своими; делает их тем, что они есть, и не хвалится ими; оно царствует над ними и оставляет их свободными. Вот что называют глубокой добродетелью.

LII

Вселенная имеет начало, которое и есть мать всего мира. По матери можно знать ее сына.

Когда сын известен, то и мать будет сохранена невредимо.
Хотя тело умирает, но (сущность его) никогда не уничтожается.
Кто закрывает уши и глаза, тот останется без употребления во всю жизнь.

Кто прислушивается ко всему изящному и старается удовлетворить страстям, тот никогда не спасется.

Могущий разбить мельчайшие вещи, называется ясновидцем.

Сохраняющий мягкость называется могущественным.

Употребляющий свет называется блестящим.

Тело истлевает, не оставляя ничего после себя. Это и есть наследие вечности.

LIII

Я беззаботен, но имею ум, поэтому живу о великом Тао.

Я раздаю милостыню в великом страхе.

Большая дорога (Тао) гладка и ровна, но люди любят ходить по тропинкам.

Когда правительство перестанет заботиться о благосостоянии народа, то поля опустеют и государственное хлебохранилище не наполнится никогда; люди будут надевать на себя разноцветные одежды, носить острые мечи и питаться изысканными блюдами.

Все это совокупно называется разбойничьей гордостью.

Ужели это есть Тао?!

LIV

Крепко стоящего нельзя вынуть.

Хорошо связанного нельзя развязать.

Дни кончины предков празднуются потомками. Кто совершает это для самого себя, тот делает добро только для одного себя; кто совершает это для своего дома, тот делает добро для своего дома; кто совершает это для своей деревни, тот будет начальником в ней; кто совершает это для своей страны, тот делает добро для страны; кто совершает это для всего мира, тот делает добро для всего мира.

Я изучаю тело по телу, дом - по дому, деревню - по деревне, страну - по стране и, наконец, весь мир - по всему миру. Но могу ли я знать, почему вселенная такая, а не иная?

LV

Достигший нравственного совершенства похож на младенца.

Вредоносные насекомые не укусят его; дикие звери не сделают ему вреда; хищные птицы не вопьются в него своими когтями.

Хотя у него кости мягки и мышцы слабы, но он будет держать предмет очень крепко.

Хотя он не знает, как совокупляется самец с самкою и как образуется зачаток во чреве, но ему известно до подробности все, что совершается в мире.

Хотя он кричит целый день, но голос его никогда не ослабевает, ибо в нем (голосе) существует полнейшая гармония.

Знание гармонии называется постоянством.

Знание постоянства называется очевидностью.

Творить приятное только для плоти называется нечистотою.

Душа, могущая господствовать над своим настроением, есть сильная (душа).

Вообще цветущее отцветает, ибо в нем нет Тао.

Где нет Тао, там скоро наступит конец.

LVI

Знающий много молчалив, а говорящий много не знает ничего.

Тао закрывает свои глаза, затворяет ворота, ослабляет острие, развязывает узлы, смягчает свет, собирает мелочь.

Это называется непостижимым единством.

Сродниться с Тао невозможно; пренебрегать им нельзя;

воспользоваться им непозволительно; повредить ему никто не может;

читать его нет основания; презирать его также нет причины.

Отсюда видно, что Тао благороднее всего существующего в мире.

LVII

Без справедливости нельзя управлять страной.

Для того, чтобы вести войну успешно, необходима ловкость.

Когда в стране нет (еще) беспорядка, (тогда) следует им овладеть.

Как я могу постигнуть, почему в мире такой порядок, а не иной?

Когда в стране много такого, что должно быть уничтожено, народ обеднеет.

Когда в стране много удобных машин, то народ перестает работать.

Когда в народе много искусных мастеров, то увеличится число чудовищных вещей.

Когда в государстве много законов и постановлений, то число

преступников увеличится.

Отсюда учит и святой: "Когда я ничего не делаю (т. е. не предпринимаю ничего нового), то народ делается лучше; когда я спокоен, то народ делается справедливым; когда я не предпринимаю ничего нового, то народ обогащается; когда во мне не будет никакой страсти, то народ сделается простодушным".

LVIII

Когда не будет мелочности в управлении государством, то народ обогатится. А когда управление государством мелочно, то народ обеднеет.

О, беда! Где благо, там и несчастье.

О, благо! Где беда, там и счастье.

Но я не знаю, где оканчивается беда и где начинается счастье.

Где нет правды, там люди будут относиться к правде, как к чему-то странному, - к добру, как к призрачному.

Издавна люди находятся в заблуждении, поэтому святой муж никогда не сделает им уступки.

Он не корыстолюбив, но ничего не раздает им. Он - праведник, поэтому он ничего не сделает своевольно.

Хотя он - светило для всего мира, но не любит блеска.

LIX

Для того чтобы служить небу и управлять людьми, всего лучше соблюдать воздержание.

Воздержание - это первая ступень добродетели, которая и есть начало нравственного совершенства.

Человек высокой нравственности преодолет всякую трудность.

Глубина и могущество силы преодолевшего всякую трудность неизмеримы.

Он может быть владыкою мира.

Владыка мира и есть мать вселенной.

Мать вселенной будет жить вечно, ибо она имеет глубокий корень и крепкое основание.

LX

Управление великой страной напоминает приготовление вкусного блюда из мелких рыб.

Когда святой муж будет управлять страной, то злой дух перестанет быть богом.

Это, впрочем, не значит, что злой дух перестанет быть богом (или духом), - но люди не будут терпеть вреда от него.

Святой муж никому не сделает вреда, и никто не повредит ему.

Поэтому нравственность святого мужа все более и более

усовершенствуется.

LXI

Великая страна похожа на устье реки. Совокупление вселенной есть начало всего мира.

Самка всегда побеждает самца потому, что она тиха и спокойно стоит ниже самца.

Когда большая страна стоит ниже маленькой, то первая завладеет последней.

Когда маленькая страна стоит ниже большой, то первая завладеет последней.

Отсюда видно, что стоящая ниже других страна будет владычествовать над всеми другими.

Что такое большая страна и маленькая?

Большая страна - вместилище многих народов, а маленькая - вместилище немногих.

Если правитель страны будет стоять ниже других, то он осуществит свой добрый замысел.

Отсюда ясно, что желающий быть великим должен быть ниже всех.

LXII

Тао есть глубина бытия. Оно и есть сокровище добрых людей.

Оно также и есть то, что держат злые люди.

Изящные слова могут быть куплены ценою.

Добрые поступки могут быть совершаемы всеми.

Хотя люди злы, но нельзя совсем бросить их.

Выбирают царя и трех великих сановников. Имея в руках драгоценный камень, они разъезжают в колесницах, но это бесконечно хуже, нежели проповедовать Тао, сидя на одном месте.

В чем заключается причина того, что в древности Тао глубоко уважалось?

Не в том ли заключается, что благодаря Тао прощались преступники? Оттого, быть может, в древности Тао почиталось во всем мире.

LXIII

Все должны быть бездеятельными.

Всем следует соблюдать полное спокойствие.

Все должны употреблять простейшую пищу.

Великое есть малое, многое - не многое.

Ненавидящим вас отмстите добром.

Когда вы благополучны, то подумайте, что нужно предпринять во время беды, так как великая беда начинается с незначительной.

Беда всего мира происходит из мелочи, как великое дело - из малых.

Святой муж не желает быть великим мира, поэтому и совершает

великое дело.

Легко достигнутое согласие не заслуживает доверия.

Где много легких дел, там много и трудных.

Вот почему святой муж всегда живет как в беде, поэтому для него не существует беды.

LXIV

Не трудно держать легкую вещь.

Легко предотвратить (беду) до полного обнаружения.

Слабого легко разбить, мелкого легко рассеять.

Следует устраивать защиту тогда, когда еще нет (в том) надобности (т. е. нет врагов).

Следует заботиться о спокойствии страны тогда, когда еще в ней все в порядке

Дерево, которое нельзя обнять руками (т. е. - большое), выросло из маленького.

Девятиэтажная башня создается из клочков земли.

Чтобы пройти тысячу верст, нужно начать ходьбу с одного шага.

Кто может создать, тот может и разрушить.

Имеющий может потерять.

Святой муж ничего не создает, поэтому ничего не разрушает; он ничего не имеет, поэтому ничего не потеряет.

Кто, предпринимая дело, спешит наскоро достигнуть результата, тот ничего не сделает.

Кто осторожно оканчивает свое дело, как начал, тот не потерпит неудачи.

Поэтому святой муж всегда старается быть беспристрастным, не придавать ценности трудно добываемым вещам и не слушать бесплодного учения.

Он повторяет то, что делалось многими.

Он будет стараться, чтобы пособить естественному течению вещей, но ни в каком случае не препятствовать ему.

LXV

В древности исполнявшие Тао не старались просветить народ: они держали его в невежестве.

Причина того, что трудно управлять народом, заключается в том, что народ просвещается и в нем много умных.

Когда страна управляется без всякого умствования, то в ней будет благоденствие.

Знающий (сущность) этих двух пунктов будет образцом нравственной жизни (для народа). Его будут называть (человеком) непостижимой добродетели.

О, глубока и непостижима нравственность!

Она противоположна, по своему существу, всему вещественному, но

никогда не сопротивляется ничему.
Она соблюдает великое послушание.

LXVI

Причина того, что реки и моря суть цари многочисленных долин (по которым текут речки), заключается в том, что первые находятся ниже последних.

Вот почему реки и моря суть цари многочисленных долин.

Когда святой желает поднять народ, то понижает его. Когда он желает поставить его вперед, то ставит его назад.

Отсюда, когда народ займет высокое место, то не будет гордиться; когда пойдет вперед, то никому не сделает вреда.

Когда осуществится все, что сказано мною, то на всей земле будет мир.

Когда все будет мир на всей земле, то не будет ссоры.

LXVII

На всей земле люди говорят, что мое Тао велико.

Правда, оно похоже на безумство, но несомненно велико.

Я имею три преимущества, которые я сохраняю, как сокровище.

Первое из трех сокровищ есть человеколюбие.

Второе - бережливость.

Третье - смирение или то, благодаря чему я не желаю быть руководителем для всей земли.

Человеколюбивые храбры.

Бережливые щедры.

Смиранные или не желающие быть руководителями для всей земли будут полезны на долгое время.

Кто храбр, не зная человеколюбия, кто щедр, не зная бережливости, кто идет вперед, не зная смирения, тот погибнет.

Кто ведет войну ради человеколюбия, тот победит врагов. Если он защитит народ, то оборона будет сильна.

Это потому, что его спасет Небо, которое дорожит подобным человеком.

LXVIII

Истинно просвещенный человек никогда не воюет.

Превосходный воин никогда не разгневается.

Победитель никогда не попросит содействия постороннего.

Умеющий пользоваться людьми охотно занимает низкое место, что называется добродетелью без сопротивления, средством для (благоразумного) пользования (услугами) людей и, наконец, согласованием с Небом.

Таково древнее постановление.

LXIX

В "военном искусстве" говорится, что на войне я никогда не бываю активным, а пассивным.

Не сделав ни шага вперед, идти назад аршин - значит уступить врагам оспариваемое без сопротивления.

Когда нет врагов, то не бывает войны.

Нет беды тяжелее, чем презирать врагов.

Презирать врагов все равно что бросить богатства без надобности.

Плачущий об увеличении своего войска всегда будет победителем.

LXX

Я говорю, что очень легко приобрести знание и творить благие дела.

Между тем на всей земле никто не знает этого и не делает благих дел.

В словах должен быть принцип, в делах - господин.

Нет знания. Вот почему я не знаю ничего.

Знающих меня мало, поэтому я почителен.

Отсюда, святой муж надевает на себя худую одежду, но в себе имеет драгоценный камень.

LXXI

Кто, зная много, держит себя, как не знающий ничего, тот - нравственный муж.

Кто, не зная ничего, держит себя, как знающий много, тот болен.

Кто болеет телесною болезнью, тот еще не (есть) действительно больной.

Святой муж никогда не болеет, ибо он не знает болезни, хотя болеет (телом).

LXXII

Когда народ перестает бояться сильного, то сильный нападает на него.

Каково бы ни было жилище, оно для святого не тесно.

Каково бы ни было место рождения, для святого все равно.

Никакой предмет не стесняет его, поэтому и он не стесняет никого.

Хотя святой хорошо знает свое достоинство, но никогда не обнаружит этого.

Хотя ему не чуждо самолюбие, но он никогда не гордится.

Вот почему все должны удалиться от первого и приблизиться к последнему.

LXXIII

Кто силен и дерзок, тот убьет людей.

Кто силен, но не дерзок, тот оживит людей.

Эти оба либо полезны, либо вредны.

Никто не знает, почему небо любит один предмет, а другой нет.

Решить этот вопрос даже святой муж не может.
Небесное Тао никогда не ссорится, поэтому оно побеждает всех.
Хотя оно мало говорит, но обсуждает лучше, нежели многоречивые.
Никто не вызывает (Тао), но оно присутствует везде.
Нам кажется, что оно ничего не делает, но на самом деле оно действует лучше всех.
Небесная сеть не плотна и как будто пропускает все предметы через себя; но из нее ничего не выйдет наружу.

LXXIV

Народ, не боящийся смерти, нельзя страшить смертью.
Народ, приученный бояться смерти, нельзя страшить делами, могущими причинить ему смерть.
Есть люди, должность которых - убивать. Убивающий людей вместо палача называется наместником убийцы.
Наместник убийцы повредит свою руку, совершая убийство.

LXXV

Оттого народ голодает, что слишком велики и тяжелы государственные налоги.
Это именно - причина бедствия народа.
Народ сделается непослушным, если правительство будет хлопотать о них чрезмерно много.
Это именно - причина непослушания народа.
Когда народ слишком сильно ищет жизни, то он будет смотреть на смерть, как на самое легкое дело.
Это и есть причина пренебрежительного отношения народа к смерти.
Вот почему не ищущий жизни мудрее ищущего ее.

LXXVI

Новорожденный младенец нежен и слаб. Труп мертвеца крепок и не гибок. Только что распутившееся растение нежно и слабо.
Засохшее растение твердо и не гибко.
Отсюда ясно, что нежное и слабое живет.
Сильное войско не победоносно.
Нельзя поломать связку прутьев.
Сильное находится внизу, а слабое - наверху.

LXXVII

Небесное Тао похоже на человека, натягивающего тетиву на лук, высокий поднимает лук наверх, а низкий поднимает взор наверх.
Имеющий избыток потерпит потерю.
Страдающий недостатком будет иметь избыток.
Потому что небесное Тао всегда отнимает у изобилующих и отдает

страдающим недостатком.

Человеческое Тао, впрочем, наоборот: оно отнимает от неимеющих и отдает изобилующим.

Поэтому, кто посвящает свой избыток всему миру, тот имеет Тао.

Святой муж делает много, но не хвалится сделанным; совершает заслуги, но не признает их, потому что он не желает обнаружить свою мудрость.

LXXVIII

Хотя в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет.

В мире нет вещи, которая победила бы воду, ибо она нежнее и слабее всех вещей.

Известно, что слабое существо побеждает сильное, нежное - крепкое, но никто этого не признает.

Святой муж говорит, что получивший (от царя) удел сделается господином; но принимающий на себя несчастье страны сделается царем ее.

Голос истины противен слуху.

LXXIX

После сильной ненависти останется слабая ненависть.

Ненавидящий, хоть слабо, не может творить добро для ненавистного.

Святой берет от всех клятвенное свидетельство, но не притесняет никого.

Нравственный человек соблюдает клятву, а безнравственный нарушает.

Небесное Тао не имеет родственников, поэтому оно всегда склоняется к добрым людям.

LXXX

Так как в маленьком государстве мало народа, то хотя в нем много лучших орудий, но они останутся без употребления и без надобности. Народ такого государства потеряет всякую предприимчивость и умрет на месте своего рождения, не двигаясь никуда.

Если у него много возов и кораблей, то они останутся без употребления.

Хотя он имеет благоустроенное войско, но негде выставить его.

Он будет плести веревку, чтобы ею оградить свое государство.

Хотя он ест хорошо, одевается красиво, устраивает покойное жилище и живет весело, но существование его будет бесполезно.

Хотя такое государство находится с соседним в таком близком расстоянии, что слышны пение петухов и лай собак в нем, но сообщения между ними никогда не будет.

Голос истины неизящен, а изящная речь лжива.

Нравственный человек не красноречив, а красноречивый - лжец.

Мудрец не знает многого, а знающий много - не мудрец.

Святой муж ничем не запасается. Если запасается чем-нибудь, то для других.

Когда он имеет что-нибудь, то все раздает другому.

Поэтому запас его все более и более увеличится.

Небесное Тао полезно: оно не имеет в себе ничего вредного для людей.

Тао святых - творить добро и не ссориться.

[НАЗАД](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ДАЛЕЕ](#)

Наш сайт является помещением библиотеки. На основании [Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" \(в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ\)](#) копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных на данной библиотеке категорически запрещен. Все материалы представлены исключительно в ознакомительных целях.

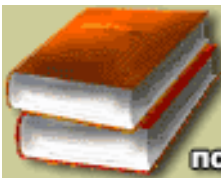
Методические пособия для индивидуального обучения на Видео кассетах VHS и DVD - Мирзакарим Норбеков, Александр Свияш, Ошо, Виктор Востоков, Майя Гоголан, Сатья Саи Баба, Дипак Чопра, Валерий Синельников, Мантэк Чиа, Наталья Правдина, Дмитрий Верицагин, Сергей Коновалов **и др.**

Музыка для релаксации, медитации, восстановления здоровья, для занятий Йогой, при проведении сеанса лечебного массажа, Фэн Шуй, специально для детей и т.п. **на CD в форматах mp3 и cda**

Книги по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

 КОСМОС ТВ 8898549 +7187	 Участник Rambler's TOP 100	 ONLINE БИБЛОТЕКА	 РЕЙТИНГ 45378643 mail.ru 23444 6033	 Библиотеки ALLBEST.ru	 Белые Облака	 36 371 6 125 6 026
---	--	---	--	---	--	--

Copyright © 2000 - 2006 г. UniversalInternetLibrary.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ПО ЗДОРОВЬЮ, ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ И ДУХОВНОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕКА

ФОРУМ

"Здоровый образ жизни"

Разговоры на общие темы, Вопросы по библиотеке, Обсуждение прочитанных книг и статей,
Консультации специалистов: Рэйки;
Космоэнергетика; Учение доктора Залманова;
Йога; Практическая Философия и Психология;
Развитие Личности; В гостях у астролога;
Осознанное существование; Фэн-Шуй, Обмен опытом и т.д.

Лао-Цзы. (перевод - Лисевич И.С.) - Книга Пути и Благодати

Комментарий ПРИМЕЧАНИЯ

Источниками для настоящих примечаний к книге Лао-Си "Тао-Те-Кинг" послужили, главным образом, следующие книги: Д. П. Конисси. Философия Лаоси. "Вопросы филос. и психол.", книги XVIII и XXIII. - "Тао-Те-Кинг" Лаоси. Перев. его же, Ibid, кн. XXIII. - В. Васильев. Религия востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. Спб. 1873 г. - архим. Хрисанф. Религии древнего мира. Том I. Спб. 1873 г. - Георгиевский. Принципы жизни Китая. Спб. - Stanislas Julien. Lao-Tzeu Tao-te-King. Paris, 1842 г. - Вл. Соловьев. Китай и Европа. Собр. соч., т. VI. изд. 1912 г. - Изречения Лао-Тзе, избранные Л. Н. Толстым. М. 1911 г. - Лаот-зе. Книга пути. Перевод К. Бальмонта в сборнике "Зовы древности". Спб. 1908 г. и некотор. друг, сочинения справочного характера.

О жизни Лао-Си

Жизнеописание Лао-Си может занять несколько томов или уместиться в нескольких строках, смотря по тому, примем ли мы за жизнеописание народный миф о Лао-Си или те несколько сухих и отрывочных сведений, с великим трудом добытых синологами, да и то не совершенно достоверных. Если мы примем последнее, из огромной народной книги о Лао-Си для нас останется одна страница; при более строгом отношении - одна строка из страницы, при еще более строгом - одно слово из строки - имя Лао-Си. Но и это имя окажется не именем:

Лао-Си - значит "престарелый философ" - следовательно, есть только прозвище, данное Лао-Си; следующее прозвание Лао-Си - "Хакуян" - также не имя: это только псевдоним философа, принятый им по обычаю китайских ученых: наконец, мы узнаем, что фамилия его была "Ли", а имя "Зи".

Объем наименее оспариваемых и наиболее научно-устойчивых сведений о Лао-Си крайне невелик.

Год рождения Лао-Си неизвестен; его относят к началу VI века до Р. Х. Хронология всемирной истории, принятая в современной Японии, принимает за год рождения Лао-Си - 604; этот же год указывает и известный синолог Julien. Главнейшим и единственным по достоверности источником для жизнеописания Лао-Си является китайский историк Сымацянь, автор "Исторических повествований", сочувственно относящийся к таосизму. Сведения, заимствованные из Сымацяня, а также и из других китайских источников, приводятся здесь по переводу с китайского, сделанному Д. П. Конисси. Родители Лао-Си жили в селе Кеку-Зин, уезда Лей, провинции Ку, в королевстве Со, лежавшем близ современного Пекина.

Ремесло родителей Лао-Си неизвестно. Его имя - Зи, фамилия - Ли. Есть известие, что фамилию Ли философ носил по матери, а свой псевдоним Хакуян - по отцу. Неизвестно, какое образование получил Лао-Си; но тот факт, что в дальнейшем Лао-Си был на государственной службе, для поступления на которую необходимо было сдать трудные экзамены, показывает, что Лао-Си и в детстве получил некоторое образование.

На некоторые черты жизни Лао-Си есть весьма смутные указания в самой его книге "Тао-Те-Кинг".

Можно думать, что он был очень небогат, прост, скромн, нетребователен. "Многие люди богаты, - говорит он в XX гл., - но я не имею ничего, как будто все потерял". "Я раздаю милостыню в великом страхе" (гл. LIII). Занимая официальное место, Лао-Си, очевидно, был вполне обеспечен; лишь последнее признание о милостыне объясняет нам другое признание: "Я не имею ничего".

Лао-Си был женат: Сымацянь сообщает о сыне философа, Со, служившем в военной службе, столь отрицаемой Лао-Си.

Лао-Си был начальником императорского книгохранилища (или государственного архива).

Неизвестно ничего более о служебной деятельности философа. Несомненно лишь то, что этот постоянно свободный доступ в

величайшее книгохранилище в Китае дал Лао-Си возможность в совершенстве узнать всю письменность Китая. Можно думать, что самое недовольство философа практической мудростью своего народа было порождено именно совершенным знанием этой мудрости. С другой стороны, пребывание в самом центре политической жизни страны внушило Лао-Си критическое отношение к тем ее формам, в которые она выливалась в современном ему Китае.

У историка Сымацяня сохранено известие о свидании Лао-Си с Конфуцием. Впервые в этом свидании обнаружилось две силы китайского ми-росознания: та, которая сделала Китай Китаем, и та, которая дала ему только мудрую книгу, совершенно им не понятую: сила срединного "Конфуцианства", и бессилие Лао-Си, про которого Вл. С. Соловьев сказал, что он "единственное исключение" из "не великого" народа, в котором "не было и великих людей".

Свидание это имеет долю исторического вероятия (Конфуций родился, по преданию, в 551 году; стало быть, в старости Лао-Си мог его видеть); если б оно и не имело этой доли, оно символически было бы неизбежно.

"Когда Конфуций находился в Сиу, - пишет Сымацянь, - то он посетил Лао-Си, чтобы услышать мнение его относительно обрядов".

"Обрати внимание на то, - сказал Лао-Си Конфуцию, - что люди, которые учили народ, умерли, и кости их уже давно истлели, но слова их доселе существуют. Когда мудрецу благоприятствуют обстоятельства, он будет разъезжать на колесницах, - когда же нет, он будет ходить, нося на голове тяжесть, держась руками за края ее".

"Я слышал, что опытный купец скрывает свой товар, как будто ничего не имеет. Точно так же, когда мудрец имеет высокую нравственность, то наружность его этого не выражает. Ты брось свою гордость, вместе со всякого рода страстями; оставь свою любовь к прекрасному, вместе с склонностью к чувственности, потому что они бесполезны для тебя".

"Вот что я говорю тебе, и больше ничего не скажу".

Удалившись от нашего мудреца, Конфуций сказал своим ученикам: "Я знаю, что птицы умеют летать, - рыбы умеют плавать в воде и животные умеют бегать. Также знаю, что бегущих можно остановить тенетами, плавающих - сетями, а летающих - силками. Но что касается дракона, то я не знаю ничего. Он несется на облаках и поднимается на небо".

"Я сегодня увидел Лао-Си. Не дракон ли он?"

Определяя сущность религиозного сознания китайцев, арх. Хрисанф говорит: "Все священные или авторитетные книги Китая - по преимуществу содержания нравственно-практического. Но ни одно из заключенных в них нравственных правил не возвышается над обычными, естественными требованиями так называемой житейской мудрости, житейского расчета". Именно обладателем такой мудрости предстал перед Лао-Си Конфуций и в лице его как бы сам Китай предстал перед Лао-Си; выслушал его почтительно, назвал его драконом - и ничему не научился от него. Судьба Лао-Си была совершенно такая же в Китае: его выслушали, не только назвали драконом, но и обожествили, и все же, как от Конфуция в повествовании историка, ушел Лао-Си от Китая на запад, к варварам.

Лао-Си оставил государственную службу, недовольный течением общественных и политических дел, и удалился в уединение - поступок, единственный, может быть, во всей истории Китая до Лао-Си. Он посвятил свою жизнь созерцанию и размышлению; поселился в уединенной пещере и там-то, по преданию, обдумал свою книгу. Об уединении Лао-Си писал в ней: "Когда дела увенчаются блестящим успехом и будет приобретено доброе имя, то лучше всего удалиться (в уединение). Вот это-то и есть небесное Тао" (IX).

Наконец он вознамерился покинуть Китай совершенно. Он решил уйти в страны варваров, через западную границу. Это указание на отшествие Лао-Си на запад чрезвычайно важно: оно, по свидетельству проф. Васильева, "как бы указывает на связь книги Лао-Си с западом". Запад отнимает Лао-Си у Китая и из-за китайских стен конфуцианской и всекитайской "средины и постоянства" уводит к западному богостроительству - буддийскому и чуть ли не к еще более нам близкому: "В новейшее время, - пишет проф. Васильев, - в дошедшей до нас книге (Лао-Си. - С. Д.) отыскивали уже имя Иеговы; оно, хотя и переписанное китайскими иероглифами, которым дают соответственное языку толкование, поражает уже тем, что китайский язык собственно не употребляет для названия больше двух иероглифов (а здесь три), да и идея, выражаемая ими, также подходит к западным понятиям о Божестве, совершенно прежде неизвестным на востоке" (op. cit., 76 - 77).

Как бы то ни было, аскетическое устремление Лао-Си к уединению, молчанию и созерцанию, - есть отрицание, по существу, всего китайского религиозного сознания и действия. Китаец, по определению нашего известного сиолога Георгиевского,

относящегося к духовному строю жизни Китая с большим сочувствием, "это конфуцианец в теории (всего чаще) и на практике (почти всегда), это человек, полагающий цель своей жизни в личном земном благоденствии и пользующийся для достижения цели сыновним благочестием, как средством основным, обуславливающим все другие средства" (стр. 459). С этой точки зрения, очевидно, не было более не китайского китайца, чем Лао-Си с его "уходом" из Китая для искания возможности желаемой им совершенной аскезы.

По преданию, сообщаемому Сымацянем, направляясь на запад, Лао-Си достиг горного прохода, находившегося на границе империи. Там его встретил начальник пограничной стражи Ин-Ки (или Ин-Си), бывший глубоким почитателем философа. Полагая, что Лао-Си хочет исчезнуть навсегда, Ин-Ки сказал ему: "Философ! Ужели ты думаешь скрыться? Если так, то прошу - изложи сначала свое учение для нашего наставления". В ответ на это Лао-Си написал свою книгу "Тао-Те-Кинг". По китайскому исчислению, в этот именно год родился Сиддхарт Будда.

Это предание о создании "Тао-Те-Кинга" недостоверно: совершенно очевидно, что книга Лао-Си, пестрая по составу, не цельная даже по главам, написана в разное время и есть сборник афоризмов, составившихся по разным случаям и при различных обстоятельствах.

О жизни Лао-Си в его уединении неизвестно ничего. Сымацянь пишет лишь: "Некоторые думают, что Лао-Си жил до 160 лет от роду, другие - до 200 лет, благодаря своей святой жизни, согласной с Тао". Древние китайские изображения Лао-Си рисуют его уезжающим на запад на быке; его изображают при этом с большой бородой - признак, что философ, уезжая, уже достиг 60-летнего возраста, так как лишь с этого возраста китайцам разрешалось ношение бороды. О внешности Лао-Си существует апокрифическое свидетельство в истории Сымацяня: "Лао-Си был высокого роста; цвет лица у него был желтый, красивые брови, длинные уши, широкий лоб, редкие и некрасивые зубы, четырехугольный рот с толстыми и безобразными губами".

Вокруг этого остова сведений о философе Лао-Си образовался миф о великом и всемогущем мудреце Лао-Си. От Лао-Си ведет свое начало даосизм (или таосизм), распространенное в Китае в простом народе верование. "Даосизм есть самый разнородный состав всякого рода верований и приемов, не имеющих между собою ничего общего, даже не старавшихся обобщиться посредством какой-нибудь системы. У всех у них одного общего только имя, да то, что все они согласно признают своим учителем Лао-Цзы", - говорит о таосизме китайский писатель Ма-

Дуань-Лин.

Чрезвычайно метко указывает, однако, проф. Васильев то общее, что есть у всех этих действительно противоречивых и взаимно исключających друг друга учений, именуемых таосизмом: "Общая связь всех разнородных систем даосизма заключается в их протесте против конфуцианства, в принятии именно того, что не согласно с этим учением, в соединении под одно знамя всех недовольных".

Таосизм, при всех его противоречиях и нелепостях, есть выход к совсем иному религиозному сознанию или состоянию, чем мертвый позитивизм китайщины; горный проход, уводивший Лао-Си из Китая на запад, оставлен им в его книге; в тао-сизме этот проход загроможден и завален множеством камней и камешков, но это все-таки некоторый проход. С этой точки зрения даосская легенда о Лао-Си примечательна своими обращениями к западу и внекитайскими толкованиями Лао-Си. Она начинается с рассказа о превращениях Лао-Си, о преждесуществованиях мудреца и этим самым разбивает тупое спокойствие китайского представления о существовании человека в конечных пределах рождения и смерти.

"Этот Лаоузюнь (Лао-Си), - повествует даосская легенда, - родился сам собою прежде великого несуществования; он не имеет причины; его нельзя определить существованием вселенной; катясь вместе с великим Дао, он создает вселенную, разливает дыхание во всех странах; он ниспускается, как государственный учитель, во все времена, хотя люди и не знают более того, что при династии Чжоу он снова воплотился в фамилии Ли и родился из левого бока" (как и Будда). Он "высочайший старый властитель". Начало его воплощений нельзя познать. "Первое перерождение полагается за полторы тысячи лет до нашей эры, когда Лао-узюнь, отделив святой воздух, поместил его во чреве прекраснейшей яшмовой девицы, где он и пробыл 81 год (почему и родился с белыми волосами и назван старым). Он родился из левого бока под деревом Ли (каштан) и, указав на него, сказал: оно будет моей фамилией; голова у него была белая, лицо желтое, уши длинные, глаза большие, окладистая борода, широкая шея, редкие зубы, квадратный рот, на ладонях крест". (Перевод проф. Васильева с китайс.) По другому преданию, сообщаемому арх. Хрисанфом, "мать его зачала не от мужа, но от опустившейся на нее звезды, и 80 лет носила во чреве таинственный плод соединения земли с небом, пока не родила своего "седого младенца".

Странствуя в колеснице, запряженной черным быком, на запад, Лао-Си в одно из странствий, утверждают даосы, "оплодотворил спящую

мать Шакия-Муни, отчего и родился Будда" - в год создания "Тао-Те-Кинга". Лао-Си посещал Индию и Тибет. Он был всеведущ, приобретая всеведение подвигом молчания, уединения и созерцания. "Он указал средства, как добывать девять сортов пилюль, восемь камней, яшмовый напиток, золотую слюну, как покорять демонов и распоряжаться ими, питать природу, не есть хлеба, принимать превращения".

Император, желая видеть Лао-Си и не добившись свидания с ним, сам поехал к нему и, увидя, что он не кланяется, сказал: "Ты хотя и праведный, но мой подданный, от меня зависит богатство и знатность". Тогда Лао-Си, поднявшись на сто сажений на воздух, сказал: "Теперь, когда я вверху не на небе, в середине (на воздухе) не похож на человека, внизу не касаюсь земли, - что значат твои, государь, награды". Император, познав его мудрость и величие, слез с носилок и поклонился ему. Так - по легенде - величайший носитель святыни китаизма - Император склонился пред мудрым Лао-Си.

Величайшее знание, данное Лао-Си даосам, верным своим, - знание бессмертия, путь к практическому достижению бессмертия. В даосских системах есть все: мифология, астрология, космология, теогония, магия, медицина, практическая аскеза (напр., приемы дыхания, практика созерцаний и проч.), но все это только для того, чтоб овладеть бессмертием тут же, на земле, чтобы вознестись на небо "для принятия должности на небе". Эта жажда почти осязаемого бессмертия есть то, что, может быть, наиболее презираемо китайцами в даосизме, так как нет ничего более чуждого китайцу и китаизму, как какая бы то ни было идея бессмертия (если, разумеется, не подменять бессмертия дурной бесконечностью смерти и рождения - столь почитаемой в Китае). "Будущего для китайца нет, тем более будущего за пределами этого мира. Замечательно, что китаец, скептически относясь к вопросу о будущей жизни человека, вместе с тем не рассуждает и о будущем всего мира или о конце вселенной. В его религиозной доктрине нет эсхатологии, нет слова о конце мира, как нет слова и о его начале. Он знает только факт бытия вселенной. О том, что выходит за пределы действительности, он не хочет знать. Это человек факта и тихого, спокойного, но постоянного материального труда" (арх. Хрисанф).

Даосские легенды Лао-Си показывают с достаточной убедительностью, что и китайский "человек факта" не избежал жажды бессмертия "ну, хоть маленького, малюсенького" (Достоевский). В этом смысле, как ни груб и ни пестр по своему составу даосизм, он - все-таки детище того единственного из китайцев, которому тяжело стало остаться китайцем

до конца и который бежал из Китая на запретный запад к какой-то новой религиозной действительности.

Драконом взлетающим, а не покоящимся на божественной середине, назвал Конфуций - Китай седого младенца Лао-Си, и этот дракон есть единственный за тысячелетнюю историю Китая, который хотел взлететь к небу. Существуют самые противоречивые толкования учения Лао-Си. Вл. С. Соловьев признавал Лао-Си "величайшим и, может быть, единственным умозрительным философом желтой расы" (Соч., VI, 118), утверждая, что, по Лао-Си, "истинное начало всего есть абсолютное безразличие", что "абсолютная пустота или безразличие, как умозрительный принцип, и отрицание жизни, знания и прогресса, как необходимый практический вывод" составляют самое существо учения Лао-Си. В противоположность Вл. Соловьеву арх. Хрисанф утверждал, что "божество Лао-Цзы есть мировая субстанция в пантеистическом смысле", что Лао-Си призывает к бессмертию, приобретаемому мудростью через усвоение божественного элемента в природе (1,161).

Автор статьи о Лао-Си в русском философском журнале, Д.П. Конисси, утверждает, что, "признавая Тао бесконечным и чистейшим духом, Лао-Си приходит к логически необходимому выводу, что оно существо высочайшее и абсолютное", что "метафизическая система Лао-Си представляет собою последовательное и цельное учение о едином Верховном Существо, подобное тому, до которого возвысилась греческая философия в эпоху своего расцвета" (Воп. Фил. и Пс, XXIII, 375-76). Всецело оставляя это утверждение на ответственности Д.П. Конисси, мы отметим лишь некоторые черты какого-то гераклитизма у Лао-Си:

"Вообще вещи идут вперед или назад! воют или дуют; сильны или слабы; несутся или же останавливаются на одном месте" (XXIX). "Я как будто несусь, но не знаю, куда и где остановлюсь. Я один темен, но люди света просвещены. Я один страдаю душевно; волнуясь, как море; блуждаю и не знаю, где остановиться (XX). Л.Н. Толстой, в последние годы жизни вновь заинтересовавшийся учением Лао-Си, утверждал, что "сущность учения Лао-Тзе есть та же, как и сущность учения христианского" (в книжке: Лао-Тзе. Избранные мысли. Изд. Посредника, М. 1911 г., стр. 10-11). Это утверждение Л. Н. Толстого, а также и другое его утверждение, что основная мысль учения Лао-Си "не только похожа, но совершенно та же, как и та, которая выражена в 1-м послании Иоанна" (стр. 9), - является ошибочным. Первое послание апостола Иоанна, действительно выражающее основу христианского учения, с неоспоримой ясностью выводит заповедь о

любви из учения об Иисусе Христе, Сыне Божиим; "Любовь познали мы в том, что Он (т. е. Христос) положил за нас душу свою" (3,16); оно утверждает далее Троичность Божества; "Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух, и сии три суть едино" (5,7); наконец, самую любовь послание ставит в теснейшую связь с Богочеловечеством Христа и сыновством людей Богу; "Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожденный, и всяк, любящий родившего, любит рожденного от Него.

Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога" (5,1-2). Идеи Богосыновства, Богочеловечества, искупительной жертвы и любви христианской, вытекающей из этих основных утверждений послания Иоанна, совершенно чужды Лао-Си, как и другим китайским учениям. Понятия, выражаемого словом "любовь", в учении Лао-Си нет вовсе: оттого это слово не встречается в переводах Конисси и Васильева, сделанных с китайского. Учение Лао-Си содержит подлинное, опытное указание на внутренний религиозный путь (который Лао-Си обозначает словом Тало), в его учении есть несомненно сильное начало аскетизма, несвойственного другим китайским учениям (как это указано архим. Хрисанфом), но, при всей своей возвышенности, чистоте и религиозной значительности путь Лао-Си не есть путь христианский. Наука китаеведения, сравнительная история религий и богословие одинаково заставляют утверждать это с полной очевидностью. Но при всех разногласиях в понимании учения Лао-Си одно совершенно несомненно:

это глубокое различие духовного пути Лао-Си от пути всех до единого китайских мыслителей. Путь Лао-Си - внутреннее углубление, отшельничество, пещера (имеющая особое мистериальное значение во всех арийских религиях), молчание, созерцание, аскеза - путь буддийский, христианский (разумеется, со стороны чисто внешней, форм, а не сущностей), но совершенно не китайский. Арх. Хрисанф, разбирающий учение Лао-Си с точки зрения христианской, чрезвычайно удачно и глубокомысленно отмечает это разительнейшее отличие Лао-Си от всех других китайских религиозных мыслителей: "мир есть проявление Дао - в его неистинной, низшей форме бытия. Истинное бытие, следовательно, состоит в отрешении от этого ничтожного, действительного бытия, в забвении интересов настоящей жизни, в приближении посредством созерцания к жизни самого "Дао". С таким понятием о божестве и происхождении из него мира у Лао-цзы связывается аскетизм, так чуждый китайскому духу, и созерцательность, так мало понятная для национальных мудрецов Китая. Этот аскетизм и есть путь к соединению с вечным Дао. Человек сосредоточенный освобождается из-под власти мира и становится одно с "Дао"; с этою последнею мыслью о соединении с "Дао" связано

учение об откровениях, получаемых от вечного разума".

Из завершеного, обнесенного великой стеной "не хочу знать далее" китайского мира, от позитивной середины, торжествующего факта и чувственной данности Лао-Си хочет уйти горным проходом созерцания, уединения, молчания и аскезы. В этом проходе открывается нам истинный Лао-Си - единственный дракон, хотевший взлететь к небу.

Понятие Тао у Лао-Си

Центральное место в учении Лао-Си занимает понятие "Таб" (или "Даб", по другому произношению). Из "Таб" выводит Лао-Си всю свою космогонию, метафизику, этику, даже политику; последователи Лао-Си, даосы, выводят из Таб всю свою мифологию, астрологию, магию, даже медицину.

"В буквальном переводе с китайского слова "Таб" (или То, До) обозначает понятия: "путь", "повиновение", "слово" или "говорить" - в общеупотребительном языке, "истина" или то, что непременно должно быть так, а не иначе - в философском смысле; оно же означает императивный долг - в этическом смысле" (Конисси XXIII, 263). До Лао-Си это слово употреблялось лишь в двух значениях: 1) путь или дорога и 2) императив - в этическом смысле. Слово Тао - употребляется и в системах конфуцианства. Лао-Си дал этому слову в своем учении совершенно особый смысл, установить который в точных и определенных терминах крайне трудно.

В космогоническом смысле, напр., в XLII главе, где о Таб говорится, как о "произведшем одно, одно - два, два - три, а три - все вещи", понятие Тао Лао-Си является, надо думать, тождественным с таким же понятием у Конфуция: в этом смысле Таб, по прекрасному определению Вл. С. Соловьева, - есть "единая безусловная потенция природы", проявляемая в мире двумя силами "инь и ян" (см. о них главу XLII). Но даже в чисто космогоническом смысле Лао-Си не довольствуется этим значением для Тао: Тао - творец всего сущего, а не только природа, неизменная по существу, но выделяющая из себя силы и творения - таков смысл главы LI-й.

Из всех китайских философов лишь один Лао-Си не принял мира, как факта, подлежащего объяснению только в пределах этого факта и исходя из конкретности этого существования мира, доступного чувствам: Лао-Си один шел умозрительным путем. Поэтому Тао - постигается умозрительно, и в собственном своем бытии оно есть

"чистейший дух" (гл. VI).

По определениям самого Лао-Си, Тао - "бесконечная глубина" (IV), "неуловимо, как блеск света" (XXI), "бесконечно" (XIV), "не имеет имени, но люди его называют Тао" (XXV, XXXII, LXI), "неистошимо" (IV), "чисто", "предвечно", "непостижимо" (XXI), "бестелесно", "самобытно" (XXV), и т. д.

Тао - бесконечно: но есть "бытие, которое существует раньше, нежели небо и земля", оно "не знает переворота" (XXV). "О, бесконечное! нельзя назвать его именем!" (XIV). "Тао пусто, но когда его употребляют, то, кажется, оно неистошимо" (IV).

Тао - есть чистейший дух: "чистейший дух бессмертен" (VI), "он будет существовать без конца" (VI).
Как бесконечное и чистейше-духовное, Тао есть существо высочайшее и абсолютное: "невозможно даже вообразить, что существует что-нибудь выше его".

Тао - абсолютно и едино (гл. VI, X), самобытно (XXV), беспредельно (XXXIV), всемогуще (LXXIII), вневременно, вечно (XXXII).

Таким образом, все эти свойства Тао, изобличающие его природу, могут быть сводимы к одному: Тао есть Верховное Существо.

К Тао сводится вся этика и политика Лао-Си: "живущий по Тао равен Тао", говорит он (XXIII). Поэтому в понятии Тао заключено не только представление о некоем Высшем Начале, но и о пути к нему, о соучастии в Тао: отсюда и самое слово Тао значит путь.

В представлении даосов Тао есть Все: "Что такое дао? нить пустоты и несуществования, корень творения, основание духовного, начало неба и земли; нет ничего вне его, нет ничего такого сокровенного, которое бы не заключалось в нем" (Из даосских писаний, приводимых у Васильева, стр. 81).

"Даосийцы ищут: в Дао тайну вечной и блаженной жизни; неизменной и всеобъемлющей, - нечто вроде философского камня или жизненного эликсира" (Соловьев, VI, 140).

Пребывание в Тао есть пребывание в совершенстве и блаженстве (в сфере нравственной), в вечности и бессмертии (в сфере метафизической) - таков прямой смысл учения самого Лао-Си у Тао.

По учению даосов, пребывающий в Тао приобретает еще власть над природой и становится вечным, - или вечностью нестареющего тела, или вечностью переселения души в другие существа. В конце же концов является вечность совершенного возвращения в Тао, в самобытие.

ПРИМЕЧАНИЯ К ОТДЕЛЬНЫМ ГЛАВАМ ПЕРВАЯ КНИГА

Г л а в а I. "То, что не имеет...; то, что имеет имя - есть мать всех вещей". Буквально не мать, а самка. В переводе St. Julienna - la femelle (p. 21).

"Эти оба происходят из одного и того же начала, но только носят разное название". Значение этого афоризма Д. П. Конисси объясняет так: "Существо, не имеющее имени, и существо, имеющее имя, - произошли из одного и того же начала - Тао".

Г л а в а IV. "О, как чисто!., предшествовало ли первому царю". - По объяснению переводчика: царю неба.

Г л а в а V. "Они поступают со всеми вещами, как с соломенной собакой" - Объяснение Д. П. Конисси: "Соломенная собака - это кукла собаки, сделанная из соломы. Она, по словам толкователя Лао-Си Хаку-Геку-сен, употреблялась при жертвоприношении. Когда окончится обряд приношения, то китайцы бросают ее и топчут ногами. Здесь это выражение употреблено в смысле "ничтожества". - Соломенная кукла собаки заменила какой-либо живой реальный предмет жертвоприношений: свидетельство, что во времена Лао-Си натуральные жертвы уже заменялись символическими.

Афоризм первый этой главы в переводе проф. Васильева читается так: "небо и земля не имеют человеколюбия" (стр. 77).

Г л а в а VI. "Непостижимой матерью (самкой) - "1a femelle" mysterieuse" у St. Julierva (p.21).

Глава VII. "Причина того, что небо и земля вечны, заключается в том, что они существуют не для самих себя". - Лао-Си признает временное существование вселенной. Вселенная не вечна. "Ни небо, ни земля, - говорит он, - вечно существовать не могут". Мир существует только благодаря Тао: в Тао - причина долгого существования мира; " однако Тао, образовавший мир, сделал это не для него самого.

"Процветающая вещь легко стареет", - говорит Лао-Си о мире. См. главы XXIII и LV.

"Он (т. с. святой муж) оставляет свое тело..." По переводу проф. Васильева этот и следующий афоризмы читаются так: "Когда святой муж небрежет о своем теле, то его тело выступает вперед, и он может достигнуть долголетия. Когда он не думает о собственной пользе, то может совершить собственную пользу" (стр. 78).

Г л а в а IX. Афоризмы третий, четвертый, пятый, по переводу проф. Васильева: "дом, наполненный золотом и драгоценными камнями, нельзя сберечь; богатство и знатность возбуждают гордость и влекут за собою вину (несчастье); небесный путь требует, чтоб доблести отступали вслед за телом" (стр. 78).

Глава X. "Кто хочет открыть небесные врата, тот должен быть, как самка". - Объяснение переводчика: "Открыть небесные врата" - значит достигнуть Тао или нравственного совершенства. Отсюда смысл этого афоризма таков: желающий достигнуть нравственного совершенства должен быть смиренным, как самка смиренна перед самцом".

Глава XIII. "Почет от сильных мира... как к совершенно призрачной". - Буквально: "достойной удивления".

Глава XV. "Исполняющий Тао не желает быть наполненным", - т.е. удовлетворенным.

Глава XVIII. "Когда великое Тао..." По толкованию Д. П. Конисси, "тут Лао-Си иронически называет "великим Тао" и мудростью те учения, которые известны под названием "Учения блаженнейших царей". - "Учение блаженнейших царей" есть древнее китайское учение. О нем же говорит Лао-Си в двух первых афоризмах XIX главы ("Когда уничтожено будет учение..."). Об этих древнейших учениях царей синолог проф. Васильев, выясняя их отношения к конфуцианству, говорит следующее: "Конфуцианство самостоятельно дошло до мысли, что только то хорошо, что сохраняет на себе тип древности; только в древнее время были хорошие образцы, совершенные люди. Не считая еще их ни богами, ни святыми, конфуцианство выставляет в пример нравственности и самого лучшего управления таких государей, каковы были: Яо, Шунь, Ваны: Тан, Вэнь и У; при этих царях все было хорошо устроено; каждое изречение их, даже простое восклицание, ' есть комментарий на всю жизнь, закон для будущих веков" (Васильев, Религии Востока, стр/ 17). Конфуцианство, явившееся реакцией против учения Лао-Си, приписывало величайшее значение "учению блаженнейших царей"; Лао-Си, наоборот, восставал против этих "комментариев на всю жизнь". Уже при ученике Конфуция, Мен-цзы, государи Яо и Шунь были признаны полубогами.

"Когда шесть ближайших родственников". - По объяснению переводчика: "6 степеней родовых линий". Вся эта глава переведена проф. Васильевым: "Когда великое Тао потеряно, тогда уже является человеколюбие и истина; разум и благоразумие вытекают из великой лжи; когда нарушается гармония в родстве, тогда только является почтительность сыновняя и любовь родительская; когда государство возмущено, тогда только являются преданные престолу чиновники (стр. 77).

"Великое Тао", упоминаемое в этой и следующей главах, есть мнимое, ложное Тао и, как такое, оно противоположно истинному Тао, которому посвящена вся книга Лао-Си и великие последствия от следования которому изложены Лао-Си в XXXIII главе, поэтому потеря этого "великого Тао" - есть благо, потеря истинного Тао - великое зло (глава XXXII).

Глава XIX. К афоризмам первому и второму: "Когда оставлены святость и мудрость"... и "когда оставлены человеколюбие и справедливость". Переводчик относит и эти выражения (святость, мудрость, человеколюбие, справедливость) к отвергаемому Лао-Си "Учению блаженнейших царей". О нем см. примеч. к XVIII главе.

Глава XX. "Я один отличаюсь от других тем, что люблю питаться у матери". - Т. е. у матери всех вещей - у самки, у Тао. См. I главу и особенно VI-ю.

Глава XXVIII. "Кто знает... и остается в невежестве". - Буквальный перевод: в незнании.

Глава XXIX. "Вообще вещи идут вперед или назад: воют или дуют". - В тексте St. Julien а: греют или охлаждают.

Глава XXX. "Когда вещь дойдет до полноты своего развития". Букв.: силы.

Глава XXXII. "Когда цари и князья заботятся о защите (своей страны), то сама природа делается помощницей их". Букв.: вещь.

"Когда небо совокупится... чего человек не в состоянии устроить". - По буквальному переводу: заставить творить.

ВТОРАЯ КНИГА

Глава XXXVIII. "Отсюда, когда потеряно Тао". - Сокращенный перевод этого и следующего афоризма у проф. Васильева: "Когда потерян путь (дао), являются доблести (дэ), потеряны доблести, - является человеколюбие, истина, церемонии... Церемонии же имеют самое

ничтожное значение в преданности и верности, напротив, он - глава беспорядка" (стр. 77). Ввиду важности этого места приводим его еще в переводе с английского, отредактированном Л. Н. Толстым (Изб. мысли Лао-Си, М., 1911 г.): "Если потеряно Тао, то остается добродетель; потеряна добродетель, остается человеколюбие; потеряно человеколюбие, остается справедливость; потеряна справедливость, остается приличие. Приличие - это только подобие правды и источник смут". Это же место имеется в переводе К. Д. Бальмонта, в книге "Зовы древности". Спб., 1908 г., стр. 138.

Место это противоположно по смыслу сказанному об исчезновении мнимого "великого Тао" в главе XVIII и XIX.

Г л а в а XL. "Все вещи произошли от бытия (что), и бытие от небытия (ничто)". См. примечание первое к XLII главе.

Глава XLII. "Тао произвело одно, одно - два, два - три, а три - все вещи".

Глава LXI. В переводе с англ. под ред. Л. Н. Толстого читаем: "Когда высшие ученые узнают о Тао, они старательно исполняют его. Когда средние ученые узнают о Тао, они то соблюдают, то теряют его. Когда низшие ученые узнают о Тао, они смеются над ним. Если бы они не смеялись над ним, оно бы не заслуживало имени Тао".

Глава XLII. "Один - это нечетное число, а два - четное. Соединение четного с нечетным обнимает все многообразие чисел. - О происхождении вещества наш философ учит следующим образом: Тао "произвело одно и т. д.". Это значит, что Тао создало единое, т.е. несложное, которое не есть еще видимое, осязаемое вещество и есть небытие. Так как небытие - отрицание бытия - включает в себе элемент отрицаемого, то из него же произошел и весь видимый мир.

О верности нашего понимания вышеприведенного изречения Лао-Си свидетельствует следующая мысль его. "Все вещи, - говорит он, - произошли из бытия, и бытие - из небытия" (XL глава, последний афоризм). (Д. Конисси. Философия Лао-Си. Вопр. фил. и псих., XXIII, 377). См. также замечания о космогонии Лао-Си выше, в заметке "Понятие Тао".

"Всякая вещь носит на себе инь и включает в себе ян".

Понятия инь и ян присущи не только учению Лао-Си, но и всей философии Китая. В наиболее общем своем значении инь и ян есть две

противоположные силы, выделяемые единым космическим целым - природой, как данностью. Как уже было отмечено, у китайцев нет представления о начале мира, как акте творческого процесса со стороны некоего Творца: поэтому, по свидетельству архим. Хрисан-фа, перевод первой главы книги Бытия на китайский язык невозможен. Сила ян есть сила активная или мужская, инь - пассивная или женская. Первичной, изначальной реализацией или воплощением силы ян, по китайскому воззрению, явилось небо, силы инь - земля. Дальнейшие воплощения этих двух сил бесконечно разнообразны. Отсюда - утверждение Лао-Си: "всякая вещь носит в себе инь и включает ян". См. замечания об этом у Вл. Соловьева, т. VI, стр. 108. В системе воззрений Лао-Си, по свидетельству исследователя (Д. П. Конисси).

Философия Лао-Си, XXIII, 377-8), учение об ян и инь занимает следующее место: "Первоначальное вещество, или материя, находилось в хаотическом состоянии" (Гл. XXV. "Вещество произошло из хаоса").

Эта хаотическая масса, по мнению Лао-Си, заключала в себе две противоположных силы: "инь" и "ян". Посредством этих двух сил вся хаотическая масса была приведена в движение, во время которого легкое поднялось вверх, а тяжелое погрузилось вниз (гл. XXVI). Благодаря этому движению хаотическая масса материи пришла в порядок. Достигшая порядка материя и есть вселенная со всей ее сложностью и разнообразием (гл. XXXIX). Такой сложный процесс происхождения действительности не мог совершиться сам собой. Творцом всего этого Лао-Си признает Тао".

В учениях даосов силы "инь" и "ян" подчинены началу "дэ" (достоинство): "Что такое Д' э? То, что получено небом и землей, то, из чего получают силы инь и ян" (Васильев, 82). Учение о "инь" и "ян" имеет некоторый параллелизм с буддийским учением о трех ян' ах.

Г л а в а LI. "Жизнь имеет 13 ступеней своего развития..." (а также к 2-м следующим афоризмам). Объяснение Д. П. Конисси: "13 - это символическое число. Оно, по словам толкователя Лао-Си Хану-Гёку-Сен, взято из области астрономии. Луна после своего появления через 13 дней достигает своей полноты; после полнолуния через 13 дней она совсем исчезает. Приводя это число дней, Лао-Си, очевидно, хотел указать на то, что всякое существо развивается до известной границы, и когда оно достигнет полноты развития, то начинает ослабевать и наконец совсем уничтожается". Сравн., напр., предпоследний афоризм XXX главы.

Глава LVII. "Когда в стране нет (еще) беспорядка, (тогда) следует им овладеть". - По объяснению переводчика, заключительная часть афоризма по смыслу значит: "принять меры к его предотвращению". "Когда в государстве... число преступников увеличится". - Букв, воров.

[НАЗАД](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

Наш сайт является помещением библиотеки. На основании [Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" \(в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ\)](#) копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных на данной библиотеке категорически запрещен. Все материалы представлены исключительно в ознакомительных целях.

- Методические пособия для индивидуального обучения на Видео кассетах VHS и DVD** - Мирзакарим Норбеков, Александр Свияш, Ошо, Виктор Востоков, Майя Гоголан, Сатья Саи Баба, Дипак Чопра, Валерий Синельников, Мантэк Чиа, Наталья Правдина, Дмитрий Верицагин, Сергей Коновалов **и др.**
- Музыка** для релаксации, медитации, восстановления здоровья, для занятий Йогой, при проведении сеанса лечебного массажа, Фэн Шуй, специально для детей и т.п. **на CD в форматах mp3 и sda**
- Книги** по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

 КОСМОС ТВ 8898551 +7189	 Участник Rambler's TOP 100	 ONLINE БИБЛИОТЕКА	 РЕЙТИНГ 45378652 mail.ru 23453 6035	 Библиотеки ALLBEST.ru	 Белые Облака	 36 371 6 125 6 026
---	--	--	---	---	--	--

Copyright © 2000 - 2006 г. UniversalInternetLibrary.ru